

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

На правах рукописи

Хамитов Дамир Ренатович

**ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Юрий Владимирович Варфоломеев

Саратов, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Общая характеристика жандармских органов Саратовской губернии накануне и в годы первой российской революции	
1.1. Совершенствование работы органов политической полиции Саратовской губернии в начале XX века.....	45
1.2. Документационное обеспечение и делопроизводство жандармских органов губернии.....	58
1.3. Направления, виды и методы работы политической полиции Саратовской губернии.....	67
Глава 2. Основные виды деятельности политической полиции Саратовской губернии	
2.1 Сбор и анализ сведений о социально-политической и криминогенной обстановке в губернии	78
2.2. Организация политического сыска в губернии.....	101
2.3. Контроль за благонадежностью: гласный и негласный надзор за политически неблагонадежными лицами.....	123
2.4. Жандармское дознание по политическим преступлениям в начале XX века.....	136
Глава 3. Расследование жандармскими органами дел о революционных преступлениях	
3.1. Дела о массовых антиправительственных выступлениях, беспорядках и забастовках	146
3.2. Расследование дел о распространении нелегальных изданий и агитационно-пропагандистской деятельности революционных организаций.....	169
Заключение.....	204
Список использованных источников и литературы	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования обусловлена рядом факторов, имеющих как научно-теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, в современной исторической науке наблюдается устойчивый интерес к изучению проблем функционирования правоохранительных и репрессивных институтов позднеимперской России. Изучение жандармских органов позволяет глубже понять природу политического кризиса самодержавия, соотношение реформ и контрреформ, а также механизмы взаимодействия власти и общества в переломные эпохи. Настоящее исследование вносит вклад в осмысление системного кризиса Российской империи на рубеже XIX–XX вв., в котором политическая полиция выступала ключевым элементом охранительной политики.

Во-вторых, актуальность определяется недостаточной изученностью региональной специфики работы жандармских учреждений. Большинство исследований фокусируется на столичных охранных отделениях или общероссийских тенденциях. Между тем, именно на уровне губернии проявлялись уникальные черты противоборства власти и революционного подполья, складывалась особая практика политического сыска, документооборота и дознания. Обращение к материалам Саратовской губернии – одного из наиболее «неспокойных» регионов Поволжья – позволяет реконструировать эффективность и пределы имперской модели политического контроля в провинции. При изучении российской истории позднеимперского периода актуальное значение приобретает также осмысление вопросов, связанных с характером и особенностями противоборства органов политической полиции с представителями революционного лагеря страны.

Актуальной научной задачей является также исследование деятельности органов политической полиции (на примере Саратовской губернии), с целью выяснения причин неспособности правоохранительных органов в пресечении

антиправительственной деятельности революционных организаций. В то же время, работа органов политического сыска России в начале XX века постоянно совершенствовалась и в организационном, и оперативно-розыскном отношении. Поэтому концепция исследования базируется на выяснении внутренних и внешних факторов этой противоречивой ситуации.

Хронологические рамки исследования: 1902-1907 гг. Нижняя временная граница исследования связана с целым рядом факторов – масштабными крестьянскими волнениями в Полтавской и Харьковской губерниях, послуживших импульсом к активизации аграрного движения в Российской империи, в частности, в Поволжье; созданием Партии социалистов-революционеров (эсеров) с их Боевой организацией; осознанием властью необходимости срочной модернизации жандармско-полицейской системы для укрепления правопорядка в стране. Верхняя граница – 1907 год – фиксирует момент, когда острая фаза революции завершена, и новая система политического сыска оформляется институционально. Таким образом, период 1902-1907 гг. – это целостный исторический цикл: от осознания неэффективности прежней репрессивной модели и начала реформирования органов политической полиции, через их апробацию в экстремальных условиях Первой русской революции, к созданию обновленного и усиленного аппарата политического сыска, который станет одной из опор «Третьеиюньской монархии».

Территориальные рамки исследования: Саратовская губерния в ее границах начала XX в.

Объект исследования – органы политической полиции Саратовской губернии.

Предмет исследования – деятельность жандармских органов региона в противоборстве с революционными организациями в начале XX вв.

Степень изученности темы. Следует подчеркнуть, что тема диссертации, имеющая междисциплинарный характер, неизменно предполагает обращение автора как к собственно историческим трудам, так, и

к работам ученых-юристов, специализирующихся на вопросах изучения истории права и правоохранительных органов России. Именно поэтому в историографическом обзоре присутствуют эти два направления.

Разработка различных аспектов противостояния революционеров и охранителей режима представляет собой солидный и разнообразный корпус статей, сборников научных трудов и монографических изданий. Между тем, исследовательский ракурс, обусловленный заявленной темой, сосредоточен на работах, посвященных изучению деятельности политической полиции накануне и в годы первой русской революции с акцентом на региональную составляющую этой проблематики.

Историографический обзор по теме исследования целесообразно построить по традиционной схеме: дореволюционная, советская, современная (постсоветская) и зарубежная историография.

Дореволюционная историография. Эта группа научных работ по теме диссертации в окончательном виде не сформировалась. Здесь следует отметить всего несколько работ ученых-юристов, рассматривавших юрисдикцию жандармских органов в контексте изучения становления и развития вопросов полицейского права. Это труды И.Т. Тарасова, И.И. Янжула, В.Ф. Дерюжинского и Н.Н. Белявского¹. К этим работам примыкают и специальные издания, подготовленные Н.И. Арефой² и Л.Н. Тимофеевым, посвященные исследованию организационно-правовой стороны в деятельности правоохранительных органов, и при этом имевшие в большей степени практический характер. К этой группе примыкает также книга эмигранта, бывшего сотрудника охраны, а в последующем разоблачителя провокаторов Л.П. Меньщикова³.

¹ *Тарасов И.Т.* Очерк науки полицейского права. М., 1887; *Янжул И.И.* Полицейское право. СПб., 1888; *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право: Учебное пособие. СПб., 1903; *Белявский Н.Н.* Полицейское право: Конспект лекций. Юрьев, 1904.

² *Арефа Н.И.* Инструкция полицейским урядникам. СПб., 1902; *Тимофеев Л.Н.* Обязанности жандармской полицейской полиции. СПб., 1912.

³ *Меньщиков Л.П.* Минувшее (Русский политический сыск за границей). Париж, 1914.

Отдельное место среди работ этого периода занимает также небольшое исследование общественного и политического деятеля либерального направления, профессора права Н.А. Гредескула¹, который попытался проследить взаимосвязь и внутренние противоречия двух противоборствовавших явлений начала XX в. – политического террора и жандармских органов.

В этот период вышла статья известного пушкиниста, историка и публициста П.Е. Щеголева в журнале «Былое». Его научные интересы были весьма широки, но в период серьезных социально-политических потрясений в России начала двадцатого столетия, он намеренно обратился к исследованию актуальной тогда проблемы – истории общественного движения, и, в связи с этим, его интерес был заострен на проблеме деятельности агентов тайной полиции, противостоявших деятелям освободительного движения².

К историческим трудам этого периода также можно отнести работы, изданные по случаю столетнего юбилея Министерства внутренних дел³, или к 200-летию столичной полиции⁴, но эти труды в малой степени носили исследовательский характер, и могут представлять интерес в большей степени как справочные издания.

Интерес к изучению истории возникновения и в особенности специфики деятельности политической полиции Российской империи особенно заметно проявился в последующие годы. Прежде всего, следует назвать работы, которые трудно отнести к дореволюционному или советскому периоду, потому что они были подготовлены авторами еще в императорский период, а увидели свет на переломном этапе российской истории – уже в последние месяцы существования Временного правительства. Это большая статья

¹ Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912.

² Щеголев П.Е. К истории полицейской агентуры в России // Былое. 1906. № 3. С. 10-22.

³ Министерство внутренних дел, 1802-1902: Исторический очерк. СПб., 1902.

⁴ Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство, 1703-1903. СПб., 1903.

В.Г. Жилинского, опубликованная в «Голосе минувшего» в октябре 1917 г., написанная по «горячим следам» падения царского режима, в которой автор предпринял попытку рассмотреть деятельность охранных отделений под новым углом зрения¹. В конце 1917 г. вышли брошюры М.А. Осоргина² и П.Е. Щеголева³, написанные также в период несбывшихся ожиданий и демократических надежд периода Временного правительства, и имевшими явный антисамодержавный характер с претензией на разоблачение «ужасов» и тайн царской охраны. Подзаголовок работы Щеголева так и заинтриговывал читателя – «из ужасов секретных застенков». Также в этот короткий, переходный период между императорской и советской властью вышли работы о царской охране А. Волкова, В. Я. Ирецкого, А. Красного и П. Пильского⁴.

В первые годы советской власти тема «царские жандармы» приобретает еще больший исследовательский размах, особенно в связи с появлением в открытом доступе секретных документов Департамента полиции. Период советской историографии отличался преобладанием остро критичного и даже осуждающего взгляда на деятельность правительственных структур царской России, особенно ее правоохранительной системы, и в первую очередь, политической полиции. Такой подход проявлялся в односторонней, нередко предвзятой, с обвинительным уклоном характеристике работы жандармских органов. Среди первых работ советского периода следует назвать труды С.Б. Членова⁵ и М.А. Цявловского⁶.

Начиная с 1918 г. стали появляться первые исследования,

¹ Жилинский В.Г. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 247–306;

² Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917.

³ Щеголев П.Е. Тайны охраны (из ужасов секретных застенков). М., 1917.

⁴ Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Ирецкий В.Я. Охранка: Страницы русской истории. СПб., 1917; Красный А. Тайны охраны. М., 1917; Пильский П. Охранка и провокация. Пг., 1917.

⁵ Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. С приложением списков сотрудников, опубликованных Комиссией. М., 1919.

⁶ Цявловский М.А. Предисловие // Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. М., 1918.

подготовленные советскими историками, среди которых следует назвать работы В.К. Агафонова¹, С.Г. Сватикова², П. Павлова³, продолжившими уже сложившуюся и востребованную новой властью линию разоблачения тайн и обличения царской охраны. Несмотря на то, что уже начали предприниматься попытки анализа разных сторон деятельности жандармских органов, в том числе применявшихся охранителями приемов и методов политического сыска, все-таки преобладающим направлением являлось изобличение предосудительных средств борьбы политической полиции с революционным движением, особенно таких, как провокация и перлюстрация⁴.

Более глубокое осмысление и анализ различных средств политического сыска представили в своей совместной работе российский эсер Георгий Зильбер и внук К. Маркса, социалист Жан Лонге⁵. Полицейскую провокацию в ее персонифицированном выражении на примере Евно Азефа исследовал в своих работах российский историк и социал-демократ Б.И. Николаевский⁶.

Однако в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века эта некогда актуальная тематика уходит из историографического пространства как минимум на четверть века. Среди последних работ на этом этапе следует назвать книги историка и литературоведа Б.П. Козьмина⁷ и П.Е. Щеголева⁸. В это же время одной из самых заметных и крупных работ стал труд

¹ Агафонов В.К. Заграничная охранка. (Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). Пг., 1918.

² Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей (по документам парижского архива Заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов н/Д, 1918.

³ Павлов П. Агенты, жандармы, палачи: По документам Петрограда. Пг., 1922.

⁴ Алексеев И.В. Вступительная статья // История одного провокатора: Обвинительное заключение и материалы к процессу Е.А. Серебряковой. М., 1925. С. 1-10; Звягинцев Е.А. Провокаторы и подстрекатели // Последние годы старого порядка и его падение. М., 1918. С. 119-146; Кантор Р.К. Провокатор Степан Белов // Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 141-152; Он же. К истории черных кабинетов // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 90-99.

⁵ См.: Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991.

⁶ См.: Николаевский Б. Конец Азефа. Л., 1926; Он же. История одного предателя. М., 1991.

⁷ Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928.

⁸ Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

Л.П. Меньщикова¹. На основе личных воспоминаний и большого объема раскрытых, в первые годы советской власти, документов Меньщиков рассмотрел скрытые стороны двух противоборствовавших сил позднеимперской России – подпольные тайны революционных партий, с одной стороны, и секреты царской охраны, с другой.

Новый этап в изучении проблематики жандармских органов Российской империи относится к 1960-70-м годам. Здесь следует назвать работу Н.П. Ерошкина, хотя и специализировавшегося на истории государственного управления и правительственных учреждений страны до 1917 г., но при этом уделившего отдельное внимание, в одной из своих статей, организации и деятельности органов политической полиции царской России². В эти годы вышло еще несколько работ, в которых рассматривались разные аспекты в изучении деятельности политической полиции России. А.Г. Чукарев вновь после долгого перерыва обратился к исследованию методов и средств политического сыска³, Ю.В. Черняев, изучая эпистолярные источники, заострил внимание, на практике перлюстрации, использовавшейся жандармами⁴, а И.С. Вахрушев исследовал малоизученный вопрос контроля за революционерами-эмигрантами, осуществлявшимся заграничной агентурой за рубежом⁵. При этом сохранялся традиционный подход в изучении жандармских органов с акцентом на их карательный, репрессивный характер. Поэтому эта проблематика рассматривалась советскими учеными с позиции

¹ Меньщиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. 1. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925; Ч. 2. Вып. 1. 1898–1903 гг. М., 1928; Ч. 2. Вып. 2. М., 1929; Ч. 3. М., 1932.

² Ерошкин Н.П. «Россия под надзором». (Организация и деятельность органов политического сыска в царской России) // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 85–97.

³ Чукарев А.Г. Методы и средства политического розыска в царской России // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968. С. 193–201.

⁴ Черняев Ю.В. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. М.; Л., 1976. Ч. 1. С. 134–156.

⁵ Вахрушев И.С. Русские революционеры и заграничная агентура царизма в 70–80-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 8. С. 53–70.

борьбы большевиков с царской охранкой. Характерными в этом отношении стали работы А.П. Кознова, Б.К. Эренфельд, Н.Н. Ансимова¹. Подпольной работе саратовских большевиков с царским режимом и их противостоянию с жандармскими органами губернии были посвящены работы В.Н. Позойской² и В.В. Васькина³. Однако изучение именно органов политической полиции Саратовской губернии в досоветский и советский периоды еще не сложилось как самостоятельное историографическое направление, хотя выходили отдельные работы.

Как всегда исследуемая проблематика была и в фокусе ученых-юристов, занимавшихся историей государства и права. Здесь следует назвать работы Д.И. Шинджикашвили⁴, А.В. Хохлова⁵ и Р.С. Мулукаева⁶ и К.П. Краковского⁷. Шинджикашвили, в частности, предложил свою классификацию внутренней и наружной агентуры политической полиции. Однако историки права в основном делали акцент на деятельности общей полиции, пенитенциарных учреждений и только в определенной в какой-то мере – жандармских органов.

Существенным сдвигом в историографической ситуации по изучению

¹ Кознов А.П. Большевики против царской охраны // Факел 1989; *Он же*. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции, 1907–1910 // Вопросы истории КПСС. 1986. №. 12; *Он же*. Заграничный политический сыск, 1900–февраль 1917 гг. // Кентавр. 1992. № 1-2; Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт: из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983; Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. Свердловск, 1989; *Он же*. Тайная политическая полиция самодержавия и российская социал-демократия. Екатеринбург, 1992.

² Позойская В.Н. Саратовская партийная организация в годы царской реакции, 1907–1910 гг. // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 39-62.

³ Васькин В.В. Февральская буржуазно-демократическая революция в Саратовской губернии // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 3-17.

⁴ Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция в царской России в период империализма. Омск, 1973.

⁵ Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905-1907. М., 1975.

⁶ Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1979; *Он же*. Полиция в России (XIX – начало XX века). Н. Новгород, 1992

⁷ Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 315-344.

истории политической полиции стали кандидатские диссертации, защищенные в конце 1980-х гг. Это обобщающие исследования учеников Н.П. Ерошкина – Л.И. Тютюнник¹ и З.И. Перегудовой², а также их московских коллег Ю.Ф. Овченко³, А. А. Миролюбова⁴ и А. Е. Скрипилева⁵. Эти ученые, на основе введения в научный оборот большого количества архивных источников, не только значительно расширили имевшиеся до этого знания по истории Департамента полиции, но и заложили тенденции объективного, непредвзятого исследования жандармских органов царской России.

Начиная с 1990-х годов эта тенденция не только укрепляется, но и постепенно становится доминирующей в отечественной историографии. Исследования, характеризующие социально-экономические и политические процессы начала XX в. стали глубже оценивать специфику и социально-политические противоречия позднеимперской России. В 1990-е гг. появилось немало публикаций, которые содержали неизвестные сведения о деятельности политической полиции дореволюционного периода. Это работы В.М. Жухрая⁶, Ф.М. Лурье⁷, Ч. Рууда и С.А. Степанова⁸, И.И. Кравцева⁹, Г.З. Головкова и С.Н. Бурина¹⁰, В.В. Романова¹¹ и др. Эти исследования отличаются новыми подходами в изучении дискуссионной темы. В эти годы

¹ *Тютюнник Л.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1986.

² *Перегудова З.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением. (Годы реакции и нового революционного подъема): дис... канд. ист. наук. М., 1988.

³ *Овченко Ю.Ф.* Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1989.

⁴ *Миролюбов А.А.* Политический сыск в России, 1914–1917 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1988.

⁵ *Скрипелев А.Е.* Отдельный корпус жандармов в системе МВД дореволюционной России, 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988.

⁶ *Жухрай В.М.* Тайны царской охраны: авантюристы и провокатор. М., 1991.

⁷ *Лурье Ф.* Полицейские и провокаторы. Полицейский сыск в России 1649–1917. СПб., 1992.

⁸ *Рууд Ч., Степанов. С.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

⁹ *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999.

¹⁰ *Головков Г.З., Бурин С.Н.* Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М., 1994.

¹¹ *Романов В.В.* На страже Российской монархии: Политическая полиция Поволжья в 1905–1907 гг. Ульяновск, 1999.

появляются и работы, посвященные историческим портретам известных деятелей политической полиции. Здесь следует отметить труды И.С. Розенталь¹, В.С. Брачева², П.И. Руднева³.

Начало XXI века ознаменовалось выходом в свет фундаментальной монографии З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917 гг.)»⁴, ставшей итогом ее многолетних исследований в изучении политической полиции Российской империи. Автор, на основе богатейшего массива источников, воссоздала картину становления и эволюции Департамента полиции, его структуры и кадровой политики. В монографии поэтапно исследованы разнообразные вопросы деятельности Департамента полиции, его руководящая роль и взаимодействие с губернскими жандармскими управлениями. Эта работа, затрагивающая исследование различных сторон политического сыска позднеимперской России, стала, без преувеличения, событием в историографии по данной теме.

Комплексному исследованию охранных структур Российской империи, включая органы политического сыска, службы контрразведки, в контексте их борьбы с революционным подпольем посвящена работа С.Н. Галвазина⁵. Другая группа ученых, таких как Э.Ф. Макаревич⁶, В.Г. Джанибекян⁷, Н.Г. Сысоев⁸ в своих исследованиях рассмотрели знаковые эпизоды в истории жандармских органов кон. XIX – нач. XX вв. в непосредственной взаимосвязи с местом и ролью в их деятельности руководителей и знаменитых секретных агентов политической полиции. Особое место в изучении

¹ Розенталь И.С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М. 1996.

² Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

³ Руднев П.И. Начальник московской сыскной полиции А.Ф. Кошко // Вопросы истории. 1999. № 4. С. 136-143.

⁴ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

⁵ Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

⁶ Макаревич Э.Ф. Политический сыск. Истории, судьбы, версии. М., 2002.

⁷ Джанибекян В.Г. Провокаторы и охранка. М., 2005.

⁸ Сысоев Н.Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М., 2005.

правоохранительных органов царской России заняли работы Ю.А. Реента¹, который предложил авторскую концепцию тактики использования источников получения информации в процессе политического сыска.

Всестороннему осмыслению противоречивой и щепетильной проблемы в деятельности жандармских органов – использованию перлюстрации посвятили свои работы В.С. Измозик² и Т.А. Соболева³. Проблема перлюстрации долгое время оставалась одной из наименее изученных сторон истории российского государственного аппарата. Закрытость источников, секретный характер самой практики и идеологические ограничения советского времени не позволяли историкам объективно исследовать это явление. Существенный прорыв в разработке проблемы был сделан в трудах двух отечественных исследователей – В.С. Измозика и Т.А. Соболевой. Их работы, взаимно дополняя друг друга, сформировали целостное представление о перлюстрации как о системном институте политического контроля и разведывательной деятельности.

В.С. Измозик в монографии «„Черные кабинеты“: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века»⁴ впервые представил комплексную историю перлюстрации в Российской империи. Автор рассматривает перлюстрацию не как случайную практику отдельных чиновников, а как продуманную государственную систему, имевшую свои учреждения, кадры, нормативные основания и технологические процедуры. Он подробно исследует возникновение «черных кабинетов» – специальных подразделений при почтовых ведомствах, занимавшихся негласным просмотром

¹ *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900 – 1917 гг: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Он же.* История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. Рязань, 2002.

² *Измозик В.С.* А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев: к истории «Черных кабинетов» в России, конец XIX – начало XX в. //Из глубины времен. 1997. Л. 1999. № 9; *Он же.* «Чёрные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVII – начало XX века. М., 2015.

³ *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России. М., 1994; *Она же.* История шифровального дела в России. М., 2002.

⁴ *Измозик В.С.* «Чёрные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVII – начало XX века...

корреспонденции. В работе показано, что перлюстрация была тесно связана с деятельностью политической полиции, Министерства внутренних дел и императорской канцелярии. Измозик вводит в научный оборот значительный массив архивных документов, раскрывает механизмы отбора писем, способы снятия печатей, копирования и последующего использования полученной информации. Особое внимание автор уделил правовой двусмысленности перлюстрации: формально она противоречила почтовым уставам, но фактически санкционировалась секретными распоряжениями монархов. Благодаря работам Измозика перлюстрация перестала восприниматься как историографическая экзотика и была осмыслена как важный элемент системы государственного управления и политического сыска.

Иной ракурс предлагает Т.А. Соболева в труде «История шифровального дела в России»¹. Перлюстрация рассматривается ею в контексте развития криптографии и дешифровальной службы России. Автор показывает, что «черные кабинеты» были не только органами политического надзора, но и центрами перехвата и анализа зашифрованной переписки. В монографии детально освещается техническая сторона перлюстрации: методы вскрытия конвертов, восстановления печатей, использования химических реактивов, а также работа с шифрами и кодами. Соболева прослеживает эволюцию перлюстрации от эпизодического чтения дипломатической корреспонденции в XVII–XVIII веках до создания постоянных «черных кабинетов» при Екатерине II, Александре I и Николае I. Она подчеркивает, что перлюстрация была неотъемлемой частью информационного обеспечения внешней политики и военной разведки: перехваченные и расшифрованные депеши давали российскому правительству важные сведения о планах иностранных держав. Тем самым Соболева вводит перлюстрацию в более широкий контекст истории спецслужб и государственной безопасности.

¹ Соболева Т.А. История шифровального дела в России...

Таким образом, исследования В.С. Измозика и Т.А. Соболевой дополняют друг друга. Если Измозик акцентирует внимание на социально-политической функции перлюстрации, ее институциональной организации и роли в контроле над обществом, то Соболева делает упор на информационно-аналитическую и криптографическую составляющую. В совокупности их труды позволяют рассматривать перлюстрацию как сложный феномен, находившийся на стыке почтового ведомства, политического сыска, дипломатии и разведки. Они убедительно доказывают, что перлюстрация являлась не маргинальным явлением, а системообразующим элементом государственного механизма Российской империи.

Значение работ В.С. Измозика и Т.А. Соболевой состоит прежде всего в том, что они ликвидировали существенный пробел в отечественной историографии, ввели в научный оборот обширные архивные материалы и задали новые направления для дальнейших исследований. Проблема перлюстрации благодаря их трудам заняла достойное место в изучении истории государственных институтов, политической полиции и разведывательных служб России.

В качестве одного из направлений деятельности политической полиции в начале XX в. у целого ряда исследователей, таких как О.В. Будницкий¹, А. Гейфман², Л.Г. Прайсман³, А.И. Суворов⁴, О.Н. Квасов⁵ стало изучение борьбы политической полиции с революционным террором в позднеимперской России. Эта тема остаётся одной из наиболее полемичных в научном дискурсе как отечественной, так и зарубежной историографии. В

¹ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, практика, вторая половина XIX–начало XX в. М., 2000.

² Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М., 1997.

³ Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

⁴ Суворов А. И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социс. 2000. № 12. С. 100-108; *Он же*. Борьба с терроризмом в России в XIX– начале XX века (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002.

⁵ Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.). Воронеж, 2022.

советское время преобладала героизация народовольцев и одновременно идеологически заданная критика эсеровского террора. В постсоветский период, с открытием архивов и расширением методологического инструментария, сложилось несколько исследовательских подходов. Среди заметных авторов, изучающих эту проблему, – Будницкий, Гейфман, Прайсман, Суворов и Квасов. Их работы различаются по методам, источникам и выводам, однако в совокупности позволяют представить революционный террор как сложное и многослойное явление.

О.В. Будницкий в монографии «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология» сосредоточился на внутренней, идейно-нравственной логике террора. Для него террор – не просто политическая тактика, а особая система представлений, в которой убийство представителя власти воспринималось как акт справедливого возмездия. Будницкий подробно анализирует программные документы «Народной воли», Боевой организации эсеров, воспоминания и письма террористов. Он показывает, что участники террористической борьбы чаще всего действовали не из патологической жестокости, а из нравственного максимализма, соединённого с утилитарной формулой «цель оправдывает средства». Вместе с тем исследователь выявляет глубокие внутренние противоречия террористической этики: жертвенность сочеталась с правом распоряжаться чужими жизнями, а моральный ригоризм – с релятивизмом. Работа Будницкого стала одной из первых попыток понять террор «изнутри», не оправдывая и не демонизируя его участников.

Иной подход предлагает Анна Гейфман. В книге «Революционный террор в России, 1894–1917» она рассматривает террор прежде всего как массовое социальное явление. На основе полицейских и судебных материалов Гейфман показывает, что в 1905–1907 годах революционный террор приобрёл характер настоящей эпидемии: тысячи экспроприаций, нападений на чиновников, полицейских и случайных жертв. Автор утверждает, что значительная часть исполнителей была слабо связана с партийными

программами; ими нередко двигали корысть, отчаяние, психологическая неустойчивость и подражание. Гейфман фактически стирает грань между политическим терроризмом и уголовной преступностью. Её вывод состоит в том, что массовый революционный террор не столько приближал освобождение, сколько разрушал правовые и нравственные основы общества и стал преддверием большевистского террора. Критики указывали на избирательное использование источников, однако работа Гейфман существенно скорректировала представления о масштабе и социальном составе террора.

Л.Г. Прайсман в книге «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы» обратился к институциональному измерению проблемы. Его центральная тема – переплетение революционного подполья и политической полиции. На материалах биографий Е.Ф. Азефа, Г.А. Гершуни, Б.В. Савинкова и других фигур Прайсман показывает, что террористические организации были глубоко пронизаны агентами охраны, а провокация стала системообразующим элементом политической борьбы. Исследователь доказывает, что изучать революционный террор вне полицейской провокации невозможно: охранка не только преследовала террористов, но подчас способствовала их акциям, компрометировала движение и развращала обе стороны. Тем самым Прайсман размывает героический миф о нравственной чистоте революционеров и показывает, что террор был частью общего кризиса легитимности власти.

А.И. Суворов рассматривает политический терроризм в России в более широкой исторической перспективе. В его работах разрабатывается типология терроризма – революционный, государственный, националистический – и выделяются этапы эволюции революционного террора от «Народной воли» до эсеров и анархистов. Для Суворова революционный террор является следствием системного кризиса: незавершённость реформ, слабость правовых институтов, отчуждение интеллигенции от власти и радикализация общественных настроений. Он подчёркивает преемственность между

дореволюционным революционным террором и последующими формами политического насилия, а также предостерегает от морального оправдания террора, рассматривая его как тупиковую политическую стратегию. Такой подход вводит революционный террор в общий контекст истории политического насилия.

О.Н. Квасов смещает акцент на социально-философское и историко-культурное измерение проблемы. Он исследует формирование «террористического сознания», его мировоззренческие истоки – от русского нигилизма до утопического максимализма. Квасов показывает, что революционный террор был не только политической практикой, но и квазирелигиозным феноменом: террористы видели в своём акте жертву, искупление и единство с народом. Автор анализирует эволюцию риторики насилия, трансформацию представлений о справедливости и моральной допустимости убийства. Такой подход объясняет устойчивое воспроизводство террористической традиции в России и её этическую привлекательность для части интеллигенции, не сводя её ни к чистой уголовщине, ни к рациональному политическому расчёту.

Сопоставление позиций этих авторов выявляет несколько ключевых историографических подходов. Будницкий и Квасов сосредоточены на идейно-нравственной мотивации террористов, тогда как Гейфман делает упор на массовой практике и криминализации движения. Прайсман переносит внимание на институциональную среду и провокацию, а Суворов – на социально-политические предпосылки и типологию насилия. Эти подходы не столько исключают, сколько дополняют друг друга: идейный выбор невозможно понять без социального контекста, а массовую практику террора – без анализа полицейской провокации и политического кризиса империи.

Таким образом, современная историография ушла от однозначных оценок революционного террора. Работы Будницкого, Гейфман, Прайсмана, Суворова и Квасова показывают его как многослойный феномен: идеологический проект, нравственный кризис, массовую практику насилия,

элемент полицейско-провокационной системы и симптом распада имперского порядка. Их полемика о масштабах, мотивах и последствиях террора остаётся методологически значимой и для анализа современного политического насилия.

Особое место среди работ по истории Саратовской губернии начала XX в. занимает коллективный труд саратовских ученых «Очерки истории Саратовского Поволжья 1894–1917 гг.»¹, подготовленный под редакцией И.В. Пороха ведущими специалистами по отечественной истории, такими как, М.В. Булычев, А.В. Воронежцев, Е.К. Максимов, В.П. Тотфалушин и др. В этой обобщающей работе раскрываются особенности развития губернии с 1894 по 1917 гг. Однако в этой и в целом ряде других работ² деятельность региональных органов политической полиции не являлась отдельным предметом изучения.

На современном этапе – в последние два десятилетия – исследовательский интерес к всестороннему изучению истории органов политической полиции остается неизменно высоким. При этом следует отметить широту охвата различных сторон деятельности жандармских органов: вопросы историографии данной темы, различные стороны деятельности и методы политического сыска, жандармские управления железных дорог, повседневная жизнь и персоналии жандармов и мн. др.³.

¹ Очерки истории Саратовского Поволжья 1894-1917 гг. В 2 ч. Саратов, 1999.

² *Соломонов В.А.* Революционное студенческое движение в Саратове 1910-1917 гг. Саратов, 1991; *Романов В.В.* На страже российской монархии: Политическая полиция Поволжья 1905-1907 гг. Ульяновск, 1998; *Он же:* Закат политической полиции Российской империи: ликвидация подразделений отдельного Корпуса жандармов в Симбирской губернии в 1917–конце 20-х гг. XX в. Ульяновск, 2000; *Кабытова Н.Н.* Власть и общество Российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара, 1999.

³ *Иванцов М.Н.* Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... ист. наук. М., 2009; *Рыжиков Д.Г.* Органы политического сыска в борьбе с РСДРП и партией эсеров в 1902-1917 гг.: на материалах Нижегородской губернии: автореф. дис... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009; *Бродникова М.Н.* Методы деятельности политической полиции в России в конце XIX – начале XX вв. Наружное наблюдение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 3 (42). С. 120-124; *Горбачева И.М.* Перлюстрация как метод борьбы политической полиции с революционным движением во второй половине XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования 2015. № 1(5). С. 105-109; *Лаврёнова А.М.* Чины отдельного

Период 1881–1905 гг. занимает особое место в истории российского политического сыска. Убийство 1 марта 1881 г. императора Александра II выявило недостатки в организации внутренней безопасности в империи. Именно в эти десятилетия складывается система, которая впоследствии получит название «охранка», формируются методы наружного наблюдения, секретной агентуры и перлюстрации, отрабатываются механизмы борьбы с революционным подпольем.

В отечественной историографии деятельность политической полиции долгое время рассматривалась преимущественно в контексте истории революционного движения или общей карательной политики самодержавия. В работах М.А. Аракелян жандармские органы исследуются как самостоятельный государственный институт со своей внутренней логикой,

корпуса жандармов в восприятии Российских революционеров // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 21-32; *Она же*. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1(43). С. 99-116; *Она же*. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.: автореф. ... дис... канд. ист. наук. М., 2018; *Бойко С.И.* Противостояние Казанского губернского жандармского управления и учащейся молодежи в конце XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 10-14; *Пащенко А.П.* Губернское жандармское управление, как основа структуры отдельного корпуса жандармов (на примере самарского губернского жандармского управления) // Пробелы в Российском законодательстве. 2009. № 2. С. 251-253; *Опилкин А.С.* Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX века глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов // Государственное управление. Электронный вестник. № 31. 2012. С. 1-16. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-politicheskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-v-nachale-xx-veka-glazami-sluzhaschih-departamenta-politsii-i-otdelnogo> (дата обращения: 09.10.2025); *Джундужузов С.В.* Политический сыск на Южном Урале в период революции 1905–1907 гг.: совершенствование организации и методов работы // Правопорядок: история, теория, практика 2017. № 4(15). С. 34-45; *Рыжаков Д.Г.* Рыцари монархии: провинциальная жандармерия во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2008. № 2. С. 26-33; *Бикташева А.Н.* Казанские губернаторы в донесениях жандармских штаб-офицеров 1826–1832 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150, Кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. С. 83-92; *Бибииков Г.Н.* Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое / The new past. 2021. № 1. С. 34-57; *Медведев С.В.* Политическая полиция, революционеры и железные дороги в начале XX столетия. М.; Берлин, 2023.

правовой базой, кадровым составом и специфическими методами работы¹. Центральное внимание в трудах Аракелян уделено институциональному становлению политической полиции после 1881 г. Автор показывает, что реформы начала 1880-х гг. не сводились к простому расширению жандармского аппарата. Создание Департамента государственной полиции, а затем Департамента полиции МВД, появление охранных отделений в Петербурге, Москве и Варшаве, формирование «летучих отрядов» филёров и разветвлённой сети секретных сотрудников означали переход к систематическому политическому розыску. При этом исследователь подчёркивает правовую двойственность, в которой действовала политическая полиция: наряду с обычными судебными-процессуальными нормами широко применялись чрезвычайные положения 1881 г., допускавшие административную высылку, гласный и негласный надзор, а также особые полномочия генерал-губернаторов и градоначальников.

Особый интерес исследователей при изучении истории политической полиции Российской империи вызывают западные окраины империи – регионы, где политическая нестабильность, национально-освободительные движения и революционная активность создавали постоянную угрозу для государственной безопасности. На протяжении многих лет всесторонним

¹ Аракелян М.А. Наружное наблюдение и его роль в системе методов политического сыска Российской империи (1881–1905 гг.) // *Философия. История. Культура. Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов, 2004. Вып. 5. С. 85-91; *Она же*. Революционное подполье против политической полиции: конспиративная техника революционеров в конце XIX – начале XX вв. // *Мир русской провинции: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных статей*. Балашов, 2006. С. 15-36; *Она же*. Арсенал политического сыска Российской империи в 1881–1905 гг.: специальные методы и средства // *Молодые ученые–агропромышленному комплексу поволжского региона. Сборник научных работ*. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 10-28; *Она же*. Секретная агентура политической полиции Российской империи в 1881–1905 гг. (из истории российских политических спецслужб) // *Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова*. 2007. № 1. Вып. 2. С. 94-9; Аракелян М.А. Профессионалы сыска: Петр Иванович Рачковский // *Новый век: история глазами молодых*. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 87-103; *Она же*. Перлюстрация как метод политического сыска в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2007. № 5(19). С. 127-130; *Она же*. Политическая полиция Российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

изучением правоохранительных органов, и, в первую очередь, политической полиции в борьбе с революционным движением в западных губерниях Российской империи занимается С.В. Ананьев¹. В его работах детально анализируется деятельность местных органов политической полиции в западных губерниях, их роль в борьбе с революционным движением и эволюция форм и методов политического сыска на протяжении второй половины XIX – начала XX века.

Научная деятельность С.В. Ананьева охватывает несколько взаимосвязанных сюжетов, связанных с функционированием полицейских и жандармских органов на западных окраинах Российской империи. Хронологически его работы сосредоточены на двух периодах: пореформенные десятилетия (1860–1880-е годы) и эпоха Первой русской революции (1905–1907 годы). Географически в центре внимания исследователя находятся Северо-Западный край, Привислинский край (Царство Польское) и польские провинции в целом.

Вклад С.В. Ананьева в изучение истории политической полиции Российской империи заключается, прежде всего, в систематическом анализе деятельности жандармских органов на региональном уровне. Особую ценность в его исследованиях представляет исследование проблем взаимодействия различных правоохранительных структур – жандармерии, общей полиции, гражданских и военных властей в условиях революционных

¹ *Ананьев С.В.* Правоохранительные структуры Российской империи в борьбе с революционным движением второй половины XIX – начала XX вв. // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 3. С. 49-56; *Он же.* Жандармерия Северо-Западного края Российской империи (1866–1890-е гг.): обеспечение внутренней безопасности // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 1(37). С. 9-16; *Он же.* Деятельность корпуса жандармов по обеспечению общественной безопасности в царстве Польском (1860-е гг.) // Право и образование. 2024. № 9. С. 93-99; *Он же.* Жандармерия западных губерний Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 60-70; *Он же.* Деятельность жандармских органов в западных окраинах Российской империи (1906–1907 гг.) // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. С. 38-44.

потрясений. Ананьев показывает, что эффективность политической полиции определялась не столько её собственными ресурсами, сколько способностью выстраивать координацию с другими элементами государственного аппарата.

Работы С.В. Ананьева представляют собой важный этап в изучении истории политической полиции Российской империи на западных окраинах. Опираясь на широкий круг архивных источников, исследователь последовательно раскрывает эволюцию полицейских и жандармских органов в Северо-Западном крае и Привислинском регионе, их роль в подавлении революционного движения и механизмы взаимодействия с другими властными структурами. В условиях сохраняющегося научного интереса к истории правоохранительных органов дореволюционной России труды Ананьева вносят существенный вклад в понимание того, как имперская система политического сыска функционировала на периферии – там, где вызовы государственной безопасности были особенно острыми, а методы их нейтрализации – наиболее показательными для характеристики всей системы в целом.

Среди крупных исследований этого периода можно выделить работы Ю.Ф. Овченко. В 2010 году вышла его монография «Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг.»¹, в которой он на основе архивных документов всесторонне рассмотрел становление и регулирование полномочий Московского охранного отделения, тактику и методы его борьбы против нелегальных революционных организаций. Автор проанализировал конкретные операции московской охранки против революционных организаций. А в 2013 г. итогом его сорокалетней научной деятельности стала защита докторской диссертации².

Следует также отметить, что характерной особенностью данного периода стал устойчивый тренд в изучении истории региональных органов

¹ Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М., 2010.

² Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880-1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.

политической полиции России¹. При всем многообразии, важности (особенно в сравнительно-историческом аспекте) и географической широте этих научных трудов, приоритетными для нас, с точки зрения избранной темы диссертации, все-таки, являются, работы, посвященные исследованию деятельности Саратовского губернского жандармского управления (далее – СГЖУ) и Саратовского охранного отделения (далее – СОО). С этой точки зрения, в первую очередь следует назвать специальные работы Е.Е. Гладышевой² и Е.А. Гончаровой³, а также статьи Ю.В. Варфоломеева⁴.

Гончарова в своей работе исследовала механизмы функционирования местных органов политической полиции – СГЖУ, СОО, Самарского губернского жандармского управления и Поволжского районного охранного отделения с 1902 по 1914 гг. Автор установила соотношение практических и

¹ Воскобойникова Н.В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890–1917 гг.). Н. Новгород, 2006; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск в России в конце XIX нач. XX века: по материалам Нижегородской губернии: автореф. дис.... канд. ист. наук. Саранск, 2003; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–1917 гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Кемерово, 2005; Белова А.В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры (1867–1917): автореф. дис.... канд. ист. наук. Тамбов, 2008.; Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России 1880–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007;

² Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902–1917 года (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

³ Гончарова Е.А. Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг.: (на материалах Саратовской и Самарской губерний): автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 2008; Она же. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: На материалах Саратовской губернии. Саратов, 2006.

⁴ Варфоломеев Ю.В. «Хартия вольностей Департамента полиции...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. Серия История. Международные отношения. Т. 9, Вып. 2. С. 16-24; Он же. Февраль 1917 года глазами начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. В 2 т. Т. 2. СПб., 2017. С. 285-288; Он же. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, Вып. 2. С. 192-202; Он же. Распространение антиправительственной литературы в армейской среде в 1907–1917 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 3 (96). С. 68-75.

ведомственных функциональных обязанностей, их кадровое наполнение, связи с учреждениями политического сыска Российской империи на разных уровнях. В итоге она впервые рассмотрела исследованные ей учреждения политической полиции как единый блок охранительных органов в Нижневолжском регионе.

Признавая большой объем проделанной работы и глубокий анализ, исследованных проблем жандармерии Российской империи в трудах Е.Е. Гладышевой и Е.А. Гончаровой следует констатировать, что, в соответствии с поставленными ими научными задачами, они рассматривали вопросы эволюции, структуры, организации, кадрового состава и методов работы органов политической полиции Саратовской губернии. В то время как вопросы, касающиеся документационного обеспечения и ведения делопроизводства, особенностей проведения жандармского дознания, сбора и анализа сведений о социально-политической и криминогенной обстановке в губернии, организации контроля за политической благонадежностью подданных, а также расследование жандармскими органами дел о революционных выступлениях, эти авторы не рассматривали. Именно эти направления исследования и намечены в качестве приоритетных в данной диссертации.

Научные проблемы, связанные с историей политической полиции Российской империи, оказались в центре исследовательского интереса и иностранных ученых. Наиболее заметные труды по изучаемой в данной диссертации проблематике появились за рубежом начиная с 70-х годов прошлого века. Это работы Т. Аббота¹, И. Шнейдермана², Р. Тёрстона³,

¹ *Abbott R. Police reform in the Russian Province of Iaroslavl (1856-1876) // Slavic Review. 1973. Vol. 32. №. 2. P. 292-305.*

² *Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. New York, 1976.*

³ *Turston R. Police and People in Moscow 1906–1914 // The Russian Review. 1980. Vol. 39. P. 320-338.*

Н. Шлейфмана¹, Е. Качиньской и Д. Древняка², Ф. Цукермана³, Д. Дейли⁴, Й. Лахлана⁵, Д. Рейли⁶ и Ч. Рууда⁷. Эти ученые рассмотрели как общие вопросы, касающиеся деятельности жандармских органов, так и вопросы, касающиеся реализации полицейской реформы, персоналий жандармерии, секретной агентуры и многие другие проблемы.

Однако прежде, чем вышли в свет работы указанных авторов, появился первый солидный труд по библиографии политической полиции царской России, подготовленный Э. Смиттом и Р. Ледковски⁸. Ученые обработали и включили в свою работу 909 записей книг, брошюр, статей, воспоминаний, некоторые списки сотрудников Отдельного корпуса жандармов и Охранных отделений, а также циркуляры Департамента полиции и другие документы. Однако большая часть подготовленной ими библиографии фиксирует материалы периодических изданий с явным преобладанием революционной и советской прессы. Этот идеологический перекос, очевидно, следует считать одним из недостатков весьма добротного и объемного труда американских ученых.

Статья Роберта Абботта «Полицейская реформа в России на примере Ярославской губернии (1856–1876) впервые в зарубежной историографии обратился к изучению реализации полицейской реформы 1862 г. на уровне отдельного российского региона. На материале Ярославской губернии автор

¹ *Schleifman N.* Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902–1914. New York, 1988.

² *Kazynska E., Drewniak D.* Ochraha, carska policja polityczna. Warszawa, 1993.

³ *Zukerman F.* The Tsarist Secret Police in Russia Society. 1880-1917. New York, 1996

⁴ *Daly J.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press. 1998. 260 p.

⁵ *Iain Lauchlan.* Russian hide-and-seek. The tsarist secret police in St. Petersburg, 1906–1914. Helsinki, Finnish Literature Society, 2002, 405 p.

⁶ *Raleigh D.* Experiencing Russia's Civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922. Princeton: Princeton University Press, 2002. 438 p.

⁷ *Ruud Ch.* Crosscurrents of French, Austrian, and Russian security policing, 1750–1900 / The Cultural gradient: the transmission of ideas in Europe, 1789–1991 / Edited by Catherine Evtuhov and Stephen Kotkin. Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 2003. P. 131-144.

⁸ *The Okhrana: The Russian Department of Police. A Bibliography by Edward Ellis Smith with the collaboration of Rudolf Lednicky.* Stanford (California): The Hoover institute on War, Revolution and Peace of Stanford University, 1967. 280 p.

рассматривает период с 1856 по 1876 год, показывая, как общероссийские преобразования эпохи Великих реформ преломлялись в провинциальной административной практике¹.

Монография И. Шнейдермана, вышедшая в 1976 году в Нью-Йорке, посвящена одной из наиболее противоречивых фигур поздней Российской империи – С.В. Зубатову, и его проекту «полицейского социализма». Уже само название книги – «Сергей Зубатов и революционный марксизм². Борьба за рабочий класс в царской России» – точно отражает центральную коллизию исследования: столкновение двух принципиально разных стратегий завоевания рабочего движения – государственно-охранительной и революционно-социалистической. Работа Шнейдермана стала одной из первых в западной историографии попыток систематически рассмотреть зубатовщину не как курьёз полицейской практики, а как серьёзный социально-политический эксперимент, имевший далеко идущие последствия.

Статья американского историка Роберта Тёрстона «Полиция и народ в Москве, 1906–1914» посвящена повседневным взаимоотношениям московской полиции и городского населения в период между революцией 1905–1907 годов и началом Первой мировой войны. Автор ставит перед собой задачу пересмотреть устоявшийся в историографии образ полиции позднеимперской России как исключительно репрессивного, враждебного народу института. На основе широкого круга архивных источников Тёрстон доказывает, что реальная практика полицейской работы была значительно сложнее и многограннее, а отношения между полицией и жителями Москвы не сводились к одному лишь антагонизму³.

¹ *Abbott R. Police reform in the Russian Province of Iaroslavl (1856-1876) // Slavic Review. 1973. Vol. 32. №. 2. P. 292-305.*

² *Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. New York, 1976.*

³ *Turston R. Police and People in Moscow 1906–1914 // The Russian Review. 1980. Vol. 39. P. 320-338.*

Монография Нурит Шлейфман «Агенты под прикрытием в Российском революционном движении. Пария эсеров. 1902–1914» посвящена особенностям агентурной работы жандармов в революционной среде в 1902–1914 годах¹. Книга вышла в 1988 г. и до сих пор сохраняет значение как одна из немногих специальных работ, рассматривающих не отдельные эпизоды, а систему агентурной работы охранного отделения и её влияние на внутреннюю жизнь революционной организации. Центральное место в исследовании занимает фигура Евно Азефа – руководителя Боевой организации эсеров, одновременно состоявшего на службе в Департаменте полиции. Шлейфман показывает, что случай Азефа не был исключительной аномалией: он стал возможен благодаря институциональной логике политического сыска, для которого агент, занимающий высокое положение в революционной среде, часто ценнее, чем разгром отдельной ячейки.

Книга польских ученых Эльжбеты Качиньской и Дариуша Древняка «Охранка. Царская политическая полиция», вышедшая в Варшаве в 1993 г., представляет собой одну из первых в постсоветской Польше обобщающих работ, посвящённых истории российской тайной политической полиции². Изданная в популярной серии «Закулисье разведки и контрразведки», она преследовала цель не только познакомить читателя с историей этого института, но и развеять устоявшиеся в массовом сознании мифы и заблуждения о его деятельности.

Монография Фредерика Цукермана «Царская тайная полиция и российское общество, 1880–1917» – одно из наиболее заметных в западной историографии исследований политической полиции поздней Российской империи. Автор рассматривает охранные отделения и Департамент полиции не как всемогущую «охранку» из революционной мифологии, а как сложный и внутренне противоречивый институт, действовавший в условиях

¹ *Schleifman N. Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902–1914. New York, 1988.*

² *Kazynska E., Drewniak D. Ochrona, carska policja polityczna. Warszawa, 1993.*

нараставшего социально политического кризиса¹. Важным для настоящего исследования фрагментом его монографии является то, что он на примере Саратовской губернии, как характерной беспокойной провинции империи, показал специфику эскалации антиправительственного движения в стране после январских событий 1905 г., сделав акцент на борьбе местных органов политической полиции с революционными силами.

Исследование американского историка Джонатана Дейли «Самодержавие в осаде (политическая полиция и оппозиция в России 1886–1905 гг.)» посвящено одной из ключевых проблем политической истории позднеимперского периода Российского государства – становлению и эволюции системы политического сыска и ее взаимодействию с оппозиционным движением в период от первого покушения на Александра II (1866 г.) до начала Первой российской революции². Книга восполняет существенный пробел в западной историографии, где долгое время господствовали упрощенные представления о «всесильной охранке», и предлагает взвешенный, опирающийся на обширный архивный материал анализ реальных возможностей и пределов деятельности политической полиции в противоборстве с революционным движением.

Фундаментальная монография британского историка Иэна Лахлана «Игра в прятки: Царская секретная полиция в Санкт-Петербурге, 1906–1914» посвящена работе столичного охранного отделения в период между Первой российской революцией и началом Первой мировой войны³. Это не общая история царской политической полиции, а институциональное исследование одной из ключевых охранных структур империи. Автор сознательно избегает обобщающего понятия «охранка», показывая, что в столице действовало несколько конкурировавших и часто конфликтовавших между собой

¹ *Zukerman F.* The Tsarist Secret Police in Russia Society. 1880-1917. New York, 1996

² *Daly J.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press. 1998. 260 p.

³ *Iain Lauchlan.* Russian hide-and-seek. The tsarist secret police in St. Petersburg, 1906–1914. Helsinki, Finnish Literature Society, 2002, 405 p.

ведомств: Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, столичное градоначальство и собственно Петербургское охранное отделение.

Монография Дональда Рэйли «Опыт гражданской войны в России: политика, общество и революционная культура в Саратове, 1917–1922», вышедшая в 2002 году, представляет собой глубокое исследование Гражданской войны в России, выполненное в жанре локальной истории¹. Автор, известный специалист по истории Поволжья и русской революции, много лет собиравший материал в архивах Саратова. Прослеживая эволюцию противостояния правоохранительных органов и революционных сил с 1905 по 1917 гг., Рейли констатирует, что политическая полиция в основном вынуждена была реагировать на развитие революционного движения. Однако неудачи политического сыска, в конечном счете, перевесили успехи и привели в итоге к общему поражению. Д. Рейли приходит к выводу, что политическая полиция «одержала» победу над революционерами в 1907-1910 гг. и в 1914, и 1916 гг., в то время как в 1905–1907 гг., 1910–1912, 1915 и 1917 г. ход событий контролировали революционеры и одерживали верх в противоборстве с жандармами.

Статья Чарльза Рууда «Взаимовлияние французской, австрийской и российской служб безопасности, 1750–1900»², известного историка российской бюрократии и полицейских институтов, представляет собой компактное, но насыщенное сравнительное исследование эволюции и взаимовлияния систем политического сыска и охраны порядка во Франции, Австрии и России на протяжении полутора столетий – от эпохи просвещённого абсолютизма до начала XX в. Опубликованная в тематическом сборнике, посвящённом трансферу идей в Европе, работа логично вписывается в общую концепцию соответствующего раздела, рассматривая

¹ *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922. Princeton: Princeton University Press, 2002. 438 p.*

² *Ruud Ch. Crosscurrents of French, Austrian, and Russian security policing, 1750–1900 / The Cultural gradient: the transmission of ideas in Europe, 1789–1991 / Edited by Catherine Evtuhov and Stephen Kotkin. Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 2003. P. 131-144.*

полицейские практики не как изолированные национальные феномены, а как продукт интенсивного межгосударственного обмена.

Проведенный историографический обзор как отечественной, так и зарубежной историографии свидетельствует о том, что изучение деятельности органов политической полиции Саратовской губернии не является завершенным, и требует современного концептуального подхода, с учетом введения в оборот ранее не использованных архивных документов.

Цель диссертационной работы: комплексное исследование деятельности органов политической полиции Саратовской губернии накануне и в годы Первой российской революции, выявление особенностей эволюции их структуры, организации оперативно-розыскной работы, документационного обеспечения, а также роли жандармерии в противодействии революционному движению в регионе.

Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать пути совершенствования работы политической полиции Саратовской губернии в начале XX века, включая создание и реорганизацию СГЖУ, охранного отделения, жандармских полицейских управлений железных дорог; проанализировать правовую базу, штатную структуру и кадровый состав;
2. Рассмотреть систему документационного обеспечения и делопроизводства жандармских органов, определить виды и формы служебной документации, выявить особенности закрытого документооборота и влияние политических процессов на делопроизводственный дискурс;
3. Выявить основные направления, виды и методы работы политической полиции, уточнить понятийный аппарат и систематизировать методы политического сыска;
4. Определить изменения в использовании приемов и методов работы политической полиции в Саратовской губернии в условиях революционного подъёма 1905–1907 гг.;
5. Охарактеризовать работу органов политической полиции по сбору

и обобщению сведений о социально-политической и криминогенной обстановке в Саратовской губернии, оценить информационно-аналитическую деятельность СГЖУ и Саратовского охранного отделения;

6. Исследовать организацию политического сыска, как ключевого вида деятельности жандармерии, подробно рассмотрев методы внутреннего и наружного наблюдения, перлюстрацию корреспонденции, а также проблему провокации как оперативно-тактического приёма.

7. Проанализировать деятельность жандармских органов по контролю за благонадёжностью, включая гласный и негласный надзор за политически неблагонадёжными лицами;

8. Определить роль и значение жандармского дознания по политическим преступлениям как основную функциональную обязанность СГЖУ, а также классифицировать основные категории дознаний;

9. Проанализировать расследование дел о массовых антиправительственных выступлениях, распространении нелегальных изданий, оценить эффективность противодействия жандармерии революционной агитации и пропаганде, а также выявить тактику работы как подпольщиков, так и сыскных органов.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование базируется на использовании неопубликованных и опубликованных источников.

Источниковую основу проведенного исследования, в первую очередь, составили архивные документы. В работе использованы материалы из 14 фондов 4 государственных архивов – Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Пугачевского филиала Государственного архива Саратовской области (далее – ПФГАСО), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Из центрального архивохранилища страны – ГАРФ – привлекались архивные документы из фондов политической полиции

Российской империи – это Ф. 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» и Ф. 110 «Штаб отдельного корпуса жандармов».

Исследовательскую основу корпуса неопубликованных источников составили два фонда ГАСО – местных органов политической полиции – Ф. 53 «Саратовское губернское жандармское управление Департамента полиции Министерства внутренних дел. 1838–1917» и Ф. 57 «Саратовское охранное отделение Департамента полиции Министерства внутренних дел. 1902–1913». В этих фондах в соответствии с темой диссертации исследовательский ракурс был, прежде всего, обращен к ежегодным политическим обзорам, сведениям о революционных организациях и политически неблагонадежных лицах, жандармским дознаниям по делам об антиправительственных акциях и криминальных происшествиях на территории Саратовской губернии.

Сведения о создании и функционировании охранного отделения содержатся в фонде 57 ГАСО «Саратовское охранное отделение Департамента полиции Министерства внутренних дел. 1902–1913». Из фонда 60 «Саратовский полицмейстер» для исследования были привлечены материалы, касающиеся взаимодействия руководства общей и политической полиции, в основном по вопросам организации гласного надзора за политически неблагонадежными лицами.

Большой интерес для исследования представляют обзорно-аналитические материалы, отложившиеся в архиве в виде обзоров, официальных справок, записок о развитии революционного движения в империи и т.п. Эту часть документальных источников, в свою очередь, можно подразделить на два потока: входящие документы (от вышестоящих органов), и исходящие – материалы, подготовленные региональными учреждениями политической полиции, которые характеризуют общественно-политическую и криминогенную ситуацию в губернии. Содержание первых отличалось предписывающим характером, указаниями и рекомендациями для местных жандармских органов по ведению работы.

Особое место занимает, конечно, блок оперативно-розыскной документации. На основе анализа этих материалов, вышестоящие структуры могли корректировать нормативно-правовую базу и ведомственные инструкции с целью повышения эффективности политического сыска.

Опубликованные источники, в соответствии с традиционным подходом, подразделены на несколько групп: 1) источники законодательного характера; 2) документы официального делопроизводства; 3) материалы периодики; 4) документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма).

Первую группу источников представляют законодательные акты, размещенные в третьем издании Полного собрания законов Российской империи. Данные документы позволяют определить законодательную политику царских властей по обеспечению государственной безопасности, общественного спокойствия и порядка в стране с учетом проведения консервативно-охранительного курса самодержавия.

Ко второй группе источников относится делопроизводственная документация, включающая циркуляры, инструкции, предписания и другие материалы внутриведомственного характера, которые позволяют проследить особенности формирования и организационную эволюцию правоохранительной системы, и в первую очередь, органов политической полиции, круг их полномочий и методику политического сыска.

К нормативно-правовым документам официального делопроизводства относятся циркуляры Департамента полиции об организации и ведении политического розыска. Эта группа источников дает представление о структуре органов политического сыска, штатном расписании, функциональных обязанностях. Документы, относящиеся к этой группе, носят наиболее общий характер, и поэтому использовать их для анализа деятельности политической полиции целесообразно в совокупности с делопроизводственными материалами местных жандармских органов.

К делопроизводственной документации следует также отнести материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства,

созданной для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомства (далее – ЧСК).

В третью группу источников входят материалы периодической печати, точнее – нелегальной, такие газеты, как «Народная воля», «Искра», «Революционная Россия», а также революционная литература в виде воззваний, прокламаций, листовок и брошюр. Эти издания в диссертации использованы опосредованно, как материалы, изъятые сотрудниками политической полиции в ходе обысков у подпольных организаций, и использовавшихся в дальнейшем в качестве улик в ходе жандармского дознания. Из опубликованных источников по истории борьбы жандармских органов с революционным использовались материалы, размещенные на страницах журнала «Былое», где, в частности, публиковались автобиографии секретных сотрудников, письма видных деятелей Департамента полиции, воспоминания деятелей политического сыска и мн. др.

Четвертая группа опубликованных материалов – источники личного происхождения, в том числе мемуары. В работе были использованы две антагонистичные по политическим позициям группы воспоминаний: с одной стороны – это представителей властных структур империи, а, с другой, деятелей оппозиционного царскому режиму лагеря.

Воспоминания представителей охраны являются весьма содержательным и информативным источником, среди которых преобладают мемуары руководителей политического розыска позднеимперской России, таких как В.Д. Новицкий, А.И. Спиридович, П.П. Заварзин, А.В. Герасимов, П.Г. Курлов, А.П. Мартынов, В.Ф. Джунковский, К.И. Глобачев¹. В их

¹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Заварзин П.П. Работа Тайной полиции. Париж, 1924; Он же. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991; Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997; Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

воспоминаниях содержится разноплановая информация о личном профессиональном опыте и специфике борьбы жандармов с революционерами.

Воспоминания участников революционного движения - большой мемуарный комплекс, в котором значительную часть составляют воспоминания социал-демократов. Особую ценность представляют свидетельства таких подпольщиков как М.С. Киселев, Ц. Бобровская-Зеликсон, И. Мызгин, И.А. Теодорович, П. Лепешинский, А.К. Петров, Н.Е. Буренин, С.М. Розеноер и др.¹.

Методология исследования. Методологическую концепцию диссертации составляет комплексный подход, сочетающий принципы историзма, объективности и системности, что позволяет рассматривать жандармские органы как динамично развивающуюся систему в контексте общественно-политических изменений начала XX века.

В первую очередь применялись общенаучные принцип. Во-первых, принцип историзма, предполагающий изучение политической полиции в развитии, с учетом конкретно-исторических условий – эволюция от III Отделения к охранным отделениям. Во-вторых, принцип объективности, требующий критического отношения к источникам, в частности, к делопроизводственным документам жандармерии, с одной стороны, а также к мемуарам революционеров – с другой. Применение принципа историзма дало возможность рассмотреть одно из направлений деятельности –

¹ Киселев М.С. Из революционного прошлого (1883–1920 гг.). Записки старого большевика. М., 1934; Бобровская-Зеликсон Ц. Записки подпольщика. 1894–1917 гг. М., 1957; Мызгин И. Со взведенным курком. М., 1964; Теодорович И.А. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1934. № 5–6. С. 127–132; Лепешинский П. На повороте. М., 1972; Петров А.К. Рабочий большевик в подполье. М., 1969; Буренин Н.Е. Транспорт литературы через Финляндию в 1905 г. (Воспоминания) // Красная летопись. 1931. № 4 (43). С. 87–100; Залежский В.Н. В годы реакции (Воспоминания профессионала) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 326–385; Лядов М. Из жизни партии в 1903–1907 гг. (Воспоминания). М., 1956; Розеноер С.М. Нелегальный транспорт. М., 1932; Он же. Что мы делали. 1901–1906 гг. М., 1933.

информационно-аналитическую работу российской жандармерии на примере Саратовской губернии.

При этом автор старался избежать идеологической ангажированности, объективно отмечая как успехи, так и провалы в работе политического сыска. В-третьих, принцип системности был реализован путем исследования всех элементов жандармского аппарата губернии (СГЖУ, охранное отделение, жандармское полицейское управление железных дорог).

В диссертации также применялись и специальные исторические методы:

1. Историко-генетический метод позволил проследить институциональные изменения в структуре Саратовского губернского жандармского управления и охранного отделения с 1867 по 1907 гг.:

2. Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления методов работы ГЖУ и охранного отделения, а также для сравнения ситуации в Саратовской губернии с общероссийскими тенденциями в деятельности политической полиции;

3. Историко-системный метод применялся при анализе документооборота – канцелярия СГЖУ делилась на строевую, секретную и хозяйственную части, а также при классификации направлений деятельности жандармерии, таких как, контроль за благонадежностью, дознание и розыск. Использование принципа системности позволило определить типичные черты отчетных документов политической полиции, их ценность как аналитических материалов на региональном уровне – в Саратовской губернии в период крайне рискогенной социально-политической ситуации в стране – кануна и периода первой российской революции;

4. Институциональный и правовой анализ использовался для исследования нормативно-правовой базы: изучения Положения о Корпусе жандармов (1867 г.), Правил 1871 г., Положения 1881 г., циркуляров Департамента полиции (1902, 1904, 1907 гг.) и их влияния на полномочия и тактику региональных органов;

5. Методом микроисторического анализа отдельных дел реконструируется общая картина полицейского контроля.

6. Метод количественного анализа применялся автором для подсчета количества дознаний по видам преступлений и штатной численности СГЖУ и Саратовского охранного отделения.

Таким образом, избранная методология, базирующаяся на принципах историзма и системности, а также на применении специальных историко-правовых методов, обеспечивает достоверность выводов и позволяет решить поставленные в диссертации научные задачи.

Научная новизна исследования.

Впервые детально исследованы основные виды деятельности политической полиции на региональном уровне: сбор и анализ сведений о социально-политической обстановке, организация политического сыска (включая агентурную работу, филерскую службу, перлюстрацию), контроль за благонадёжностью (гласный и негласный надзор), производство жандармского дознания по политическим преступлениям, а также расследование дел о массовых антиправительственных выступлениях и распространении нелегальных изданий.

Проведено уточнение понятийно-категориального аппарата, и критически переосмыслены существующие в науке подходы к классификации методов политического сыска. Выработан авторский подход к определению и классификации методов политического сыска, позволивший чётко разграничить понятия «метод» и «приём», преодолеть терминологическую неоднозначность, характерную для историографии, и разграничить провокацию как оперативно-тактический приём, а не самостоятельный метод политического розыска;

Реконструирован социальный портрет поднадзорных и механизмы учёта политически неблагонадёжных лиц на основе дел о негласном и гласном надзоре. Установлен социальный состав этой категории в Саратовской губернии, показана бюрократическая практика учёта, межгубернского обмена

информацией и реализации надзорных мер, что выходит за рамки простого описания революционных эксцессов и позволяет говорить об институционализированной системе контроля.

Впервые системно исследован корпус материалов документационного обеспечения и делопроизводства жандармских органов Саратовской губернии, выявлены особенности закрытого документооборота, виды и формы служебной документации, а также трансформация делопроизводственного дискурса под влиянием политических процессов, включая изменение идеологической лексики после Манифеста 17 октября 1905 г.

Впервые комплексно проанализирована информационно-аналитическая деятельность Саратовского губернского жандармского управления и Саратовского охранного отделения, охарактеризованы структура и содержание политических обзоров и донесений как важнейших источников по истории общественно-политической ситуации в регионе, выявлены как их уникальная информационная насыщенность, так и присущая им субъективность.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии исторического знания о функционировании системы политического сыска в позднеимперский период истории России на материалах Саратовской губернии.

Уточнен и систематизирован понятийно-категориальный аппарат политического сыска. В работе предложена четкая классификация и разграничение этих дефиниций, что позволяет преодолеть терминологическую неоднозначность и концептуальный разноречивый, характерный для исследований по данной тематике. Сделан вывод о многоуровневой системе методов и их взаимодополняющей роли, а также о разграничении провокации как оперативно-тактического приема, а не самостоятельного метода. Проведен теоретический анализ институциональных изменений в контексте «догоняющей модернизации».

Теоретически значимым является исследование делопроизводства жандармских органов как закрытой, строго регламентированной системы, отражающей эволюцию не только бюрократических практик, но и самого политического дискурса.

Практическая значимость обусловлена результатами диссертационного исследования, которые могут быть использованы при подготовке учебных курсов по истории позднеимперской России, истории государства и права, спецкурсов по истории правоохранительных органов, истории Саратовского Поволжья. Работа будет полезна для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и юридических специальностей.

Структурированные выводы о деятельности СГЖУ и Саратовского охранного отделения, о методах их работы и направлениях дознаний могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории российской полиции, истории революционного движения в провинции, а также академических изданий по истории Саратовского края. Также материалы исследования могут быть использованы для подготовки музейных экспозиций и исторических выставок, посвященных истории российской государственности, правоохранительных органов и общественного движения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Институциональная эволюция органов политической полиции Саратовской губернии в 1902–1907 гг. включала создание и реорганизацию трёх взаимосвязанных структур – Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ), Саратовского охранного отделения (СОО) и Поволжского районного охранного отделения (с 1907 г.), а также жандармских полицейских управлений железных дорог, – при этом соперничество и конфликты между начальниками ГЖУ и охранных отделений снижали эффективность их взаимодействия;

2. Журналы наружного наблюдения, материалы политических обзоров, донесений, перлюстрации и дел о дознаниях позволяют реконструировать повседневную практику политического сыска, в том числе

конкретные революционные события, что существенно дополняет фактологическую основу истории правоохранительных органов;

3. В работе жандармских органов Саратовской губернии выделялись следующие ключевые направления: информационно-аналитический мониторинг социально-политической обстановки, политический сыск, контроль за благонадежностью населения (гласный и негласный надзор), производство дознаний по государственным преступлениям.

4. Политический сыск базировался на трех основных методах: агентурная работа (внутреннее наблюдение), признававшаяся «главным и единственным основанием» розыска; филерство (наружное наблюдение), служившее для перепроверки и дополнения агентурных данных, и перлюстрация корреспонденции.

5. Провокация, вопреки распространенному в научной литературе мнению, являлась не самостоятельным методом, а оперативно-тактическим приемом, удельный вес которого возрастал в периоды пика революционной активности. Комплексное использование этих инструментов обеспечивало относительную эффективность противодействия нараставшему революционному движению.

6. Жандармские органы Саратовской губернии осуществляли системный мониторинг общественно-политической ситуации, что наглядно демонстрируют «Политические обзоры местностей» и донесения начальника СГЖУ. В поле зрения политической полиции попадал широчайший спектр явлений: от настроений крестьян, рабочих, интеллигенции, учащихся и военнослужащих до деятельности земств, местной печати, библиотек, публичных лекций, а также бытовых нарушений и коррупции в общей полиции.

7. Материалы жандармских дознаний позволяют оценить масштабы и формы революционного движения в количественном и качественном выражении. В Саратовской губернии накануне Первой русской революции пик дознаний по расследованию государственных преступлений в

количественном выражении приходился на 1902–1903 гг., что свидетельствует об эскалации антиправительственной деятельности.

8. Накануне и в годы Первой российской революции жандармские органы в Саратовской губернии смогли наладить системную работу несмотря на то, что этот регион Поволжья являлся одним из очагов наиболее острых и массовых антиправительственных выступлений. Вместе с тем, органы политической полиции губернии, несмотря на отдельные успехи (арест стачечных комитетов, предотвращение вооружённого восстания в декабре 1905 г.), не смогла полностью нейтрализовать революционное движение.

9. Расследование дел о распространении нелегальных изданий и агитационно-пропагандистской деятельности оппозиционных партий показывает, что революционеры использовали разветвлённые каналы доставки запрещённой литературы (железнодорожный транспорт, подпольные типографии, почту), а политическая полиция, противодействуя этому, применяла комплекс оперативно-розыскных мер (филерское наблюдение, перлюстрацию, агентурное проникновение). При этом многие дознания приостанавливались по формальным основаниям («за необнаружением виновных»), что свидетельствовало как о сложности борьбы с анонимной агитацией, так и о строгом соблюдении жандармами процессуальных норм.

10. Дублирование функций СГЖУ и охранными отделениями, а также недостаточный уровень юридической подготовки офицеров снижали эффективность противодействия нараставшему революционному движению. Особые трудности вызывала специфика политических преступлений, где жандармы зачастую имели дело не с событием преступления, а с преступными намерениями, что требовало высокого профессионализма и осведомленности о тактике и конспиративных приемах подпольщиков.

11. Эффективность деятельности политической полиции в Саратовской губернии снижалась комплексом системных проблем: кадровым дефицитом (нехватка опытных филеров, сложности вербовки секретной

агентуры, недостаточный уровень юридической подготовки офицеров); правовой неопределённостью (отсутствие чёткой регламентации негласного надзора до 1904 г., путаница в разграничении понятий); межведомственными конфликтами (соперничество ГЖУ и охранных отделений); делопроизводственной перегруженностью и формализмом; отсутствием стратегического плана развития охранных отделений после отставки жандармского полковника С.В. Зубатова.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается построением выводов на основе ряда методологических принципов объективности, системности и историзма, общенаучных и специальных методов исторического исследования, а также репрезентативностью источников, их анализом в соответствии с объектом, предметом, поставленными целями и задачами диссертационной работы.

Апробация результатов исследования осуществлялась на научных и научно-практических конференциях разных уровней, как региональных, так и всероссийских. Основные положения диссертации изложены в монографии, в трех статьях, опубликованных в журналах, из перечня научных рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ, а также четырех статей в журналах и сборниках из списка РИНЦ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности 5.6.1.

Отечественная история:

Диссертационное исследование соответствует п. 4. «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», п. 14. «История политических партий и общественных движений России»; п. 15. «Исторический опыт российских реформ», п. 16. «История российских революций».

В соответствии с обозначенными целью и задачами исследования **структура диссертационной работы** включает в себя введение, три главы, подразделенные на 9 параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖАНДАРМСКИХ ОРГАНОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1.1. Совершенствование работы органов политической полиции Саратовской губернии в начале XX века

Вторая половина XIX – начало XX вв. для российской истории – это эпоха глобальных изменений в общественно–политической жизни страны. Несмотря на известную половинчатость и часто незавершенность реформ Александра II изменения, заключавшиеся, прежде всего, в либерализации, не могли не отразиться на жизни общества. Эти реформы вызвали небывалый подъем общественно–политической активности, ранее мало свойственный для русского человека, что было вызвано не только изменениями в государственно–правовом укладе, связанными с преобразованиями, но и эволюцией структуры общества; появляется заметная прослойка так называемых «разночинцев» – разного рода, происхождения и круга занятий небогатых интеллигентов, не связанных напрямую с государственно–монархическим аппаратом, при этом достаточно образованных, чтобы иметь свою политическую позицию и размышлять над судьбами страны.

Либеральное «высвобождение умов» и возрастающая активность в интеллигентской среде заставляли государственную машину реагировать на происходящие изменения, и реакция эта была чаще всего охранительно–монархической, основанной на желании законсервировать и по возможности поддерживать с наименьшими изменениями прежний, складывавшийся веками стиль и дух государственного управления и общественных отношений. В связи с этим «Исследование феномена полиции, бесспорно, приобретает особое значение и в контексте сложных процессов в истории позднеимперской России, переживавшей системный кризис, связанный с реалиями догоняющей модернизации, революционными потрясениями, структурными изменениями

в сельской и городской средах, сложностями адаптации к переменам, что порождало повышенное напряжение в обществе, что в свою очередь, влияло на нарастание революционного радикализма и активизации либерального движения в конце XIX–начале XX в.»¹, – справедливо отмечает В.Ю. Карнишин.

Основными функциями политической полиции в соответствии с ее предназначением являются следующие: 1. предупреждение и пресечение политических преступлений; 2. охрана общественной безопасности и порядка; 3. расследование дел о государственных преступлениях; 4. контроль за деятельностью государственного аппарата; обнаружение тайных обществ и заговоров; 5 надзор за политически неблагонадёжными лицами; 6. контроль за деятельностью местных властей по исполнению столичных указов, законов и положений

Особую роль в отношениях государства и общества в этот противоречивый период призвана была сыграть правоохранительная система государства, и, в частности, органы политической полиции, роль и место которой во второй половине XIX в. заметно возрастают. С выходом на политическую арену деятелей освободительного движения круг объектов пристального контроля со стороны «высшего надзора» настолько расширился, что эффективно наблюдать и упреждающе реагировать на негативные для государства проявления становилось все труднее. Кроме того, политическая полиция не до конца представляла, что же являет собой этот новый потенциально опасный социальный слой, каковы его убеждения и ценностные ориентиры². Следует согласиться с мнением Е.Е. Гладышевой, отмечающей целеполагающую роль Департамент полиции, который «наблюдал за развитием революционного движения и корректировал действия местных

¹ Карнишин В.Ю. Политическая полиция в условиях новых вызовов начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 165.

² Политическая полиция и политический терроризм в России: (вторая половина XIX-начало XX вв.): Сб. док. М., 2001. С. 38.

органов, задавая необходимое направление в рамках проводимого общероссийского курса»¹.

Новый этап в борьбе государства с освободительным движением ознаменовался принятием «Положения о Корпусе жандармов», утвержденного 9 сентября 1867 г.². На основании этого документа сеть жандармских учреждений по всей стране значительно увеличивалась, а ключевым звеном в этой системе становилось губернское жандармское управление. При этом Ю.В. Варфоломеев подчеркивает, что «одним из первых в России учреждений политического сыска нового типа стало созданное в 1867 г. Саратовское губернское жандармское управление (далее – СГЖУ), пришедшее на смену Управлению Саратовского губернского жандармского штаб-офицера 7 (Казанского) округа корпуса жандармов, которое, в свою очередь, действовало на территории края еще с 1838 г.»³. В своей деятельности жандармские чины руководствовались директивными распоряжениями Особого корпуса жандармов и начальника Саратовского ГЖУ. Так, например, «Положение по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданное 14 августа 1881 г.⁴, применялось в противодействии революционному и оппозиционному движению вплоть до 1917 г.

Затем, уже в начале XX в. в помощь уже существовавшим охранным отделениям начинают создаваться розыскные пункты. При их организации учитывались региональные условия (приоритетно розыскные пункты создавались на периферии) и степень активности революционных партий.

¹ Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: На материалах Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 19.

² Положение о Корпусе жандармов, Высочайше утвержденное 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 13. Отд. 2. № 44956. СПб., 1871.

³ Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 194.

⁴ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 1. № 350. СПб., 1885.

Такие пункты были созданы: в Батуми, Благовещенске, Владикавказе, Витебске, Гомеле, Житомире, Саратове, Пензе и ряде других городов.

В августе 1902 г. в восьми крупных губернских городах, в том числе и Саратове, были созданы розыскные отделения или, как их тогда называли, «пункты». «Главным звеном политического сыска России с начала XX в., – приходит к выводу З.И. Перегудова, – становятся охранные отделения и специальные розыскные пункты»¹. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев высоко оценивал предназначение и деятельность подобных учреждений: «Задачи Охранного отделения были очень широки: активная борьба с революционным движением, информация о настроениях разных слоев населения, наблюдение за рабочим движением, статистика ежедневных происшествий, регистрация населения, охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц. Кроме того, на Охранное отделение возлагались особые секретные задачи, не имеющие прямого отношения к перечисленным обязанностям, в зависимости от требования Департамента полиции, министра внутренних дел, лица императорской фамилии, а иногда и военных властей»².

Директор Департамента полиции МВД А.А. Лопухин. В циркулярном письме от 13 августа 1902 г. он отметил бурный рост различных антиправительственных ячеек и кружков, и обратил внимание руководителей жандармерии в регионах на «возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян к устройству аграрных беспорядков»³.

Современные исследователи, проведя анализ целого ряда фактов антиправительственной агитации революционных партий в Поволжье в начале XX в., выявили «общественно опасный характер

¹ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 116.

² Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 60.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 7.

антиправительственной агитации и пропаганды эсеров и социал-демократов, разрушавшей традиционные ценности духовной культуры и морали в крестьянской среде, а также результативность распространяемой противоправительственной литературы и подстрекательских призывов залетных революционных “ораторов”»¹.

Начиная с 1902 г. Саратовское охранное отделение (далее – СОО) стало выполнять функции местного органа политического сыска Департамента полиции МВД. Комплектование вновь образованных подразделений жандармерии, в том числе и Саратовского отделения, осуществлялось за счет направления в его штат опытных сотрудников из Санкт-Петербурга и Москвы. «В Саратовское охранное отделение, при его открытии в 1903 году, при содействии Медникова попали трое служащих из Московского охранного отделения»², – уточнял ротмистр А.П. Мартынов.

Очевидно, эффективность работы по формированию штата внутренней агентуры во многом зависела от расторопности и ответственности в решении этого вопроса начальником отделения. Так, например, при новом начальнике СОО (с июня 1906 г.) ротмистре А. П. Мартынове охранное отделение к концу 1906 г. пополнилось еще 11 агентами внутреннего наблюдения³. В целях оптимизации этого направления деятельности политической полиции саратовский губернатор С.С. Татищев в 1907 г. предложил Мартынову возглавить всю внутреннюю агентуру в губернии с полной передачей финансирования охранному отделению, что являлось уникальным фактом среди местных учреждений политической полиции России⁴.

Буквально с первых лет своей деятельности Саратовская охранка начала

¹ Варфоломеев Ю.В., Шумилова Л.Н. Революционная пропаганда и агитация в крестьянской среде накануне и в годы первой русской революции (по материалам Саратовской судебной палаты) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 169.

² Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 118.

³ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 11. Л. 326.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 79.

борьбу с политической преступностью. В поле зрения политического сыска попадали самые различные проявления оппозиционной деятельности. Так, например, в 1904 г. было проведено дознание о деятельности Саратовского комитета партии социалистов-революционеров и их подпольной типографии. В этом же году в разработке местного охранного отделения находилась деятельность Саратовской организации РСДРП¹.

Постоянно в поле зрения саратовской политической полиции находились неблагонадежные лица, как, например, Д. Кирьянова, учителя Саратовской женской гимназии В. Соколов и Л. Милицына, дворяне Л. Никифоров и С.М. Фофанов, сердобский зубной врач М. Эйвер, административно-высланные с Кавказа за антиправительственную деятельность А. Якубов и Д. Капанадзе, а также несколько служащих Рязано-Уральской железной дороги, и мн. др.². Накануне и в годы Первой русской революции сотрудники саратовского охранного отделения внимательно контролировали многочисленные городские митинги и собрания, обращая особое внимание на ведущих ораторов, а также фиксировали идеи и лозунги, звучавшие на них. В течении всего периода своей деятельности саратовская охранка отслеживала и пресекала распространение нелегальной литературы и материалы антиправительственной пропаганды³.

Вместе с тем необходимость противодействия политическому подполью признавалась опытными сотрудниками политической полиции. Вот что писал по этому поводу в своих воспоминаниях жандармский офицер П.П. Заварзин: «Вопрос о необходимости такой борьбы разрешается, казалось бы, тем фактом, что невероятное крушение огромной страны, со всеми ее духовными и материальными ценностями, совершено именно теми людьми, против которых в свое время были направлены усилия охранительных учреждений

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Оп. 1. Д. 35.

² Там же. Д. 31, 36, 42, 44.

³ Там же. Д. 22, 26, 50, 53.

России»¹. В то же время прежними традиционными методами – через корпус жандармов и почтовое ведомство – осуществлять надзор за революционерами было сложно и явно недостаточно. Соответственно требовалась серьезная организационно-правовая реорганизация органов политической полиции.

Между тем политическая активность в обществе росла быстрее, чем происходили «догоняющие» преобразования в сфере полицейского надзора. И эта активность все чаще принимала радикальные формы, переходящие в террористические методы. И чем ярче проявлял себя политический радикализм, тем больше власть пыталась его сдерживать. В мае 1881 г. было утверждено Положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. В результате действия этого Положения сложилась такая ситуация, когда к началу XX в. под режим усиленной охраны подпадало более трети всего населения страны².

Со времени правления Императора Никола I в стране сложилась система политического розыска, основу которой составляло III Отделение Собственной Его императорского Величества и Отдельный корпус жандармов. Полковник Заварзин так охарактеризовал эту систему: «В то время политический розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в Империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.д.»³. Один из руководителей Департамента полиции С.Е. Виссарионов отмечал в докладной записке, что проверка деятельности охранных отделений показывает «явную неспособность весьма многих чинов жандармского надзора к розыску <...> были бездеятельны в деле политического розыска,

¹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930. С. 3.

² Перегудова З.И. Указ. соч. С. 33-34.

³ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 69.

некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему»¹.

Среди сотрудников политической полиции было много людей по-настоящему преданных своему делу, своей профессии, своей родине, как, например С.В. Зубатов, которые видели свой долг в укреплении порядка в государстве и охране его монархического общественно–политического устройства. К организационным нововведениям Зубатова относится создание так называемых «летучих отрядов» жандармов, которые руководством политической полиции могли быть направлены в любую точку страны. Вот как описывает первое знакомство с таким нововведением Заварзин во время своей работы на юге империи: «чиновник, присланный Зубатовым, имел в своем распоряжении двенадцать филеров, тоже приехавших с ним из Москвы, состав которых был еще усилен восемью филерами местного управления»².

Однако как бы профессионально не работали сотрудники политической полиции, какие бы эффективные методы не внедрялись в работу политического сыска, распространение «духа свободы», вовлечение все большего числа людей в революционное движение росло высокими темпами. На расширение политической активности населения власть продолжала отвечать совершенствованием правоохранительных органов, а также расширением полномочий и объектов наблюдения политической полиции. О стремлении к всеобъемлющему контролю за жизнедеятельностью общества ярко свидетельствует перечень направлений работы политического сыска, утвержденный Министерством внутренних дел: «Департамент полиции находится под особым ведением одного из товарищей министра и непосредственным начальством директора. Состоит из 6 делопроизводств и Особого отдела. Ведению Департамента подлежат дела: по предупреждению и пресечению преступлений по охранению общественной безопасности и порядка; о государственных преступлениях; по устройству полицейских

¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 349.

² Заварзин П.П. Указ. соч. С. 37.

учреждений, наблюдению за их деятельностью и за правильным течением дел в них»¹. Однако разнообразные меры политической полиции, охватывающие все сферы внутренней жизни страны – от лекций и выставок, до торговли и трактиров, не становились преградой на пути революционного подполья.

Новым испытанием для органов политической полиции стали революционные события 1905-1907 гг. При этом руководство органов политического сыска, да и царское окружение, продолжали воспринимать проявления радикальной политической активности не как глубинное социально–политическое явление, требующее анализа и изменений в внутренней политике и даже государственном устройстве, а лишь как недоработку соответствующих правоохранительных органов. Например, заместитель министра внутренних дел С.П. Белецкий считал, что «события 1905 г. – результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров происходили незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами»².

Цели и задачи органов политической полиции в новых социально–политических условиях были сформулированы в циркуляре Департамента полиции № 10950 от 24 августа 1905 г. В этом документе, в частности, отмечалось: «Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются, главным образом, жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе. Ближайшее знакомство с характером, целями и способами действий тайных организаций несомненно должно составлять первейшую обязанность

¹ Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.). СПб., 2001. С. 16-19.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 28.

офицеров Отдельного корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними, т.к. только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам правительства правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы, которые в противном случае будут сводиться к временному, чисто случайному изъятию из преступной среды отдельных ее представителей»¹.

Учитывая опыт борьбы с революционным движением 1905-1906 годов, с 1 января 1907 г. правительством вводится линейный принцип организации работы охранно-розыскных органов. Для регламентации характера их деятельности разрабатывается и принимается специальное «Положение об охранных отделениях». В 45 пунктах этого положения был подробно изложен порядок организации, деятельности и взаимодействия этих органов в борьбе с набирающим силу революционным движением. Очевидно, на этом этапе органы политической полиции, казалось, нашли подходы к проникновению в среду революционного подполья и нащупали методы противодействия.

С целью повышения эффективности работы сотрудников политического сыска были сформулированы критерии оценки успешности агентурной работы. Так, например, в Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения указывалось, что «лица, ведущие розыск, должны проникнуться сознанием того, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографий, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Это достигается при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умении систематически и планомерно пользоваться этим знанием, достигнуть того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу <...> Необходимо помнить, что все стремление политического розыска должно быть направлено к выяснению центров революционных организаций и к

¹ Политическая полиция и политический терроризм в России: (вторая половина XIX-начало XX вв.): Сб. док. М., 2001. С. 212-213.

уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности. Изъятие типографии или складов оружия только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей, к уничтожению организации»¹.

В целях координации деятельности и объединения усилий политического сыска разных регионов в борьбе с радикальными партиями (в первую очередь – социалистов-революционеров и социал-демократов), в 1907 г. в Саратове было открыто Поволжское районное охранное отделение (далее. – ПРОО). В административно-территориальном отношении, помимо Саратовской губернии, в него вошли органы политической полиции Астраханской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Самарской и Симбирской губерний. Начальник отделения назначался директором Департамента полиции МВД и напрямую ему подчинялся². Начальнику ПРОО подчинялись начальники губернских охранных отделений, его указаниями руководствовались сотрудники Саратовского губернского жандармского управления и Тамбово-Уральского жандармского управления железных дорог. Анализируя функции этого правоохранительного органа, Ю.В. Варфоломеев отмечает, что основным видом деятельности ПРОО являлась организация центральной и внутренней агентуры для слежки за деятелями местных организаций оппозиционных партий³.

Охранные отделения подчинялись Департаменту полиции, а с 1906 г. и начальникам районных охранных отделений. Отделение состояло из общей канцелярии, и двух отделов – внутреннего агентурного наблюдения и наружного наблюдения. Размышляя над причинами создания новых органов, следует назвать, прежде всего, две из них. Во-первых, назрела необходимость

¹ Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. 131-132.

² Там же. С. 49.

³ Варфоломеев Ю.В. Становление и совершенствование деятельности Поволжского районного охранного отделения в преддверии Великой русской революции // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: Сб. материалов X Всероссийской научной конференции 16 февраля 2017 г. Саратов, 2017. С. 60.

повышения эффективности именно розыскной работы политической полиции. Во-вторых, власти тем самым стремились сосредоточить сыскной аппарат жандармерии в губернских городах, а затем через них связать воедино розыскную сеть по всей стране.

С 1903 г. в арсенале политического сыска появляется еще одно средство слежки и выявления неблагонадежности – это практика перлюстрации, право на ведение которой было предоставлено особым распоряжением министра внутренних дел В. К. Плеве. В соответствии с этим начальникам охранных отделений выдавались т.н. «открытые листы», которые давали им право «осмотра почтово-телеграфной корреспонденции, а в случае надобности и выемки таковой»¹.

На практике четкая и слаженная работа губернских жандармских управлений и охранных отделений оставалась, как правило, только желаемым, а не действительным. В то время как Департамент полиции в своих циркулярах постоянно призывал их к «взаимопомощи», обмену сведениями. При этом взаимоотношения и между начальниками этих двух местных учреждений политической полиции были довольно напряженными, в результате чего они по целому ряду служебных вопросов с трудом находили взаимопонимание, а подчас и конфликтовали. Эту проблемную ситуацию З.И. Перегудова объясняет следующим образом: «Во многом эти конфликтные ситуации возникали в связи с тем, что, хотя функции ГЖУ и охранных отделений были разделены, в действительности розыскная деятельность (за которую отвечали охранные отделения) и деятельность наблюдательная, а также проведение дознаний (которыми занимались ГЖУ) тесно переплетались. На практике отделить одно от другого порой было невозможно. Те руководители охранных отделений, которые проходили по штабу Корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальнику ГЖУ. Последний, как правило, был в чине полковника или

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 36. Л. 1.

генерал-майора. Но в отношении служебном ему приходилось порой подчиняться младшему по чину начальнику охранного отделения»¹.

Назначенный в июне 1906 г. начальником Саратовского охранного отделения ротмистр А.П. Мартынов на конкретных примерах описал проблемный характер своих взаимоотношений с начальником СГЖУ полковником Д.С. Померанцевым, и объяснял это тем, что «при новом порядке вещей начальник губернского жандармского управления терял часть своего престижа и, главное, терял его у местных властей. Надо согласиться, что немногие были способны перенести это без сопротивления. Такое сопротивление и началось. Моя служба в должности начальника Саратовского охранного отделения представляла такую яркую картину этого сопротивления...»².

При создании новых органов внутренней безопасности Департамент полиции, очевидно, ставил задачу привлечь для работы в них молодых, инициативных офицеров, «которые только что сдали экзамены после специального курса и только что вступили в корпус»³. Однако скрытое противодействие этой идее со стороны некоторых руководителей Отдельного корпуса жандармов привело к тому, что кадровое наполнение проводилось посредством старых служащих охранных отделений Москвы, Петербурга и Варшавы. «Не думаю, что при отпуске из своих отделений начальство руководилось искренним желанием отдать всё лучшее, а самим остаться с худшим, – логично размышлял А.П. Мартынов, и резюмировал. – Таким образом, в провинциальные новообразованные охранные отделения попали, конечно, не первосортные служащие»⁴.

Таким образом, в исследуемый в работе период в Саратовской губернии действовали следующие органы политической полиции: Саратовское

¹ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 8.

² Мартынов А.П. Указ. соч. С. 193.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 194.

губернское жандармское управление, Тамбово-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог и Саратовское охранное отделение. Каждое из этих трех учреждений, функционировавших в Российской империи параллельно, относились к системе политического сыска, но принципиально различались по территории ответственности, объекту наблюдения и оперативной специализации. Губернское жандармское управление работало на всей территории губернии по всем политическим делам. Железнодорожное жандармское полицейское управление отвечало исключительно за полосу отчуждения и инфраструктуру железной дороги, а Охранное отделение было узкоспециализированным розыскным органом, сфокусированным на агентурной работе в городе Саратове.

1.2. Документационное обеспечение и делопроизводство жандармских органов губернии

Важное место в жизнедеятельности жандармских органов отводилось делопроизводству и документационному обеспечению их работы. Этот обширный вид деятельности, в основном, имел аналогичный характер, как в губернских жандармских управлениях (далее – ГЖУ), так и позднее в охранных отделениях, однако при этом, в связи с различиями в их функциях были определенные особенности ведения делопроизводства.

Во-первых, документооборот имел закрытый характер. Во-вторых, на основании Циркуляра Штаба Отдельного корпуса жандармов № 22 от 9 декабря 1906 г., значительную часть делопроизводства составляла секретная переписка, которую вели лично офицеры. В-третьих, большое внимание уделялось ведению анкет. Так, начиная с первого допроса на каждого подследственного заполнялась анкета, которая содержала, как минимум, общие биографические сведения о задержанном. В-четвертых, с развитием технических средств обнаружения и фиксации информации вводились инновационные, для того времени, виды документирования, как, например,

фотографирование. В ходе расследования политических дел в обязанность ГЖУ входило наряду с другими процедурами дознания и обязательное фотографирование государственных преступников.

Делопроизводство и документооборот жандармских управлений в Российской империи было организовано в рамках канцелярий и регулировалось нормативно-правовой базой, сформировавшейся на протяжении нескольких лет. Основными нормативными актами, регламентировавшими деятельность жандармских управлений являлись следующие: Положение о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г.¹; Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г.²; Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г.³

Центральной фигурой в организации и ведения документооборота в ГЖУ был адъютант, назначаемый из числа обер-офицеров корпуса жандармов. В его подчинении находились два писаря и канцелярия губернского жандармского управления, включавшая структурно, в свою очередь, три части, связанные с разными направлениями деятельности управления: Строевая, Секретная и Хозяйственная. В Строевой части в обязательном порядке формировались и хранились следующие документы: книга приказов; послужные списки офицерских и классных чинов; алфавитные послужные списки нижних чинов; журнал взысканий, наложенных на офицеров; журнал входящих и исходящих бумаг; рассылная книга; нормативные правовые акты (Свод Военных Постановлений, приказы по военному ведомству, приказы и циркуляры ОКЖ и МВД и др.). В

¹ Высочайше утвержденное «Положение о Корпусе Жандармов» от 9 сентября 1867 г. // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 42. Отд. II. № 44956. СПб., 1871.

² Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений: мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 19 мая 1871 г. // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 46. № 49615. СПб., 1871.

³ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 1. От № 1–585 и дополнения. СПб., 1885. № 350. С. 264.

Секретной части, как и следует из ее названия, хранились секретные документы, касающиеся вопросов политического розыска, контрольно-наблюдательной деятельности (сведения о лицах и переписка с Департаментом полиции о лицах, состоящих под гласным и негласным надзором, донесения и переписка с помощниками начальника ГЖУ в уездах), оперативно-розыскной и следственной работы и др. В Хозяйственной части содержались документы, относящиеся к финансовой и административно-хозяйственной деятельности управления (сведения и отчеты о расходовании денежных средств).

В то же время раздел делопроизводственной документации был более объемным и разнообразным. Среди других документов, которые сосредоточены в фонде Саратовского губернского жандармского управления (далее – СГЖУ) отложились следующие разновидности документов: переписка с Департаментом полиции об увеличении штата (1902 г.)¹, материалы переписки с губернаторами и руководителями органов политической полиции из других губерний, послужные списки начальников, их помощников и адъютантов, регулярные запросы о политической благонадежности на разных лиц, а также сведения о лицах, обвиняемых в антиправительственных высказываниях.

Центральное руководство политической полиции требовало от начальников губернских жандармских управлений регулярной отчётности. Первоначально, с момента учреждения и до начала 1870-х губернские жандармские управления (далее – ГЖУ) обязаны были предоставлять в МВД полугодовые донесения, обязанность составления которых была возложена на губернских штаб-офицеров. Но впоследствии в качестве основной формы отчётности их заменили политические обзоры губерний. Например, начальник ГЖУ должен был ежегодно составлять и направлять в Корпус жандармов, в III отделение, а позднее в Департамент полиции специальные

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 115.

обзоры о состоянии дел в губернии, которые обозначались как «Политические обзоры местностей». Донесения являлись документом обязательной отчетности, но список формальных требований к ним оставался ограниченным, и руководители губернские жандармские управления были свободны в выборе формата доклада и стиля его изложения¹.

Служебная переписка свидетельствует о том, что, губернские жандармские управления были тесно связаны и интегрированы в систему губернских административных учреждений через постоянную коммуникации с губернаторами. С 1904 г. в губерниях на основании ст. 1035 Устава Уголовного Судопроизводства была введена практика проведения особых губернских совещаний под председательством губернаторов с участием жандармских управлений, на которых обсуждались вопросы, касающиеся производства дознаний по государственным преступлениям. В частности, 25 июня 1905 г. было проведено Саратовское губернское совещание по делу о производстве дознания «о социально-революционном сообществе». По итогам исследования доказательств о противоправной деятельности участников этого сообщества, совещание вынесло постановление «За исключением Аверкиевой и Бочкова по отношению ко всем остальным обвиняемым дознание по недостаточности улик, относительно Максимова, Нестора Калашникова, Кожевникова и Кавчинской, кроме того и за силою Манифеста от 11 августа 1904 г., а относительно Степанова за его смертью, прекратить с отменю меры пресечения»².

Очевидно, одной из причин двойственности и противоречивости взаимоотношений политической полиции и начальников губерний являлось отсутствие четкой регламентации взаимодействия жандармов с губернской

¹ Отдельно и более подробно эти виды отчетности рассмотрены в разделе 2.1 диссертационной работы.

² ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 31. Л. 324-325.

полицией, прямое руководство которой в соответствии со своими обязанностями осуществлял именно губернатор¹.

Таким образом, делопроизводство СГЖУ регулировалось специальными законодательными актами и представляло собой законченный технологический цикл создания и обработки различных видов деловой документации, включая регистрацию документов и контроль их исполнения.

Делопроизводство охранных отделений в Российской империи отличалось от было тесно связано с их функцией политического сыска и включало сложную систему регистрации, обработки и хранения документов. Оно регулировалось как внутренними инструкциями, так и нормативными актами, регламентировавшими деятельность политической полиции и начало формироваться начиная с 1866 г., т.е. с момента создания этих особых органов политической полиции сначала в Петербурге, а затем в 1880 г. и в Москве. Одним из первых основополагающих документов стало «Положение об устройстве секретной полиции в империи»², утвержденное 3 декабря 1882 г. императором Александром III. Это Положение определяло не только процесс учреждения охранных отделений, их подчинение, но и общие принципы работы.

После 1902 г. в Российской империи создается целая сеть таких отделений, которые первоначально, до 1903 г., назывались розыскными пунктами, и к концу 1907 г. их уже насчитывалось 276 по всей стране. Именно с момента формирования сети охранных отделений появляется, касающееся непосредственно этих структур политической полиции, документ, регламентировавший особенности их деятельности – «Положение о начальниках розыскных отделений»³, утвержденное 12 августа 1902 г. министром внутренних дел В.К. Плеве. Этот внутриведомственный

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3, 1904 г. Д. 2778. Л. 4-5.

² Там же. Ф. 102. Д. 977. Л. 9–10.

³ Положение о начальниках розыскных отделений: утверждено 12 августа 1902 г. Б.м., 1902.

нормативно-правовой акт включал в себя 18 параграфов. Так, например, в соответствии с § 5 Положения устанавливалась структура этих органов: начальники розыскных отделений должны были иметь канцелярию с письмоводителем и писцом. Функции канцелярии заключались в следующем: «а) регистрация данных наблюдений (агентурные записки, дневники наблюдений с соответствующими сводками); б) книга денежной отчетности; в) дела по переписке; г) листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в отделении»¹.

Составление специальных алфавитных ведомостей велось по лицам, за которыми был установлен негласный надзор. Впоследствии, сформированные таким образом специальные алфавитные ведомости направлялись в вышестоящие инстанции. Причем действовало правило, заключающееся в том, что сотрудники охранного отделения обязаны были сообщать максимально подробную информацию о лице, состоящем под надзором (вид, причины и сроки установления надзора, фамилия, имя и отчество, передвижения в пределах губернии, смена места жительства, контакты и др.)

В штат канцелярии Саратовского охранного отделения входили письмоводитель и два писца. Канцелярия и имевшийся при ней архив разделялись на общее и секретное делопроизводства. Общее делопроизводство занималось личным составом несекретных служащих отделения. В этом отделе отрабатывались доклады филёров наружного наблюдения, велась секретная переписка с Департаментом полиции, губернскими жандармскими управлениями и охранными отделениями других регионов. Секретным делопроизводством ведал отдел внутреннего наблюдения, состоявший из начальника, его помощника, жандармских офицеров. «В целом работа с документами в охранном отделении была строго регламентирована и находилась под контролем, — делает вывод Н.В. Воскобойникова. — Документы в своем движении проходили несколько

¹ Положение о начальниках розыскных отделений... С. 3.

ступеней иерархической лестницы, начиная с момента получения до исполнения»¹.

В перечне делопроизводственной документации в первую очередь следует указать руководящие документы вышестоящих органов Циркуляры МВД, и различные инструкции. Большой объем документации был связан с проведением дознаний, по текущему наблюдению за лицами, состоящими под надзором полиции. Среди различных видов служебной корреспонденции фигурирует отдельная группа, так называемой «охранной переписки», которая была посвящена выяснению благонадёжности лиц на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка...», позволившего производить следственные действия (обыски, аресты и т. д.) даже при отсутствии явных доказательств антиправительственной деятельности².

В основном в делопроизводстве охранного отделения фигурировали унифицированные формы документов: протоколы, рапорты, донесения с типовыми и трафаретными текстами и т.п. Значительное место в документообороте занимала служебная переписка, которая включала в себя запросы с ответами, представления, уведомления и пр. Конфиденциальная информация, полученная в результате перлюстрации почтовых отправлений, фиксировалась в форме выписок из писем. Резолюции начальника отделения на документах, как правило, были краткими: «исполнить», «разрешить», «к руководству», «к разработке». На отдельных документах имеются отметки об исполнении: «отослано в Департамент полиции», «в Московское охранное отделение», «исполнено», «доложено» и т.п.

В материалах Саратовского охранного отделения имеются и «дневники агентурных сведений по партиям», например об агитационной работе эсеров в войсках Саратовского гарнизона. Копии агентурных докладов высылались

¹ Воскобойникова Н.В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890–1917). Н. Новгород, 2006. С. 13.

² Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 1. От № 1–585 и дополнения. СПб., 1885. № 350. С. 238.

градоначальнику и в Департамент полиции. Оригинал документа подшивался в дело партийной организации, за которой велось наблюдение. На документе ставились пометы о том, что сделано по результатам наблюдения (произведены обыски, аресты и т.д.), как например, по делу о производстве дознания о деятельности Саратовского комитета РСДРП (1904 г.)¹. Агентурные сведения и записки филеров являлись исходным материалом для докладных, аналитических отчетов и справок, отправляемых в Департамент полиции. Следует согласиться с Н.В. Воскобойниковой в том, что «Столь четкий порядок работы с документами, предполагающий единообразие и даже рутинность, свидетельствует о важности задач, стоявших перед охранными отделениями»², так как дело касалось борьбы с революционным движением, политическом сыске и оперативной работе, а ошибки в документировании и контроле могли иметь серьёзные последствия. Поэтому вся система документооборота строилась максимально жёстко и унифицировано.

Все исполненные документы в итоге формировались в отдельные дела с учётом их содержания. Например, «Дело о производстве дознания о присылке из заграницы нелегальной литературы лицам, проживающим в Саратовской губернии»³, «Переписка с Поволжским Охранным отделением о деятельности революционных организаций»⁴, «Дело о производстве дознания об устройстве в Саратове митингов, ходок и революционных собраний»⁵, «Дело о производстве дознания о деятельности Саратовского комитета партии социалистов революционеров и о подпольной типографии»⁶ и др.

На изменения характера делопроизводственной документации и даже лексикона служебных документов определенное влияние оказывали и политические процессы, происходившие в стране особенно в годы первой

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23, 23а.

² *Воскобойникова Н.В.* Делопроизводство охранного отделения Нижегородской губернии (1903–1913 гг.) // Отечественные архивы. 2011. № 3. С. 24.

³ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 59.

⁴ Там же. Д. 132.

⁵ Там же. Д. 10.

⁶ Там же. Д. 22.

русской революции. В частности, к таким серьезным последствиям привело издание Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. «После Манифеста изменился и идейный язык делопроизводственной переписки – идеологический понятийный аппарат, в котором термин «либерализм» занимал доминирующее положение¹¹, с конца 1905 г. заметно трансформируется; теперь в нем доминирует термин «левый» в отношении тех явлений (и конкретных людей), которые ранее обозначались через понятия «либералы», «оппозиция», «радикалы», «конституционалисты» и т.п., в том числе применительно к деятелям Конституционно-демократической партии, – отмечает Л.В. Ульянова. – Можно предположить, что это изменение делопроизводственного дискурса политического сыска вписывалось в общую замену в образованном обществе идеологических маркеров маркерами партийно-политическими, речь идет о формировании право-левой дихотомии»¹.

Проведённый анализ документационного обеспечения, делопроизводства и документооборота губернских жандармских управлений и охранных отделений Саратовской губернии начала двадцатого столетия позволяет сделать следующие выводы. Делопроизводство в жандармских органах представляло собой строго регламентированную, закрытую систему, основанную на комплексе нормативно-правовых актов – от «Положения о Корпусе жандармов» 1867 г. до ведомственных циркуляров и инструкций. Ключевыми особенностями являлись: ведение секретной переписки лично офицерами, обязательное анкетирование подследственных, применение технических инноваций (фотографирование, дактилоскопирование).

Структура делопроизводства ГЖУ включала три части (Строевую, Секретную, Хозяйственную), центральную роль в организации документооборота играл адъютант. Основными формами отчётности выступали полугодовые донесения, а затем – политические обозрения

¹ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2020. С. 12.

губерний. Документация фиксировала тесное взаимодействие жандармских управлений с губернаторами и губернскими совещаниями, хотя чёткая регламентация этих отношений отсутствовала.

Делопроизводство охранных отделений, сформировавшееся с 1866 г., отличалось большей специализацией на политическом сыске. Нормативной основой стали «Положение об устройстве секретной полиции» (1882 г.) и «Положение о начальниках розыскных отделений» (1902 г.). Отделения вели алфавитные ведомости лиц, находившихся под негласным надзором, агентурные дневники, перлюстрированную переписку, а также секретную переписку с Департаментом полиции. Документы имели унифицированные формы, грифы секретности и чёткую маршрутизацию.

Серьезные политические трансформации в стране, особенно в период 1905-1907 гг., повлияли на менталитет жандармов и даже на лексикон делопроизводственной документации: произошёл переход от понятий «либералы», «оппозиция» к политологической дихотомии «правые – левые». Единообразие и рутинность документопотоков свидетельствовали в то же время о важности и строгом выполнении задач, стоявших перед жандармскими органами.

Вместе с тем, анализ делопроизводства губернских жандармских управлений и охранных отделений позволяет получить представление не только об организации работы с конфиденциальной информацией организации работы с конфиденциальной информацией, но и о методах политического сыска в Российской империи в начале XX века.

1.3. Направления, виды и методы работы политической полиции Саратовской губернии накануне и в годы Первой российской революции

Главным правовым основанием для деятельности политической полиции империи на тот момент являлось «Положение об охране государственного порядка и общественного спокойствия», введенное в

действие 14 августа 1881 г. Положение расширяло полномочия жандармерии, а также предусматривало возможность введения в губерниях двух степеней исключительного положения – состояния усиленной охраны и состояния чрезвычайной охраны¹. На местах при проведении расследований по государственным преступлениям офицеры политической полиции руководствовались всем комплексом законодательных актов и регулярных циркуляров вышестоящих жандармских органов². В дальнейшем органы политической полиции не только сохранили, закрепленные законом полномочия, но и усилили свою роль в соответствии с законом от 7 июня 1904 г., который К.П. Краковский называет «судьбоносным моментом в судебно-правовой истории жандармского ведомства»³. К тому же с годами, по мере обострения политической ситуации в стране, роль и место дознания в деятельности политической полиции приобретали все большее значение.

В настоящее время в научной литературе существует заметный разброс мнений и разночтение по поводу направлений и видов деятельности жандармских органов Российской империи, а также методов политического сыска.

Прежде всего, определимся с тем, что считать направлениями деятельности политической полиции. В соответствии с задачами, возлагавшимися властями страны на органы политической полиции Российской империи, и установленными основополагающими законодательными актами⁴, можно определить основные направления

¹ Положение об охране государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. I. Ст. 350.

² Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903.

³ Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 337

⁴ Положение о Корпусе жандармов // ПСЗРИ. Собрание 2. 1825–1881 гг. Т. 42. СПб., 1842. № 44956; Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 года // ПСЗРИ. Т. 46. СПб., 1875. Отд. I, № 49615; Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 1. СПб., 1885. Ст. 350.

деятельности отечественной жандармерии. К ним относятся: предупреждение и пресечение политических преступлений; охрана общественной безопасности и порядка; противодействие массовым социальным выступлениям, расследование дел о государственных преступлениях; контроль за деятельностью государственного аппарата; обнаружение тайных обществ и заговоров; надзор за политически неблагонадёжными лицами; контроль за деятельностью местных властей по исполнению правительственных распоряжений, законов и положений.

В то же время определенный диссонанс в устоявшийся к тому времени порядок работы и понимание своих функций жандармами внес Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Л.В. Ульянова точно подметила, что «Манифест оказался рубежом для служащих политической полиции, причем не столько для их восприятия общественно-политической проблематики (по факту они уже давно видели существование политики и легального политического пространства), сколько для их работы с этой проблематикой. Манифест изменил правила игры политического сыска и общественности, и можно предположить, что, по крайней мере, в Департаменте полиции эти изменения были восприняты с облегчением, т. к. они легализовали то публичное политическое пространство, которое составляло их головную боль в предшествующий период»¹.

Для реализации направлений работы политической полиции использовались различные виды деятельности жандармских органов. К основным видам деятельности жандармских органов следует, на наш взгляд, отнести – политический сыск, контроль за благонадежностью, сбор негласных сведений и дознание. Именно их рассмотрению будут посвящены отдельные разделы настоящего исследования².

¹ Ульянова Л.В. Указ. соч. С. 12.

² Подробнее см.: Глава 2. Основные виды деятельности жандармских органов Саратовской губернии.

Особенностью организации и ведения политического сыска в позднеимперский период являлось то, что руководство этим видом деятельности осуществлял непосредственно и единолично Департамент полиции, в то время Отдельный корпус жандармов «институционально, и функционально лишь соприкасалась с этой сферой деятельности»¹. Именно поэтому с учреждением охранных отделений политический сыск или, как его еще называли, розыск, стал главным и неперменным видом их деятельности. В то время, как «Отдельный корпус жандармов руководил не политическим сыском, а различными и многообразными жандармскими структурами, из которых только одна – ГЖУ – имела отношение к политической полиции, и то это была лишь часть их более обширного функционала, и в этой своей деятельности ГЖУ подчинялись не ОКЖ, а Департаменту полиции»², – делает вывод Л.В. Ульянова.

С этой точки зрения необходимо акцентировать внимание на тех практических функциях политического сыска, которые определялись руководящими документами Департамента полиции. В августе 1881 г. после трагической гибели от рук террористов императора Александра II было принято Положение «О мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия». В соответствии с Положением от 14 августа 1881 г. расширялись и конкретизировались цели и задачи Департамента полиции, а также местных органов политического сыска. В декабре этого же года директор Департамента полиции В.К. Плеве ввел определенные изменения в распределение функций структурных подразделений ведомства. Непосредственно вопросами политического сыска занималось Третье секретное делопроизводство. В его ведении находились вопросы наблюдения за неблагонадежными элементами как в России, так и за границей, их перепиской, связями. Также оно занималось «наблюдением за партиями, организациями, распространением нелегальной литературы, контролировало

¹ Ульянова Л.В. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 14.

деятельность внутренней и заграничной агентуры, охраной царя, высокопоставленных лиц. <...> С 1889 г. в этой структуре сосредоточивается переписка по негласному надзору полиции»¹. Со временем в ведение Третьего делопроизводства была передана Библиотека революционных изданий, которая до этого формировалась и находилась в III Отделении.

Большое значение для понимания содержания и особенностей политического сыска имеет выяснение методов, которые использовали жандармские органы в ходе его проведения. Методы политического сыска в Российской империи совершенствовались с течением времени в связи с изменяющейся общественно-политической обстановкой. Они включали разнообразные оперативные приёмы, направленные на выявление и пресечение политической оппозиции, обеспечение безопасности государства и контроль над общественными процессами. В исследовательской литературе нет единого мнения относительно набора методов и приемов политического сыска, которые применялись органами политической полиции Российской империи, особенно это касается позднеимперской России.

Вопрос о том какие методы политического сыска использовали в своей работе охранные отделения на данный момент не имеет однозначной трактовки в научной литературе, и является по-прежнему дискуссионным. В отличие от принятого дореволюционными исследователями и авторами советского периода деления на три основных метода: наружное наблюдение, перлюстрацию и внутреннее наблюдение, Е.Е. Гладышева в своей диссертации рассматривает эти составляющие «в качестве источников получения информации, поскольку именно наличие достоверной информации о развитии оппозиционного движения, о политических настроениях среди различных категорий общества являлось преимуществом политической полиции»². По ее мнению, непосредственно к методам, в соответствии с предложенной автором схемой, «относятся две модели взаимодействия

¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 46.

² Гладышева Е.Е. Указ. соч. С. 17.

“охранка-оппозиция”»¹. Эти «модели», как она утверждает, отражают разные подходы к контролю над оппозицией в зависимости от политической ситуации и ресурсов, доступных для жандармских органов.

Первая модель взаимодействия – это длительное наблюдение с последующей ликвидацией революционной организации. Этот метод был характерен для периода, предшествовавшего революции 1905 года. Органы политического сыска вели длительное наблюдение за оппозиционными партиями, выявляя все их контакты, и только после этого проводилась полная ликвидация организаций. В качестве второй модели Гладышева называет практику упреждающих ударов. Подобная жандармская тактика стала применяться в условиях роста числа выступлений, т.е. в годы первой российской революции.

Согласно этой модели противодействия органы политической полиции не дожидались вызревания и разрастания подпольных организаций, а наносили удары заранее, чтобы не допустить эскалации революционной деятельности. «Анализ показал, что выбор руководителями метода политического розыска зависел от политической ситуации в регионе и степени контроля органов полиции над оппозиционным движением, – отмечает Е.Е. Гладышева. – До революции 1905-1907 гг. практиковался метод длительных наблюдений за партией, но в связи с ростом революционных настроений использование этого метода стало небезопасным, поэтому предпочитали применять систематические удары по революционным организациям»².

На самом деле «две модели взаимодействия “охранка-оппозиция”», о которых пишет Е.Е. Гладышева, это, по свидетельству А.И. Спиридовича, являлись методы борьбы с революционным движением, которые практиковались тогда на местах: «Первый состоял в том, что организации давали сплотиться и затем ликвидировали ее, чтобы дать прокуратуре

¹ Гладышева Е.Е. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 19.

сообщество с большими, по возможности, доказательствами виновности. Второй же заключался в систематических ударах по революционным деятелям, дабы мешать работе, не позволять организовываться, проваливать их в глазах их же товарищей, как деятелей не конспиративных, что влечет удаление от работы, и т.д., иными словами, действовать системой предупреждения преступлений, а не только пресечением»¹. Причем полковник Спиридович не называет эти методы исчерпывающими или единственными в работе политической полиции, и это дает нам основание предполагать, что комплекс различных средств борьбы с революционным движением был более разнообразен.

Другой исследователь – Е.А. Гончарова, придерживаясь традиционной и наиболее распространенной классификации методов борьбы политического сыска с революционным движением сгруппировала их «по трем видам: внутренняя агентурная деятельность, наружное наблюдение и перлюстрация корреспонденции»².

Солидаризуясь с вышеупомянутым перечнем методов политического сыска, М.А. Аракелян, в то же время, дополняет его еще одним «собирательным методом» – «комплексом самых разнообразных методов и средств розыска, дополнявших базовую часть розыскного арсенала», который она обозначила, как «Вспомогательные методы и средства»³. К ним исследовательница относит криптографическую службу, содействие всех местных полицейских учреждений, а также домовладельцев и дворников жандармерии, контроль за железнодорожными путями и прилегающими к ним территориями, распространение ложных сведений, всяких слухов, а также задействование прессы с целью дестабилизации обстановки в революционных

¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 133.

² Гончарова Е.А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии. Саратов, 2006. С. 11.

³ Аракелян М.А. Политическая полиция российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 19.

рядах, взаимодействие с таможенными, пограничными и дипломатическими службами, налаживание сотрудничества с европейской полицией, использование новаторских концепций и приемов¹.

В качестве характерного примера «новаторских концепций» М.А. Аракелян приводит теорию и практику т.н. «полицейского социализма», или «зубатовщины», разработанную и внедренную полковником С.В. Зубатовым. Автор также обращает внимание на то, что специальным техническим отделом Департамента полиции внимательно отслеживались и интегрировались в практику работы новые изобретения². Наряду с этим «в задачу охраны всестороннее изучение противника было невозможно без ознакомления с подпольной литературой, <...> с историей революционного движения, характером, целями и способами действий революционных организаций, понимая, что только осведомленность может дать розыскным органам правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы»³.

Соглашаясь с наличием и важностью указанных М.А. Аракелян средств борьбы политической полиции с революционным движением, все-таки, большинство из них следует отнести к приемам политического сыска, а другие, как например, «контроль за железнодорожными путями и прилегающими к ним территориями»⁴ нельзя назвать вспомогательным методом. Вместе с тем следует, на наш взгляд, согласиться с ее выводом о том, что «Комплекс вспомогательных методов и средств был весьма обширным и здесь многое зависело от творческого подхода работников охраны к своему делу, от их способности изыскивать такие методы и приемы, благодаря которым работа политического сыска становилась по-настоящему плодотворной»⁵.

¹ Аракелян М.А. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 22.

Между тем, предложенные различными учеными трактовки и перечень методов политического сыска существенно различаются, поэтому требуется определиться с вопросом: что считать методами, а что – приемами политического сыска в рассматриваемый период.

Прежде всего, определимся с общетеоретическим понятием «метод». Хрестоматийное определение данного термина гласит: «Метод. 1. способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь. 2. Способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием»¹. Непосредственно относящимися к реализации функций розыскной деятельности политической полиции в дефиниции «метод» являются ключевыми понятия: «практическое осуществление», «способ действовать», «прием».

В то же время, характеризуя методы и приёмы политического сыска, следует подчеркнуть разницу между ними. В целом, это конечно, были инструменты и способы деятельности жандармских органов, занимающихся выявлением и пресечением антиправительственной деятельности, которая подрывала государственную безопасности, несла угрозу существующему порядку. Однако различие между ними заключается в уровне детализации, целях и масштабах применения. Приёмы – это конкретные действия или операции, которые используются в рамках методов для достижения целей сыска. Они могут быть частью более широкой стратегии или тактики. В качестве примеров таких приемов можно назвать: доносы, как инструмент инициирования следствия; очные ставки – прием, при котором проводится диалог между подозреваемыми с целью уличения кого-то во лжи; экспертиза почерков – прием, который использовался в расследуемых делах, связанных с литературной деятельностью, для выявления причастности лица к написанному тексту, использование технических средств – фотографирование, дактилоскопия и пр.

¹ Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1990. С. 352.

При определении методов и приёмов политического сыска следует учитывать конкретные способы и действия, которые используются для выявления, пресечения и расследования преступлений против государства, а также для контроля за политической ситуацией. Они могут различаться в зависимости от исторического периода, политического контекста, а также специфики государственного устройства и структуры государственного управления.

Таким образом, можно сформулировать такое определение метода – это способ достижения определённой цели практической деятельности, упорядоченная система действий, приёмов и операций, направленных на решение задачи или получение желаемого результата. Отталкиваясь от подобной трактовки, становится очевидно, что политический сыск не мог ограничиваться только методом «длительного наблюдения с последующей ликвидацией революционной организации» и тактическим приемом «упреждающих ударов», как отмечает Е.Е. Гладышева, или даже тремя способами получения агентурной информации, наиболее распространенными в исследовательской литературе, и которые, в частности, указывают Е.А. Гончарова и М.А. Аракелян. Вместе с тем, ведущая исследовательница истории политической полиции Российской империи З.И. Перегудова ассоциирует упоминавшиеся выше методы работы (секретная агентура, наружное наблюдение, перлюстрация) с «основными направлениями деятельности органов политического сыска»¹.

Суммируя высказанные замечания, дефиниции, а также конкретизируя критерии определения основных способов реализации функций жандармских органов, их перечень и формулировку, автор солидаризуется со следующей классификацией методов политического сыска:

1. Агентурная работа (внутреннее наблюдение).
2. Филерство (наружное наблюдение).

¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 517.

3. Перлюстрация корреспонденции.

На наш взгляд, данный перечень более полно отражает именно инструментально-операциональную сторону сыскной деятельности, не подменяя её ни источниками информации, ни тактическими приёмами.

Можно сделать вывод о том, что на данный момент отсутствует единство мнений относительно направлений деятельности жандармских органов, методов политического сыска и даже самого понятийного аппарата. Неоднозначность трактовок этих понятий в исследовательской литературе, а также, что особенно важно, разброс подходов в изучении этой проблемы усиливается применительно к позднеимперскому периоду, что делает необходимым уточнение базовых дефиниций. При этом в научной литературе часто смешиваются понятия «метод», «приём», «источник информации» и «направление деятельности». Именно поэтому следует четко разграничивать метод как упорядоченную систему действий (способ достижения цели) и приём как конкретную операцию в рамках метода. Следовательно, такие действия, как доносы, очные ставки, экспертиза почерков, использование технических средств (фотография, дактилоскопия), распространение ложных сведений, провокация и т.п., следует квалифицировать как приёмы, поскольку они являются конкретными операциями в рамках более широких методов. Это, в свою очередь, позволяет упорядочить понятийный аппарат и избежать неоправданного расширения списка методов.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

2.1 Сбор и анализ сведений о социально-политической и криминогенной обстановке в губернии

Сбор негласных сведений, как один из видов деятельности политической полиции имел большое значение не только для организации и осуществления оперативно-тактических мероприятий в рамках политического сыска, но и для проведения обобщающей и аналитической работы не только для формирования отчетной документации, но и для того, чтобы наметить контуры профилактической и предупредительной работы в политически рискогенной обстановке.

Эффективность деятельности политической полиции Российской империи на протяжении всего периода ее существования предполагала в качестве одной из необходимых и важных функций проведение информационно-аналитической работы по мониторингу и оценке общественно-политической ситуации в стране, а также по выявлению и пресечению угроз существовавшему строю, что свидетельствует об актуальности обращения к данной проблематике.

Характер и содержание жандармской отчетной и обобщающей служебной документации – отчетов, донесений, обзоров, сведений позволяют оценивать этот блок документов в контексте аналитической работы политической полиции России и мониторинга жандармами общественно-политической ситуации в регионе. Конечно, особое место среди деловой документации, занимали ежегодные отчеты и регулярные донесения начальника СГЖУ в Министерство внутренних дел и начальника Саратовского охранного отделения в Департамент полиции.

В качестве основных документов информационно-аналитической и мониторинговой деятельности политической полиции следует назвать:

деловую переписку между губернскими жандармскими управлениями (далее – ГЖУ) и вышестоящими инстанциями по наблюдению за подозрительными и запрещенными организациями, а также их руководителями и активистами; сведения о происшествиях в губернии (за отчетный период), сведения о лицах, привлеченных к формальному дознанию (за прошедший год), докладные записки об объектах оперативного наблюдения и поднадзорных лицах, донесения об обысках и арестах и т.п. «Составление полугодовых донесений входило в круг служебных обязанностей губернских штаб-офицеров до начала 1870-х гг., когда в качестве основной форм отчетности их заменили политические обозрения губерний»¹, – отмечает Бибилов.

При этом донесения и сведения выступали не только документами обязательной отчетности, но и содержали всестороннюю информацию по различным аспектам общественно-политической ситуации в стране и неблагонадежным лицам, и, таким образом, представляли собой материал для проведения последующей аналитической работы. Необходимость и важность сведений, которые собирали и обобщали сотрудники политической полиции подчеркивал полковник П.П. Заварзин: «Правительству необходимо иметь постоянное полное освещение настроения населения и его общественных кругов, особенно прогрессивных и оппозиционных. Оно должно быть осведомлено о всех организациях и о всех примыкающих к ним лицах»².

В отчетной документации отчетливо просматривается развитость агентурной сети и методов работы жандармерии (слежка, перлюстрация), позволявших оперативно отслеживать нарастание социальной напряженности, распространение слухов и пропаганды, а также выявлять лидеров протестных акций.

¹ Бибилов Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое / The new past. 2021. № 1. С. 52.

² Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: воспоминания. Париж, 1930. С. 21.

Центральное внимание органы политической полиции уделяли сбору сведений о революционных организациях, их деятельности и активистах: «Сводки наблюдений за местными революционными организациями»¹ (в 2-х томах), «Сведения о псевдонимах и кличках революционных деятелей за 1904-1906 гг.»², «Переписка с ГЖУ о заграничном съезде партии социалистов-революционеров (1904 г.)»³, «Переписка с Департаментом полиции и ГЖУ о розыске лиц, причастных к убийству 15 июля 1904 года в С. Петербурге министра внутренних дел В.К. Плеве»⁴. В условиях нарастания террористической угрозы со стороны боевых организаций эсеров в регионе были предприняты особые меры охраны губернатора, о чем свидетельствует «Дело об организации охраны губернатора П.А. Столыпина»⁵ (1904 г.).

Ежегодно обновлялись данные о проведении антиправительственной пропаганды, в частности, в учебных заведениях: «Переписка с Саратовским жандармским управлением об учениках Мариинского земледельческого училища, находящегося в Николаевском городке Саратовского уезда»⁶ (1902 г.), «Переписка о революционной пропаганде в Саратовской духовной семинарии»⁷, «Переписка о революционной пропаганде среди учеников I мужской гимназии»⁸ (1904 г.), или на предприятиях и железной дороге: «Дело о производстве дознания о революционной пропаганде среди рабочих мастерских РУЖД в сл. Покровской Новоузенского уезда за 1903-1905 гг.»⁹.

О широте охвата различных сторон социально-политической жизни региона, попадавших в поле зрения охранного отделения свидетельствуют обобщенные блоки сведений, собираемых жандармами, как, например, таких: «Списки учеников учебных заведений Саратова и Саратовской губернии за

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2; 2а.

² Там же. Д. 20.

³ Там же. Д. 45.

⁴ Там же. Д. 48.

⁵ Там же. Д. 41.

⁶ Там же. Д. 33.

⁷ Там же. Д. 30.

⁸ Там же. Д. 21.

⁹ Там же. Д. 54.

1903 год»¹, «Сведения о передвижении учащейся молодежи за 1903-1905 гг.»², «Списки рабочих и служащих на фабриках, заводах, мастерских и типографиях Саратова за 1902-1905 годы»³, «Списки лиц, проживающих на дачах в районе Саратова за 1903-1906 гг.»⁴, «Сведения о забастовках»⁵ и пр.

Наряду со сбором и анализом информации, касающейся вопросов государственной безопасности, Саратовское охранное отделение регулярно обобщало сведения и об общеуголовной преступности: «Сведения об ограблениях, убийствах и других происшествиях за 1907 г.»⁶. Изучение информации общего криминального свойства позволяло, политической полиции, в некоторых случаях, выходить и на совершенные государственные преступления.

Вместе с тем, СГЖУ собирало информацию и по различным вопросам жизнедеятельности региона, напрямую не относящимся к сфере внутренней безопасности страны. Так, например, жандармами регулярно собиралась и обобщались сведения о происшествиях, не заключавших в себе политического характера, произошедших в губернии за отчетный год. Кроме того, жандармские органы интересовали проблемы, имевшие острый социальный характер, но, безусловно, способные оказать негативное влияние на политические настроения различных групп населения. Среди документов СГЖУ встречаются «сведения о недороде хлебов, болезнях среди населения от недоедания, падеже скота от бескормицы и других бедствиях»⁷, «сведения о несчастных случаях с рабочими на фабриках и заводах»⁸. Под контролем жандармов был также и вопрос, касающийся зарубежных поездок жителей

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 14.

² Там же. Д. 5.

³ Там же. Д. 16.

⁴ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 25.

⁵ Там же. Д. 17.

⁶ Там же. Д. 5.

⁷ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 13.

⁸ Там же. Д. 20.

губернии. Ежегодно собирались также и «сведения о получивших заграничные паспорта»¹.

Широкий спектр общественно-политической информации содержался в ежегодных политических обзорах по Саратовской губернии, предоставляемых в Департамент полиции на основании соответствующих циркулярных распоряжений. Политические обзоры были главным аналитическим документом губернской жандармерии во второй половине XIX века и до начала 1905 г. Они содержали информацию о политических настроениях, нравственном состоянии, социально-экономическом положении, состоянии административных и государственных учреждений, учебных заведений, издательского дела, воинских подразделений в губернии и других аспектах жизни общества. «Политические обзоры местностей» – это были подробные сводные от четные документы, в которых содержалась информация фактически обо всех сторонах жизни губернского общества за отчетный период (политические настроения, нравственное состояние, социально-экономическое положение, состояние административных и государственных учреждений, учебных заведений, издательского дела, воинских подразделений, расквартированных на территории губернии, и проч.)»².

Обзоры составлялись по стандартной структуре, и начинались они с раздела «Наблюдение за народонаселением» с указанием всех уездов губернии. Так, в политическом обзоре за 1902 г. наблюдение за народонаселением Царицынского и Камышинского уездов дало политической полиции следующие результаты: «Распространение вредных политических идей и противоправительственной настроения умов не замечено ни в одном из сословий, населяющих Царицынский и Камышинский уезды. Все население питает глубокую преданность и искреннюю любовь к своему Монарху и

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 18.

² Новоселов П.А. Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 114.

Отечеству вполне сознает всеподданейшую заботливость правительства о народном благосостоянии, общественном спокойствии и безопасностью и благотворности всех правительственных для сего мероприятий»¹.

К беспорядкам, которые происходили за отчетный период в разных местностях империи, судя по информации, имевшейся у жандармов, почти все население относилось «не сочувственно и большинство интеллигентных лиц высказывало свое мнение о том, что против подобных беспорядков, и, в особенности, лиц, подстрекающих к ним, надлежит принимать самые крутые меры. Волнений между жителями не было и ненормальных отношений между классами населения не замечено»².

Во втором разделе содержались сведения о благонадежности лиц, состоявших на службе в городских, земских и крестьянских учреждениях. За 1902 г. жандармы докладывали, что никто из этих служащих «не был замечен в случаях вредного направления, а также в проявлении в чем-либо своей политической неблагонадежности»³. Однако при этом в обзоре отмечались неправильные действия со стороны некоторых из них. В частности, председатель Царицынской Уездной земской управы В.А. Персидский и член Управы А.З. Дьяченков «совсем не занимаются делами земства, все время живут в своих имениях в 120 верстах от города Царицына и даже не имеют в городе постоянную квартиру, бываю в городе очень редко и за них ведет все дела член управы крестьянин Петр Дорофеевич Ащеулов⁴, который, конечно, не забывается на земских собраниях и получает каждый год субсидии»⁵.

Также претензии жандармских чинов высказывались и в адрес секретаря Управы дворянина А.П. Иванишин, которому в качестве «ненормального» отношения к обязанностям вменялось то, что он «очень часто уезжает в отпуск

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ащеулов Петр Дорофеевич (ок. 1870-?) – житель с. Пролейка, крестьянин. С 1893 г. член Царицынской Уездной земской управы.

⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

в Воронежскую губернию, где у него свое имение», и где он фактически постоянно и проживал. Последний раз, по сведениям сотрудников политической полиции, Иванишин уехал со службы 15 сентября и до конца года, несмотря, на письма и телеграммы его не могли найти. «В виду такого халатного отношения к делу вся деятельность Управы ограничивается получением и выдачей жалования»¹, – такой неутешительный вывод был сделан начальником СГЖУ Д.С. Померанцев.

В политическом обзоре также фигурировал бывший городской голова купец Ф.С. Семенов, состоявший в этой должности большую часть отчетного года, который был «замечен в несоблюдении городских интересов»². Его неправильные действия, по мнению жандармов, выражались в том, что он закрывал глаза на самозахваты городских земель богатыми жителями, и даже потворствовал им. В частности, местным богачам купцам Шлыкову и Воронину, которые к тому же состояли гласными Городской Думы и пользовались среди коллег большим влиянием. По мнению жандармов «Городской Голова Семенов был их ставленником, почему он, в свою очередь, из боязни и благодарности в угоду им не наблюдал городских интересов, между тем, самовольно захваченная таким образом земля по прошествию известного времени по давности перейдет им в вечное владение»³.

В третьем разделе обзора характеризовалась благонадежность офицеров частей, дислоцированных в Саратовской губернии, а также военнослужащих, приезжавших в отпуск в течение отчетного года. Общий вывод по этой группе был сделан такой: «ни в чем предосудительном в нравственном и политическом отношении не замечались»⁴. Однако были и исключения, на которые было обращено внимание. За отчетный период один из вольнонаемных музыкантов 226 пехотного Бобруйского резервного батальона

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 11об.

был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого «за произнесение дерзких и оскорбительных слов против Особы Государя Императора»¹. В мае 1902 г. в музыкальную и нестроевую команды того же Бобруйского батальона были подброшены преступные воззвания под заглавием «Солдатская памятка» Льва Толстого, в которой советовалось «нижним чинам не слушать своих начальников, и, в особенности, когда им будет приказано употреблять оружие при народных волнениях, так как убивать людей, по заповедям Бога, есть грех»². Эти воззвания, оказавшиеся у нижних чинов музыкальной команды и нестроевой роты, были переданы ими своему начальству «даже не будучи читанными, по случаю малограмотности нижних чинов, нашедших их»³.

В качестве объяснения этих инцидентов полковник Померанцев сослался на то, что бывший командир 226 Бобруйского резервного батальона полковник Сессарский в конце года был назначен командиром резервного полка в Вильно, и «желая приобрести популярность среди офицеров и нижних чинов, делал разные послабления, почему собственно нижние чины означенного батальона очень плохо дисциплинированы»⁴.

Четвертый раздел политического обзора был посвящен характеристике благонадежности в учебных заведениях Саратовской губернии. По Царицынскому уезду общий вывод был вполне благоприятным: «В народном училище, сельских и церковно-приходских школах, кроме тех, которые находятся в немецких колониях, о чем я буду говорить ниже, учение идет успешно, наставники усердно исполняют свои обязанности»⁵. В то же время по сведениям жандармов в политической неблагонадежности были замечены следующие лица: 1) учитель Царицынского трехклассного городского училища Иван Андреевич Качалов, 2). Руководящий мастерскими работами Царицынского ремесленного училища Матвей Константинович Антонов и

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 11об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же.

учительница Камышинского городского начального женского училища Евгения Ивановна Сургучева¹.

В районе наблюдения политической полиции находились средние учебные заведения: в Царицыне Александровская мужская гимназия и Мариинская женская гимназия, а в Камышине – реальное училище и городская четырехклассная женская гимназия. При этом в обзоре было обращено внимание на то, что «учительский персонал этих заведений несмотря на то, что среди преподавателей Камышинского реального училища находится состоящий под негласным надзором полиции бывший студент Казанского университета Петр Андреевич Поляков, н в чем предосудительном в политическом отношении замечены не были»². Однако у ученика 7 класса Царицынской гимназии Иосифа Мееровича Гутмана были проведены обыски, основанием для которых послужило то обстоятельство, что Гутман был замечен в очень близком знакомстве с лицами неблагонадежными в политическом отношении. Причем некоторые из них были привлечены к дознанию по обвинению в составлении и распространении письменных и печатных сочинений и за участие «в тайных сообществах», предусмотренных ст.ст. 318, 254, 252 и 252¹ Улож. о Нак. Кроме того, со стороны свидетелей, опрошенных по этому дознанию «были указания на Гутмана, что ему небезызвестно было о воспроизведении на гектографе в квартире обвиняемого учителя Гвачалова разных брошюр революционного характера. Так как по обыску у Гутмана ничего запрещенного не обнаружено, то он не был привлечен в качестве обвиняемого, почему и по настоящее время находится в числе гимназистов Царицынской гимназии»³.

Неутешительный вывод в обзоре был сделан по поводу благонадежности как учителей, так и учащихся средних учебных заведений Царицынского уезда: «Что же касается до поведения всего учительского

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

² Там же. Л. 12об.

³ Там же.

персонала и учащейся молодежи, то она заставляет желать много лучшего. Вообще на нравственное воспитание учеников всех заведений не обращается надлежащего внимания, преподаватели очень мало интересуются тем, как проводит молодежь время и ведет себя вне стен заведений»¹.

Обзор составлялся настолько скрупулезно, что в поле зрения жандармов попадали отдельные личности, замеченные в предосудительном поведении. Например, в документе указано, что «учитель городского Царицынского четырехклассного училища Гавриил Васильевич Егоршин ведет очень нетрезвый образ жизни, были неоднократно случаи составления на него полицейских протоколов за нарушение тишины и общественного спокойствия в публичных местах»², а преподаватель истории Царицынской гимназии Соловьев «заставляет учеников обязательно приобретать каждого из них хронологию исторических событий, составленную им, для более упрощенного и легкого изучения»³. При этом сотрудники политической полиции обратили внимание не только на то, что учитель обязывал учащихся покупать его учебное пособие, но и сделали вывод о том, что «по означенной хронологии можно судить, что она, наоборот, затрудняет это изучение в несколько раз, чем простое запоминание годов исторических событий. Кроме того, означенный учебник Соловьева не должен быть допущен к обращению среди учеников уже по той причине, что он не рекомендован со стороны высшего учебного начальства»⁴.

Также в поле зрения жандармов попали учителя французского языка Царицынской гимназии Бердников и А.А. Попова, но вовсе не по причине политической благонадежности, а из-за уровня своего профессионализма. По данным, представленным в обзоре, они «малознакомы с этим предметом и

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

имея дурное произношение портят даже тем ученикам, которые знали раньше этот язык»¹.

В представленном обзоре Д.С. Померанцев отметил факт выхода в отставку директора Царицынской мужской гимназии Д.Т. Третьякова после ревизии Помощника Попечителя Казанского учебного округа А.А. Остроумова в 1901 г. «Это распоряжение начальства ожидалось жителями Царицына с нетерпением и когда оно последовало, то все выражали свою искреннюю радость»², – подытожил полковник Померанцев. Подобная реакция жителей города, очевидно, свидетельствовала о непопулярности Третьякова и о претензиях родителей учеников в его адрес.

Пятый раздел обзора освещал общественно-политическую ситуацию в крестьянской среде и насущные аграрные проблемы. Прежде всего, с удовлетворением отмечалось, что «волнений среди крестьян не было», но при этом уточнялось, что за отчетный год в Камышинском уезде было зафиксировано несколько случаев самоуправства крестьян и пригородных мещан г. Камышина: «В селе Жирном Линево-Озерской волости в марте крестьяне приготовились к самовольной запашке земли, принадлежащей княгине А.Н. Гагариной, но благодаря своевременно принятым мерам, предполагаемая запашка не произошла. Кроме того же села в мае 1902 г. стали самовольно травить скотом сенокосы в количестве 450 дес., принадлежащих княгине Гагариной. Чтобы прекратить своеволие крестьян по отношению к экономии княгини Гагариной, продолжавшееся в течение 1901 г. и отчетного года по распоряжению Саратовского губернатора были приведены в означенное село 2 роты Хвалынского пехотного резервного батальона после чего крестьяне исполнили все требования губернатора. В селе Верхней Добринке в апреле 1902 г. общества крестьян этого села самовольно приступили к разделу, распашке и засеву земли в количестве 918 дес., принадлежащей товариществу, состоящему из 112 домохозяев,

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

однообщественников крестьян этого села еще и в мае не прекратило своих незаконных действий, то по распоряжению саратовского губернатора мимоходом из с. Жирное были приведены те же 2 роты Хвалынского пехотного резервного батальона в присутствии которых были арестованы главные зачинщики»¹.

Кроме этого, в конце июля – начале августа 1902 г. Камышинские мещане пригородных хуторов Карпунина, Поповки, Торопова и Средней Камышинки приступили к самовольной распашке земли, принадлежащей городу Камышину. Однако эти самоуправные действия удалось прекратить после приезда в город саратовского губернатора А.П. Энгельгардта, который посоветовал городскому Голове под предлогом безвыходного положения мещан вышеуказанных хуторов, отдать им часть городской земли безвозмездно, так как в противном случае город мог riskовать потерять эту землю за давностью на том основании, что мещане пользовались ею ранее также самовольно более 10 лет. Во всей этой истории Д.С. Померанцев нашел «утешительным только то, что все эти беспорядки не имели политической подоплеки и были вызваны единственно тотальной причиной, что как крестьяне, так и мещане, глубоко были убеждены, что земля, которую они хотели самовольно распахать по праву принадлежит им»².

Отдельное внимание в обзоре было уделено настроениям и поведению среди рабочих в Царицынском и Камышинском уездах. И в этом вопросе ситуация, по мнению начальника СГЖУ, не вызывала беспокойства. «Несмотря на большое количество фабрик и заводов, находящихся в районе наблюдения, а также и того обстоятельства, что в отчетном году в других местностях настроение умов было не особенно спокойным и что беспорядки, происходившие в Ростове-на-Дону и на Тихорецкой станции могли послужить дурным примером, но, тем не менее, за отчетный 1902 г. в Царицынском и

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 14-14об.

² Там же. Л. 14об-15.

Камышинском уездах не было ни одного беспорядка и стачек среди фабричных и заводских рабочих»¹, – констатировал он.

В шестом разделе политического обзора шла речь о просветительских мероприятиях для народа. Прежде всего, было отмечено, что публичные лекции и чтения для народа в районе наблюдения ведутся большей частью духовенством. В Царицыне такие чтения проводятся в народной аудитории, открытой в 1900 году. При этом подчеркивалось, что они проходят «так успешно, что иные дни помещение аудитории не может вместить всех желающих»². Наряду со священниками чтения проводят также и учителя местных учебных заведений. Иногда после чтения выдаются брошюры духовно-нравственного содержания. Также уточнялось, что в городе Камышине подобные публичные чтения проводятся «в таком же духе, но в меньшем размере, чем в Царицыне»³.

Судя по информации, содержащейся в обзоре, в небольших населенных пунктах чтения для населения также проводятся, но имеют свои особенности. Так, в посаде Дубовка Царицынского уезда чтения проводятся по праздникам в помещении чайной-читальни открытой от попечительства о народной трезвости. При проведении чтений для большей наглядности использовались «туманные картинки», или как еще называли «Волшебный фонарь»⁴. Инициатором этих чтений жандармы называли местное духовенство и земского врача Александра Григорьевича Абрамовича. «Вообще до сих пор в публичных чтениях не замечено вредного направления как в нравственном, так и в политическом отношениях»⁵, – такой вывод в итоге делал полковник Д.С. Померанцев

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

³ Там же.

⁴ «Волшебный фонарь» («туманные картины») – распространенный в конце XIX – начале XX вв. проекционный аппарат, использовавшийся для демонстрации картинок.

⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

В политическом обзоре был также представлен анализ местной прессы. В Царицыне на тот момент издавалось две газеты – «Царицынский вестник» и «Царицынский листок», цензором которых по должности являлся Царицынский полицмейстер Н.В. Потоцкий. «Обе эти газеты очень бессодержательны, в них печатаются только телеграммы, объявления и перепечатки из других газет, – утверждал начальник СГЖУ, и уточнял. – В отделе местной хроники немало занимает места полемика обоих редакторов, враждующих между собой. Кроме того, обе эти газеты издаются крайне небрежно, в особенности “Царицынский листок”»¹. Кроме этого Д.С. Померанцев объяснял маленькое число подписчиков этих изданий «неимением хороших сотрудников», и то, что эти газеты существовали, главным образом, благодаря объявлениям и типографским работам, для чего издатели «старались удержать своих заказчиков путем разных хвалебных статей по их адресу, в противном же случае начинали писать про них с невыгодной стороны, до клеветы включительно»². На основании приведенных соображений полковник Померанцев заключал: «о влиянии местных органов печати не может быть никакой речи, так как большинство читающей публики смеются над перебранкой двух редакторов, а подчас и возмущаются, когда начинают затрагивать отдельных личностей»³.

В этом же разделе приводилась информация о случаях распространения запрещенной литературы. Как видно из обзора, начальник СГЖУ не видел здесь серьезной проблемы, и упоминал лишь о том, что были «попытки распространения среди крестьян и рабочих сведений революционного характера: В ночь на 17, 18, и 19 апреля различным крестьянам с. Ахмат Камышинского уезда были подброшены брошюры “Вторая воля”, “Рабочая газета”, “О податях и налогах”, “Новые зверства Царского Правительства” и

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

² Там же. Л. 17.

³ Там же.

“Внутреннее обозрение”, причем некоторые из них были нескольких экземплярах»¹.

В материале, представленном начальнику Саратовского губернского жандармского управления для очередного политическом обзора помощник начальника СГЖУ в Царицынском и Камышинском уездах ротмистр Жирнов вначале документа указал почти стандартную формулировку: «В общей массе население Царицынского уезда питает вполне верноподданические чувства и относится с доверием к действиям и распоряжениям правительства»², но при этом он уточнил, что такое положение дел «нельзя поставить в заслугу местной администрации, нередко вызывающей своими действиями нежелательные толки и слухи, – отмечал он. – Так, деятельность уездной и городской полиций и некоторых земских начальников нельзя признать заслуживающей уважения»³.

В обоснование своего вывода Жирнов приводил несколько фактов. В уездной полиции Ольховский урядник Алексеенко уволен от службы распоряжением губернатора за пьянство – действительно, сплошь и рядом он запивал по месяцам и уездный член Саратовского окружного суда Найденов пробыв 3 дня в сл. Ольховке не мог добиться того, чтобы Алексеенко к нему явился. Александровский урядник Антоновский предан суду по обвинению во взяточничестве, вымогательстве, укрывательстве краденного (покрывал конокрадов) и принятии взяток для другого. «На место Алексеенко назначен исправником Прутковым Молодцов, тем же исправником уволенный из полицейских служителей Урало-Вятского завода за пьянство, – уточнял ротмистр Жирнов. – В настоящее время Молодцов снова тем же исправником и за то же уволен»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 17об.

² Там же. Д. 60. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 60. Л. 2.

Также ряд компрометирующих сведений были приведены в документе о служащих местных земских органов. В частности, по информации Жирнова «о земском начальнике 1 участка Молдавском есть слухи между крестьянами, что он покровительствует богатым и лицам волостной администрации, пользуясь у них займами, но подтверждения этих слухов не получено»¹. А вот по земскому начальнику 3 участка Дьяченко слухи о том, что он «покрывает незаконные действия волостной и сельской администрации вполне подтверждаются»², – сообщал ротмистр Жирнов. Кроме этого, в обзоре приводились и факты финансовых нарушений, допущенных в Пролейкском сельском обществе, и в которых тоже был замешан земский начальник Дьяченко³.

Отдельным пунктом политического обзора рассматривалась и анализировалась деятельность городской полиции. И здесь вывод звучал также неутешительно: «Не лучше обстоят дела и в городе, где ближе всех к населению стоит полиция. Пристав Козлов и помощник пристава Сыченко состоят под следствием за истязание мальчика-воришки. И вообще как на пристава Козлова, так и на всех чинов полиции приходится постоянно слышать жалобы не только на грубое их обращение, и на их побои»⁴. Несмотря на допущенные приставом Козловым нарушения он был переведен на ту же должность в село Елань Аткарского уезда.

Нарушения, связанные с использованием служебного положения, ротмистр Жирнов усмотрел в действиях полицмейстера Н.В. Потоцкого, а точнее в действиях его жены – М.Д. Потоцкой, которая в декабре 1903 г. в Царицынском общественном собрании устроила благотворительный спектакль, но билеты на этот спектакль распространяли через полицейские участки, явно с ведома ее мужа. Причем полицейские действовали таким,

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3об.

например, способом: в полицейскую часть 5 декабря 1903 г. «вызвали сторожа ж/д больницы крестьянина Федора Гавриловича Богомазова будто для проверки его солдатского билета, потребовали с него 75 коп., 15 коп. вернули и дали билет в 60 коп. на спектакль, несмотря на его протесты»¹. Лишь благодаря вмешательству Начальника Царицынского отделения Харьково-Царицынского Жандармского полицейского управления железных дорог подполковника фон Фишера эти 60 коп. Богомазову все-таки возвратили. Богомазов также сообщил, что при нем тоже самое проделали еще с какими-то двумя лицами².

В итоге в обзоре сделан такой вывод: «приходится убеждаться и из личных наблюдений, и из отзывов посторонних лиц (тов. Прокурора, жандармского офицера подполковника фон Фишера и ротмистра Мольданато, воинского начальника и городского головы и др.), что служба городской полиции заставляет желать лучшего. Найти кого-нибудь из чиновников не только ночью, но и днем, за исключением времени от 10 до 1 часа дня затруднительно»³

Особенно жандармов беспокоило то, что подразделения общей полиции, призванные содействовать органам полиции политической в осуществлении гласного надзора, относились к этому вопросу халатно. Ротмистр Жирнов приводил конкретный случай из этой практики: «Отношением от 20 апреля 1903 г. за № 29 прося Полицмейстера об учреждении особого надзора за Александрой Титовой, я указывал и ее адрес; отношением 21 апреля за № 30 Полицмейстер уведомил, что Титова не разыскана и на отношение мое от 24 апреля за № 320, что Титова здесь и проживает по указанному адресу, № 165 от 16 мая Полицмейстер уведомляет, что “надзор учрежден”»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.

² Там же. Л. 4об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 4об-5.

Судя по фактам, приведенным в обзоре, также безответственно некоторые чины полиции относились и к вопросам пресечения революционной пропаганды. Один из таких вопиющих случаев приводился ротмистром Жирновым: «В октябре 1903 г. содержатель чайной Иван Кочанов заявлял старшему городовому 1 части Колосову и Приставу той же части Михайлову о сборищах у него в чайной мастеровых, ведущих разговоры о прокламациях. В октябре Кочанов заявил околоточному Леонтьеву и приставу 2 части Лашилитову о собраниях социалистов у него в чайной и передал Леонтьеву революционную брошюру “Воля Царская и воля народная”, однако от чинов полиции сообщения об этом не поступало»¹.

Казалось бы, что приведенные факты не имеют отношения к политическому настроению населения, однако нельзя не признать, что, вызывая негодование они подготавливали благодатную почву для распространения нелегальных изданий, и самое главное – готовность восприятия антиправительственных идей.

Вместе с тем, в обзоре с положительной стороны характеризовались служащие городских, земских и сельских управлений, которые не были замечены в политической неблагонадежности», но жандармского офицера настораживало «общее явление – переполнение земских учреждений неблагонадежными элементами понемногу начинает замечаться и здесь: так в 1903 г. в Царицынской уездной земской управе не было ни одного поднадзорного. В феврале 1903 г. прибыл на должность агронома, состоящий под негласным надзором Александр Астахов, а в апреле на должность секретаря Управы тоже негласно-надзорный Евгений Шишакин («Дело о состоящем под гласным надзором полиции студенте Евгении Ивановиче Шишакине (12.12.1895-05.08.1895)»² – Д.Х.»³.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

² Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 2. Д. 464. URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive1/unit/442982?ysclid=md5rrmjl7r461645465> (дата обращения: 17.12.2025).

³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

В следующем разделе политического обзора, касающегося политической благонадежности военнослужащих частей, дислоцированных в губернии, отмечено, что «благонадежность офицеров, расположенного в Царицыне 226 резервного Бобруйского полка не замечены ни в чем предосудительном в политическом и нравственном отношениях». В то же время в поле зрения жандармов попали нижние чины батальона, которых «завлекали в чайные и трактиры, причем в одном случае установлено, что обвиняемый Степан Трусилов уговаривал унтер-офицера 226 полка в случае беспорядков “не обижать их”»¹. В обзоре также отдельно названа положительная тенденция в воинской части «в отношении дисциплины с прибытием нового командира полка подполковника Усольцева замечено улучшение»².

Ситуация в учебных заведениях также как и с местными органами печати (подцензурными – цензор директор местной гимназии), библиотеками и читальнями в 1903 г. серьезных опасений у жандармов не вызывала, и по их информации никто из лиц учебного ведомства, или и из учащихся не был замечен в политической неблагонадежности. Однако ротмистр Жирнов особо подчеркнул: «крайне нежелательно, чтобы такие лица как бывшие студенты Николай Степанович Самбикин и Петр Васильевич Гвоздев и их близкий товарищ, живущий вместе с Самбикиным Сергей Павлович Иванов давали уроки учащимся. Самбикин кроме политической неблагонадежности человек крайне безнравственный, имеет у себя массу нецензурных фотографий, переписывается с гимназистками и выписывает из разных фирм секретные резиновые изделия, а между тем к нему постоянно ходят гимназистки и гимназисты»³.

Наряду с этим, в отдельном разделе обзора были перечислены замеченные в политической неблагонадежности лица, выявленные по

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 5об.

² Там же.

³ Там же. Л. 6.

результатам наружного наблюдения и агентурным сведениям. Все неблагонадежные были сгруппированы по трем кружкам, к которым они относились и так обозначались в жандармской документации: а) кружок «интеллигентский» в составе 15 человек; б). кружок «мастеровых» в количестве 7 человек; в). Сарептский кружок – служащие на землечерпательном караване Владикавказской ж/д – в количестве 3 человек¹.

Политические обзоры составлялись жандармскими губернскими управлениями до 1905 г., а затем их сменили служебные донесения руководителей политической полиции губерний. Как это видно из содержания официальных донесений, руководители Саратовских органов политической полиции и в этих документах предпринимали попытки анализа причин выступлений, в частности, с началом первой русской революции. Они фиксировали влияние «неблагонадежного элемента», интеллигенции, экономические факторы, и мн. др. Об обострении общественно-политической обстановке в городе в начале 1905 г. оперативно докладывал в Департамент полиции начальник СГЖУ Д.С. Померанцев. Сразу же после начала стачечного движения он направил руководству телеграмму, а через несколько дней представил в своем донесении полный и детальный отчет об этих событиях. В частности, на основе собранной информации, он определил, что инициатором в организации забастовок стал «политически неблагонадежный элемент саратовского общества. Лица этой категории, как ближайшим толчком, воспользовались правительственным сообщением о несчастном событии, имевшем место 9-го сего января в С.-Петербурге»², – отмечал Померанцев.

Характеризуя бурную и напористую агитационно-пропагандистскую деятельность радикальных партий в период вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г., начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Н.Д. Федоров в донесении в Департамент полиции отметил одну особенность

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 6-7.

² Там же. Д. 31. Л. 115.

пропагандистской работы революционеров в эти дни. Жандармы выяснили, что для подъема духа среди забастовщиков и провоцирования их на более решительные действия агитаторами распространялись ложная информация о том, что в Москве «войска перешли-де на сторону народа, что на колокольне Ивана Великого развивается красный флаг, и что в Москве действует уже “временное правительство”, а правительственные власти арестованы»¹.

Эти материалы наглядно иллюстрируют тот факт, что Саратовская губерния, особенно ее центр, стала одним из очагов наиболее острых и массовых антиправительственных выступлений, ярко демонстрируя мощный региональный отклик на события Первой русской революции. российская революция, начавшись в столице, очень быстро распространялась по отдельным регионам страны. Заметной остротой и масштабностью антиправительственных выступлений в 1905-1906 гг. отличалось Поволжье, и, в частности, Саратовская губерния. В этот период донесения и обзоры политической полиции (ГЖУ и охранного отделения), основанные на тщательно собранных и подробных агентурных сведениях, материалах слежки за неблагонадежными лицами и перлюстрации корреспонденции подпольщиков, представляют собой важный блок документов, характеризующих революционную деятельность.

Однако, признавая уникальную информационную насыщенность жандармской обзорно-отчетной документации, необходимо их критическое осмысление, так как формально-деловой характер обзоров и донесений, их предназначение как отчетов перед вышестоящим начальством и охранительная функция самой политической полиции неизбежно накладывают отпечаток на их содержание. Это, в частности, проявляется в определенной тенденциозности интерпретаций (например, объяснение причин погрома преимущественно как реакции на «антигосударственные» речи революционеров), использовании специфической лексики

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 11.

(«злонамеренные лица», «преступные сообщества») и стремлении представить действия властей в благоприятном свете. Таким образом, несмотря на присущие им ограничения и субъективность, отчетные материалы саратовской жандармерии остаются незаменимым источником для понимания как механизмов работы имперской политической полиции на местах, так и специфики революционного процесса в российской провинции накануне и в годы первой русской революции.

Исследование обзорных и отчетных документов политической полиции позволяет выделить своеобразный стиль предоставления информации и аналитический характер документов. Следует согласиться с П.А. Новоселовым в том, что «“Политические обзоры” не являлись сугубо формализованным и скучным на эмоциональные окраски описанием той или иной сферы. Жандармские офицеры, анализируя ситуацию и составляя отчетные документы, зачастую приводили свои личные умозаключения и суждения, не предусмотренные правилами формализации подобных документов. Допущение подобной вольности, с одной стороны, давало возможность жандармскому руководству более живо взглянуть на ситуацию глазами ее очевидцев, а с другой – повышало риск субъективизации оценок происходящего и искажения истинной картины событий»¹.

Информационно-аналитическая деятельность политической полиции Российской империи, в частности Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) и охранного отделения, являлась не просто вспомогательной функцией, а необходимым условием обеспечения государственной безопасности. Сбор, обобщение и анализ сведений об общественно-политической ситуации позволяли не только оперативно реагировать на революционные выступления, но и выстраивать систему профилактики политических рисков.

¹ Новоселов П.А. Указ. соч. С. 114.

Основу этой работы составляли различные виды служебной документации: от полугодовых донесений и ежегодных отчётов до детальных обзоров политической благонадёжности всех слоёв населения. Особое место среди них занимали политические обзоры губерний, представлявшие собой комплексные аналитические документы. Они содержали информацию о настроениях крестьян, рабочих, интеллигенции, чиновников, военнослужащих и учащихся, а также о деятельности земств, учебных заведений, местной печати и даже о бытовых нарушениях полиции.

Широта охвата информации органами политической полиции впечатляющая: в поле зрения жандармов попадали не только явные революционные организации и их лидеры, но и случаи недорода хлеба, падежа скота, несчастные случаи на заводах, заграничные поездки, а также факты халатности и коррупции в органах общей полиции и земствах. Такой всеобъемлющий подход позволял политической полиции видеть полную картину социального недовольства, выявлять его скрытые причины и, там, где это возможно, принимать превентивные меры.

С другой стороны, исследованные документы позволяют реконструировать хронику революционных событий, структуру и тактику подпольных организаций (эсеров, социал-демократов), а также повседневную практику жандармского надзора (слежку, перлюстрацию, агентурную работу). Вместе с тем, как показывают цитируемые политические обзоры, жандармские оценки часто были идеологизированными (акцент на «верноподданнических чувствах» большинства), но при этом содержали и критический взгляд на недостатки местной администрации, что говорит о стремлении к объективности в рамках служебных задач.

Таким образом, деятельность политической полиции Российской империи в информационно-аналитической сфере была системной, многоуровневой и результативной. Масштабная работа жандармских учреждений губернии по сбору, обобщению и анализу разносторонней социально-политической информации способствовала выработке и принятия

ими решений, а также помогала в выборе приемов и методов противоборства с революционным движением.

2.2 Организация политического сыска в губернии

В процессе политического сыска, как одного из важнейших видов работы жандармских органов, использовались указанные в предыдущей главе основные методы работы – внутреннее наблюдение (секретная агентура), наружное наблюдение (филерская служба), провокация и перлюстрация корреспонденции. Следует согласиться с выводом М.В. Чурсиной в том, что на рубеже XIX-XX вв. «Стоящие задачи помогала решать перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение, совершенствование методов вербовки агентуры, задействование полицейских приёмов в работе – арестов, обысков и допросов»¹.

Каждый из методов политического сыска имел свою специфику и результативность. К внутреннему наблюдению – агентурной работе по-разному относились в жандармских управлениях и в охранных отделениях. «ГЖУ, которые по своему служебному долгу обязаны были работать с секретной агентурой, часто пренебрегали этой работой, – отмечает З.И. Перегудова. – Офицеры ГЖУ больше уделяли внимание «производству дознаний», «производству переписок», и без особого желания относились к работе с секретной агентурой, смотрели на эту работу свысока, с пренебрежением. У некоторых офицеров не хватало не только желания, но не было и достаточного опыта»².

В то время, как для охранных отделений агентурная работа являлась одним из ключевых методов сыска. Агентурный отдел внутреннего

¹ Чурсина М.В. Методы политического сыска, применяемые офицерами Отдельного корпуса жандармов по защите государственного строя Российской империи в XIX веке // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 4 (45). С. 34.

² Перегудова З.И. Указ. соч. С. 211.

наблюдения считался главным подразделением охранного отделения. Секретные агенты (информаторы) работали под руководством жандармских офицеров или штатских чиновников из Департамента полиции, охранных отделений или Заграничной агентуры. Оценивая значимость секретной агентуры в борьбе с революционными организациями А.И. Спиридович подчеркивал: «успехи по преследованию революционеров были достигнуты <...> через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов. [Они] назывались у политической полиции “сотрудниками”, у своих же шли под именем “провокаторов”»¹.

В целях повышения эффективности работы секретных агентов и оценки их вклада в борьбу с подпольными организациями, всех сотрудников этой службы разделили на 3 категории:

«1. Агенты – лица, непосредственно входящие в какие-либо преступные организации или косвенно осведомленные о внутренней деятельности хотя бы даже отдельных членов организации.

2. Вспомогательные агенты – лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии.

3. Штучники – лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое свое показание на то или иное революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества»².

В связи с ростом революционной активности, начиная с лета 1906 г. Департамент полиции регулярно направлял в местные органы политической полиции циркуляры, в которых настоятельно рекомендовалось вербовать агентов внутри практически всех социальных групп губернии, хоть сколько-

¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1990. С. 43.

² Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения // Из глубины времен. 1992. № 1. С. 75.

нибудь подверженных революционной агитации. Так, 1 июля 1906 г. жандармскому ротмистру Дурново в Царицыне, подполковнику Козлову в Вольск и ротмистру Куприянову в Балашов был направлен циркуляр, в котором прямо указывается: «Примите все меры, проявив энергию, немедленному приобретению полезных секретных сотрудников, особенно в войсках и среди крестьян. Действуйте ныне активно. Соц-революционеры, аграрные и ж/д агитаторы немедленно должны быть арестованы, возникновение новых организаций недопустимо»¹.

Вместе с тем, в организации и проведении внутреннего наблюдения были серьезные проблемы. Подчас, не сумев собрать необходимые для политического сыска сведения путем агентурной работы, руководители охранных отделений подменяли их полученной позднее в результате обысков или арестов революционеров информацией. Начальник Саратовского охранного отделения (далее – СОО) А.П. Мартынов приводил пример, как подобный «сбор» агентурных сведений мог происходить в некоторых случаях. «Пользуясь материалом, получаемым по обыскам, начальник розыскного учреждения мог совершенно безнаказанно уверять Департамент полиции, что заключенные в них данные были ему известны заблаговременно из агентурных источников»², – отмечал он.

Однако, в целом, оценивая эффективность и востребованность такого метода борьбы политической полиции с революционным движением, как использование секретных агентов, следует констатировать, что накануне и в годы первой русской революции агентурная деятельность достигла наивысшего уровня результативности. Следует согласиться с выводом Е.А. Гончаровой о том, что «Понимание необходимости широкого использования секретных сотрудников и закрепление этого в инструкциях и циркулярах позволило поднять эффективность борьбы охранки с

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9, 1906 г. Д. 160. Л. 190.

² *Мартынов А.П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 195.

революционным движением на небывалую высоту»¹.

Непосредственно с деятельностью секретной агентуры нередко обозначается и увязывается проблема провокаторства. В научной литературе до сих пор нет консолидированного мнения по поводу провокации, как инструмента политического сыска, так как этот вопрос принял полемический характер, о чем свидетельствует широкий разброс мнений. При этом наряду с анализом технико-юридической стороны полицейской провокации неизменно обсуждается морально-этическая сторона этого явления. Варфоломеев: «Строго однозначной трактовки понятие «провокация» никогда не имело, – отмечает Ю.В. Варфоломеев. – В Российской империи в к. XIX-н. XX вв. под провокацией в узком, полицейском смысле понимались подстрекательские действия, исходившие от конкретных сотрудников политической полиции (охранки), которые одновременно с этим входили в ряды оппозиционных движений»².

Проблема использования органами политической полиции провокации, как средства борьбы с революционным движением приняла в позднеимперский период настолько острый характер, что в 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия (далее – ЧСК), учрежденная Временным правительством, специально занялась расследованием полицейской провокации, существовавшей при царском режиме. «Принимая во внимание правовые и моральные аспекты, а также специфику деятельности охранных служб становится понятным, почему Комиссия очень большое значение придавала расследованию вопроса о провокациях»³, – отмечает Ю.В. Варфоломеев.

¹ Гончарова Е.А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904-1914 годах: На материалах Саратовской губернии. Саратов, 2006. С. 44.

² Варфоломеев Ю.В. «Хартия вольностей Департамента полиции...» (полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. Серия История. Международные отношения. Т. 9. Вып. 2. С. 18.

³ Варфоломеев Ю.В. Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007. С. 346.

На допросе в ЧСК бывший директор Департамента полиции М.И. Трусевич пояснил: «Провокация понимается, например, много и вообще чинами, прикосновенными к розыскной деятельности, совершенно не так, как она понимается в общежитии. У нас различались понятия сотрудничества и провокации. Сотрудник это есть лицо, осведомленное и доставляющее сведения о том, что ему известно... А провокация – это есть уже проявление инициативы агента в деле преступления»¹. Данная позиция Трусевича подтверждалась и подписанным им в 1907 г. документом – Циркуляре № 125449, в котором он разъяснял начальникам охранных отделений, что следует понимать под «провокацией» – это случаи, когда секретные агенты пытались «сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли, или даже совершенно неповинных»². Свое мнение по этому вопросу высказал и бывший командир Отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлов: «Под словом “провокация” нельзя понимать необходимость осведомленности о готовящемся преступлении, а нужно раз навсегда установить, что провокация – есть организация или пособничество к преступлению в целях личного успеха и выслуги перед начальством»³.

Оценивая показания бывших руководителей жандармских органов Российской империи на допросах в ЧСК, С.Н. Жаров делает вывод: «Провокация есть лишь то, что не санкционировано охранкой, а предпринято агентом самостоятельно. Несомненно, что к такому определению необходимо относиться с осторожностью, поскольку оно дано во время допросов, и бывшему руководителю охраны надо было думать не только о точности дефиниций, но и о завтрашнем дне»⁴.

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 3. М., Л., 1925. С. 211-212.

² Жаров С.Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2001. № 5. С. 190.

³ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 120.

⁴ Жаров С.Н. Указ. соч. С. 190.

На неоднозначный характер показаний подследственных и выводов ЧСК, обратил внимание и Ю.В. Варфоломеев. По его мнению «для получения беспристрастных и объективных результатов в разоблачении системы провокации в России, и для привлечения виновных к ответственности, Комиссия должна была провести комплексное расследование как полицейской, так и “партийно-революционной” провокаторской деятельности одновременно, не делая ни для той, ни для другой стороны исключений. Иными словами, необходимо было исследовать две стороны одной “медали” провокации»¹.

Еще дореволюционные правоведы всесторонне изучали явление провокаторства. Так, известный специалист в области уголовного права Н.С. Таганцев называл агентом-провокатором того, «кто возбуждал к преступлению с целью предать совершителя правосудию и подвергнуть его ответственности»². Другой его современник – адвокат И.С. Урысон предлагал различать «шпионство» (выведать у другого его преступные планы) и собственно провокационные действия. По его мнению: «Провокатор – это тот, который <...> возбуждает в другом самую решимость совершить преступление: провокатор, в отличие от шпиона, <...> выступает в активной роли, возбуждает, подстрекает, словом, вызывает, провоцирует учинение преступного деяния с тем, чтобы в наиболее удобный момент предать спровоцированную жертву властям»³. Характерный признак провокаторства – «побуждать» к преступным действиям подтверждает еще один юрист той эпохи В.Н. Новиков: «с точки зрения русской практики нужно считать всякого, кто побуждает другого к совершению преступного деяния с целью предания его в руки властей для наказания, но желает при этом допустить

¹ Варфоломеев Ю.В. «Хартия вольностей Департамента полиции...» ... С. 23.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 348.

³ Урысон И.С. Агент-провокатор по действующему уголовному праву // Право. 1907. № 32. Стб. 2123.

развитие преступной деятельности провоцируемого не далее покушения»¹.

Современный исследователь С.Н. Жаров увидел в представленных трактовках два разных явления: «Справочные издания дают определения одного из методов политической борьбы государства с революционерами, юристы же пишут об уголовно наказуемом подстрекательстве к совершению преступления лиц, которые ранее и не помышляли заниматься преступной деятельностью. Революционеры и с их подачи обыватели называли провокаторами всех без исключения секретных сотрудников. Таким образом произошло смешение понятий, в результате чего термин “провокация” приобрел негативную эмоциональную окраску»². Аналогичного взгляда придерживается и Л. В. Жукова, которая подчеркивает, что некоторые исследователи «Вместо четких и ясных формулировок степени законности (или незаконности) этого способа борьбы с революцией они, как правило, используют лишь предельно эмоциональные, но мало что проясняющие по сути характеристики: “грязный”, “отвратительный”, “подло-жестокый”, “растление изнутри”, “ядовитый цветок” и прочее»³. С тем, что понятие «провокация» в отношении действий политической полиции в борьбе с революционным движением и среди противников царского режима, и части ученых приобрело «негативную эмоциональную окраску», а впоследствии и идеологически ангажированную, трудно не согласиться.

В свою очередь А.Ф. Возный предложил различать работу «тайного политического агента, проникшего в революционную организацию для того, чтобы осведомлять полицию, выдавать членов организации» с провокатором, «который своими действиями побуждает, подстрекает революционеров к невыгодным для них действиям с целью их разоблачения и ареста»⁴. В этом

¹ Новиков В.Н. Ответственность провокатора по уголовному уложению // Право. 1909. № 18. Стб. 1125.

² Жаров С.Н. Указ. соч. С. 197.

³ Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестник Московского университета. 1996. № 2. Серия 8. С. 30.

⁴ Возный А.Ф. Об ответственности за провокацию преступления // Сборник статей адъюнктов и соискателей ВШ МВД СССР. М., 1967. С. 98.

отношении аресты действительно являлись завершающей фазой выведения из подполья и ареста революционеров. В частности, «в качестве эффективной меры применялись предупреждающие аресты перед памятными датами»¹, – отмечает Е.Е. Гладышева. Наряду с этим провокаторы могли способствовать возбуждению ссор и распрей между революционными группами, путем распространения ложных слухов, дискредитации тех или иных действий революционеров. Подобные приемы рекомендовались в циркулярах и инструкциях политической полиции.

В связи с этим возникает вопрос – являлась ли провокация отдельным и самостоятельным методом политического сыска, или только тактическим приемом жандармов, который они применяли в определенных ситуациях? Например, Е.А. Гончарова подчеркивает, что необходимо «объективно оценивать проблему провокаторства как метода агентурной деятельности политического сыска»². Другими словами, она считает провокацию методом агентурной работы, а не в целом политического сыска.

Другой исследователь – Ю.Ф. Овченко еще точнее определяет место провокации в деятельности жандармских органов: «В работе политической полиции России провокация из оперативно-тактического приема не переросла в метод, хотя ее удельный вес в работе полиции значительно возрастал в периоды подъема революционного движения»³.

Одним из примеров использования провокации саратовскими жандармами связан с легендарный провокатор Евно Азефом. Саратов, как и большинство провинциальных городов России, не был в стороне от столичных политических интриг. Наиболее заметный след в работе местного политического сыска оставил один из лидеров партии эсеров и создатель «Боевой организации» Е. Азеф, который курировал Поволжье. Хотя его

¹ Гладышева Е.Е. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 8.

³ Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1(9). С. 44.

основная работа кипела в Петербурге и за границей, нити его провокаций дотягивались и до Саратова. Именно через структуры, контролируемые Азефом, в Саратове была сорвана подготовка ряда террористических актов. Начальник Саратовской охраны ротмистр Мартынов в целях конспирации и избавления его внутренней агентуры в рядах эсеров от подозрений, решил, базируясь на провале Азефа, ликвидировать главным образом тех приезжих эсеровских пропагандистов, которых мог знать он. «Поэтому, с целью выставить в глазах арестованных лидеров неосведомлённость местного розыскного аппарата, я не тронул трёх лиц: Левченко, Кочеткову и моего сотрудника “Николаева”»¹. Расчет Мартынова был на то, что, арестованные немедленно после своего ареста должны были искать причину своего провала, и поэтому начальник Саратовской охраны искусно подвел ход их размышлений к тому, что это дело рук Азефа.

Одновременно с успешной реализацией этой комбинации ротмистр Мартынов произвел обыски у прибывшего в Саратов видного эсеровского функционера О.С. Минора. «У Минора были обнаружены налаженная подпольная типография и масса заготовленного к отправке, только что оттиснутого первого номера специальной газеты, издания Поволжского областного комитета Партии социалистов-революционеров; а также револьверы, бомбы, печати этого комитета, переписка и конспиративные адреса по Поволжью – словом, вся канцелярия и склад этого комитета»², – вспоминал Мартынов. Это был значительный успех саратовской охраны: все эсеры, попавшие в поле зрения жандармов были задержаны, и, таким образом была ликвидирована местная группа партии социалистов-революционеров.

При этом характерно, что жандармы не просто пресекали действия революционеров на стадии сбора информации – они позволяли группе «дозреть», закупить динамит и выйти на рубеж атаки, чтобы задержание выглядело как блестящий оперативный успех, а не как превентивная рутинная

¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 198.

² Там же. С. 199.

работа. Арест с поличным после провокации давал, с одной стороны, гарантированный обвинительный приговор, а с другой – способствовал жандармским офицерам продвижению по службе.

Еще одна успешная жандармская операция А.П. Мартынова с использованием приемов провокации позволила предотвратить локальный террористический акт в Саратовской губернии. Начальник СОО получил от своего агента информацию о том, что приехавшему в Саратов из Аткарского уезда члену местной эсеровской организации, постановившей убить Аткарского исправника, был выдан из партийного склада браунинг. Мартынову требовалось решить сложную задачу: предотвратить готовящийся террористический акт, и при этом не провалить сотрудника, сообщившего ему эти ценные сведения. Мартынов, обдумывая разные варианты, выбрал, как он выразился, «уголовный» путь, а точнее провокацию, внешне выглядевшую, как ограбление эсеровского террориста. С этой целью ротмистр Мартынов выбрал «четырёх наиболее мускулистых филеров»¹, которые должны были выследить приезжего и разыграть сцену его ограбления, который «был одет недурно для своего класса, в пальто и накинутую поверх него просторную меховую шубу. Было тогда очень холодно и, очевидно, его снабдили шубой для поездки по деревенским снегам и морозам»².

Филеры, изображая местных жуликов, напали в пустынном месте на приезжего, отобрали шубу, бумажник с 200 рублями партийных денег, и, конечно, браунинг. Итог этой операции: склад оружия саратовской организации партии эсеров уменьшился на один револьвер и в нём оставался ещё только один браунинг; партийная касса пострадала на двести рублей, отображенные от приезжего. Пострадавший, после инцидента, без шубы, денег и револьвера, с трудом добрался до своего места жительства, а когда поведал членам своей организации обо всём приключившемся, ему немедленно высказали недоверие и исключили из партийной организации. Таким образом

¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 200.

² Там же.

ротмистр Мартынов успешно предотвратил террористический акт, и при этом никто – ни сам объект покушения – Аткарский исправник, ни эсеровские заговорщики не узнали о «неконституционном» приёме, который использовал Мартынов при проведении этой операции.

Наиболее ярко технология провокации проявилась в борьбе с так называемыми «экспроприациями» (ограблениями на партийные нужды). В 1906–1907 годах Саратовская губерния была охвачена волной нападений на почтовые отделения и кассы компаний волжского пароходства. Жандармские офицеры часто действовали по следующей схеме: завербованный секретный сотрудник, или, как его называли, «штучник», сам инициировал среди анархистов или эсеров-максималистов идею ограбления. Он предоставлял им адрес «верной» явочной квартиры, которая к тому времени уже находилась под наблюдением, помогал достать оружие (специально помеченное или неисправное) и даже помогал составить план операции. Когда «боевики» выходили на «дело», жандармы уже сидели в засаде и успешно проводили задержание. На суде секретный сотрудник выступал главным свидетелем обвинения. Подобная практика провоцирования революционеров на преступные действия позволяла руководству Саратовского ГЖУ выявлять и ликвидировать подобные банды экспроприаторов.

При этом саратовский политический сыск славился так называемой «школой Фёдорова» (по имени начальника СОО в 1904-1906 гг. штабс-ротмистра Н.Д. Фёдорова). Согласно этой тактики, жандармы пришли к выводу, что идейного революционера проще не запрещать, а возглавить. Внедрённым агентам давалась установка занимать максимально радикальные позиции внутри революционной организации. Эта технология называлась «искусственная радикализация». Если в рабочем кружке начинались умеренные разговоры о кассах взаимопомощи, провокатор кричал о немедленном терроре против губернатора. Тех, кто поддерживал его, связывали круговой порукой преступления, а тех, кто колебался, затем

отсеивали как «малодушную интеллигенцию», но уже держали «на карандаше» для будущих жандармских разработок.

Использование провокации саратовскими жандармами накануне и в годы Первой русской революции принесло политической полиции определенные тактические выгоды: были обезглавлены или полностью ликвидированы десятки подпольных кружков, однако полностью нейтрализовать революционную деятельность антиправительственных сил так и не удалось, а использование приемов провокации дискредитировало в глазах общественности жандармские органы и подрывало доверие к царской власти.

Проведённый анализ показывает, что агентурная деятельность являлась ключевым методом политического сыска в Российской империи, особенно в период революционного подъёма начала XX века. Использование секретных сотрудников, вербуемых внутри революционных организаций, позволяло охранным отделениям эффективно выявлять и пресекать противоправную деятельность. Вместе с тем, именно с агентурной работой неразрывно связана проблема провокаторства, которая была и остается одной из самых дискутируемых в научной литературе.

Во-первых, необходимо подчеркнуть размытость и двоякость понятия «провокация». В официальных документах Департамента полиции и показаниях бывших руководителей жандармерии под провокацией понималась прежде всего несанкционированная инициатива агента по созданию преступного деяния с целью личной выслуги. В общественном же и революционном дискурсе провокаторами называли всех без исключения секретных сотрудников, что привело к смешению понятий и приобретению термином резко негативной эмоциональной и идеологической окраски.

Во-вторых, следует четко разграничивать понятия «сотрудничества» и «провокации», т.е. необходимо отделять метод внутреннего наблюдения («шпионство», сбор сведений, осведомление) от подстрекательства к совершению преступления с целью последующего разоблачения и ареста революционной группы. Именно активное побуждение к преступным

действиям, по нашему мнению, и является сущностным признаком провокации.

В-третьих, следует признать, что провокация так и не переросла в самостоятельный метод политического розыска, оставаясь оперативно-тактическим приёмом, удельный вес которого возрастал в периоды пика революционной активности. Это отличает провокацию от системной агентурной работы, которая являлась основой сыска.

Таким образом, проблема провокации в деятельности охранных отделений остаётся сложным историко-правовым феноменом, требующим взвешенного, деидеологизированного подхода. Эффективность агентурной работы не вызывает сомнений, однако вопрос о морально-этической и юридической допустимости использования провокационных методов до сих пор сохраняет полемический характер.

В Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры утверждалось, что «главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная агентура»¹. Однако, несмотря на это, во многом, справедливое утверждение, внутренне наблюдение, основанное на работе секретной агентуры, было не единственным в арсенале средств политического сыска. Ещё одним из распространенных и часто использовавшихся жандармскими органами методом работы являлось наружное наблюдение, или как его еще называли, филерство, заключавшееся в использовании агентов (филеров) для слежки за подозреваемыми лицами, фиксации перемещений объектов наблюдения.

Накануне первой русской революции в условиях обострения общественно-политической ситуации в стране и роста антиправительственных организаций Департамент полиции ввел в действие «Инструкцию филерам “Летучего отряда” и филерам розыскных охранных

¹ Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения // Из глубины времен. 1992. № 1. С. 74.

отделений»¹.

С появлением охранного отделения в 1902 г. для организации филерской службы в Саратов было командировано 7 унтер-офицеров. Однако, в течении февраля- марта следующего года из были уволены со службы 6 человек². К 1907 г. ситуация заметно улучшилась и в Саратовском охранном отделении трудились уже 15 штатных филеров³, а также несколько нештатных сотрудников. «Такие нововведения, при заметном расширении штата филеров, не могли не сказаться на качестве работы службы наружного наблюдения, которое, безусловно, повысилось, – констатирует Е.А. Гончарова, и при этом справедливо уточняет. – Но до конца кадровые проблемы решены не были»⁴.

Действительно, проблема нехватки опытных филеров хорошо прослеживается в переписке Департамента полиции с местными жандармскими органами. Решением данного вопроса занимались на местах многие руководители политической полиции, но зачастую они не могли ни договориться со своими коллегами, или навести маломальский даже решить текущие проблемы в своем отделении. Как видно из переписки начальника Саратовского охранного отделения с начальником Самарского ГЖУ М.П. Бобровым в январе 1907 г., существовала проблема комплектования штата филеров Саратовского охранного отделения. Их количество было крайне недостаточно, и поэтому ротмистр А.П. Мартынов отклонял все просьбы полковника Боброва (бывшего начальником Саратовского ОО еще до ротмистра Федорова) по поводу перевода хотя бы одного опытного саратовского филера на службу во вновь созданное Самарское районное охранное отделение, куда входило и Саратовское ОО⁵.

В основе работы филеров лежало негласное наблюдение, т.е. тайное слежение за подозреваемыми, их окружением, а также за местами массового

¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 420-421.

² ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1902. Д. 239. Л. 18.

³ Там же. Л. 177.

⁴ Гончарова Е.А. Указ. соч. С. 55.

⁵ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. 1907 г. Д. 97. Л. 4, 12, 19.

скопления людей (митинги, демонстрации, порты, вокзалы и т. д.). Организация и деятельность филерской службы регламентировалась специальным документом – «Инструкция по наружному наблюдению»¹ 1902 года, которая с учетом опыта работы в годы первой русской революции была переработана и дополнена, и в итоге представляла новую более объемную инструкцию², утвержденную в 1907 г. председателем Совета министров и министром внутренних дел П.А. Столыпиным.

Функциональные обязанности филера были детально прописаны в обновленной Инструкции 1907 г. В частности, в § 10 было указано, что «наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Поэтому недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних»³, а в § 14 этого документа некоторые обязанности филера уточняются до мелочей: «При посещении наблюдаемых домов следует указывать, помимо улиц, еще и номер владения, и фамилию владельца, если нет №, а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, балкон и т. под.)»⁴.

Судя по требованиям, предъявлявшийся к агенту наружного наблюдения, он должен был обладать самыми разносторонними навыками и способностями. «Необходимо было запоминать все очень точно, заносить увиденное в свой дневник, отмечать места встреч, адреса, описание внешнего вида и примет каждого человека, с которым встречается наблюдаемый, при этом обязательным было указание точного времени и места происходивших событий»⁵, – уточнял В.Б. Жилинский. «В целом служба филера была очень

¹ Департамент полиции. Инструкция № 245 по организации наружного (филерского) наблюдения. Б.м., [190-?].

² Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 120–140.

³ Там же. С. 120.

⁴ Агентурная работа политической полиции...

⁵ Жилинский В. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти // Труды комиссии по разработке политических архивов Москвы. М., 1918. Вып. II. С. 11.

сложной. Каждый день он переносил тяжелые физические нагрузки, – справедливо отмечает Е.А. Гончарова. – В любую погоду он неотрывно следовал за наблюдаемым, должен был по многу часов выстаивать в ожидании появления объекта слежки, преодолевать неопределенные расстояния за наблюдаемым и при всем при этом всегда быть бдительным и незаметным, следуя заповедям “медниковской школы”»¹.

Следует подчеркнуть, что Департамент полиции уделял внимание и профессиональной подготовке и повышению уровня квалификации агентов наружного наблюдения. Так, 5 июля 1907 г. во все в охранные отделения, в том числе, и в Саратовское, были разосланы письменный запрос, в котором было предложение об организации обучающих курсов с целью улучшения подготовки филеров. Начальнику охранного отделения предлагалось сообщить «из своей практики наиболее выдающиеся эпизоды <...> дайте совет, как, по-вашему, должно быть поставлено дело обучения филеров»². На наш взгляд таким образом Департамент полиции стремился привлечь к этой проблеме внимание, а также найти заинтересованность и найти поддержку среди губернских руководителей политического сыска в деле профессиональной подготовки филеров.

Проблема укомплектования филерской службы существовала на всем протяжении деятельности ее деятельности. В § 5 Инструкции особо подчеркивалась необходимость тщательного отбора сотрудников для наружного наблюдения. В том случае если жандармскими органами было подобрано несколько претендентов, то согласно § 4 Инструкции в охранные отделение приглашали священника, который приводил их к присяге на верность службе³. В связи с высокой ответственностью и сложностью филерских функций агентов брали на службу с испытательным сроком, и даже

¹ Гончарова Е.А. Указ. соч. С. 57.

² ГАСО. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

³ Департамент полиции. Инструкция № 245 по организации наружного (филерского) наблюдения.

жалованье назначали не сразу, а оплачивали работу только по факту получения от него необходимой информации. В итоге только после того, как начальник охранного отделения удостоверится в профессиональных качествах претендента на должность филера, последнему назначалось положенное месячное жалованье¹.

Бывали случаи, когда стажера-филера увольняли по причине неблагонадежности. После того, как начальник СГЖУ получил письмо от своего коллеги из Одесского жандармского управления «об увольнении со службы наблюдательного агента запасного унтер-офицера Е.А. Сотникова за неодобрительное поведение и вредное влияние на своих товарищей»², он отстранил от исполнения филерских обязанностей скомпрометировавшего себя Сотникова.

Еще одной проблемой службы наружного наблюдения была нехватка кадров. Требования к особым навыкам и способностям филера, а также тщательный отбор агентов не позволяли начальникам охранных отделений полностью укомплектовывать штат этого отдела. Нередко руководители охранки обращались за помощью к своим коллегам из охранных отделений других губерний, но переводы агентов в этом случае были, как правило, временные, и фактически являлись командировками. Подобная ротация кадров наружного наблюдения регулировалась Департаментом полиции. Приведем пример одного характерного случая. В письме директора ДП от 5 сентября 1904 г. начальнику Саратовского охранного отделения была заявлена необходимость отправки в Одессу двух филеров, знающих наибольшее число наблюдаемых. На основании этого из Саратова в Одессу были направлены два опытных филера – П. Гудушин и М. Федоров, которые после выполнения возложенной на них миссии, вернулись вновь к месту постоянной службы³.

¹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. 1906. Д. 188. Л. 28.

² ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1905. Д. 2. Т. 1. Л. 21.

³ Там же. Л. 33-36.

В арсенале средств политического сыска был также весьма неоднозначный с правовой точки зрения и по ряду причин морально предосудительный метод – перлюстрация. Однако этот с виду неприметный, закрытый от посторонних глаз метод позволял жандармам решать серьезные задачи и достигать существенных результатов. Анализируя эволюцию методов политического сыска, применявшихся местными жандармскими органами Российской империи в конце XIX - начале XX веков, С.Ю. Плужников отмечает: «В начале XX в. в системе источников получения информации органами политического сыска на передний план выходит внутренняя (секретная) агентура. Наружное наблюдение утрачивает свое самостоятельное значение и применяется лишь как вспомогательное средство, позволяющее проверять и дополнять агентурные сведения. Активизируется деятельность органов, занимавшихся перлюстрацией»¹. С наблюдением автора по поводу активизации перлюстрационной деятельности в исследуемый период следует согласиться, однако его вывод об утрате самостоятельного значения филерской службы, и даже нивелирования ее до вспомогательного значения, подтверждения по материалам Саратовского охранного отделения не находит.

В связи с активизацией революционной пропаганды радикальных партий в начале XX в. существенно возросли потоки пересылаемой запрещенной литературы, и не только по тайным каналам, но и по почте императорской России. Пересылка почтовыми отправлениями нелегальной литературы (прокламаций, листовок, газет и брошюр) значительно прибавила работы отделам перлюстрации. Выявление запрещенной корреспонденции стало одним из важнейших методов сыска не только определения масштабов и каналов распространения революционной литературы эсеров, эсдеков и др.

¹ Плужников С.Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX–начале XX веков: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 17.

запрещенных организаций, но и определения места жительства самих партийных функционеров по адресам доставки писем, посылок и бандеролей.

Только за июнь 1905 г., как это видно из донесения начальника Саратовского охранного отделения в Департамент полиции, путем перлюстрации было выявлено 23 письма и бандероли, в которых находились «революционные издания, присланные из-за границы»¹. При этом прилагался список, состоявший из семи наименований – каждого по несколько экземпляров эсеровской «Революционной России», большевистской «Искры», армянских революционных изданий журнал «Гончак» и «Абыкаш», и др.².

Ежемесячные отчеты с подобными списками отсылались в Департамент полиции из местных охранных отделений с тем, чтобы центральный аппарат политического сыска смог обобщить и проанализировать, поступавшую с мест информацию о путях распространения, количестве и перечне запрещенных изданий. Таким образом складывалась общая картина географии и содержания революционной пропаганды по всем губерниям Российской империи. Так, например, в августе 1905 г. в Департамент полиции начальник Саратовского охранного отделения Н.Д. Федоров направил очередной отчет, в котором перечислялись 50 экземпляров запрещенных изданий, выявленных перлюстрацией. В этом же отчете наряду с уже известной и часто встречающейся нелегальной литературой упоминался и журнал «Varpas»³⁴.

Письма, содержавшие свидетельства об антиправительственном настрое и революционной деятельности адресата изымались из почтовой корреспонденции только в исключительных случаях, когда это было необходимо для проведения дознания и судебного следствия. Такая предусмотрительность и закрытость работы жандармов позволяла

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1905. Д. 2. Т. II. Л. 1.

² Там же. Д. 4а. Л. 1.

³ «Варпас» (лит. *Varpas* – «Колокол») – ежемесячный журнал литовских националистов и социалистов. Основан варшавским обществом литовских студентов «Литва» в 1900 г.

⁴ ГАСО. Ф. 57 Оп. 1. 1905. Д. 4а. Л. 54.

отслеживать и в нужный момент пресекать разветвленные цепочки революционных контактов, а также не допустить рассекречивания перлюстрации.

Из текстов, обнаруженных в процессе перлюстрации подозрительных писем жандармы делали выписки, отслеживали адреса отправителей и получателей, а затем, за установленными таким образом неблагонадежными лицами, осуществлялось негласное наблюдение. Вся переписка по отслеживанию пересылки выявленной корреспонденции через почтовые пункты страны шла между соответствующими местными охранными отделения по всей империи. Благодаря этому, например, в 1905 г. были раскрыты контакты саратовских и харьковских эсеров. По этому поводу состоялась переписка начальника Саратовского охранного отделения ротмистра Н.Д. Федорова и его харьковского коллеги М.П. Антонова. В итоге руководители местных охранных отделений определили антиправительственный характер переписки и криминальные связи Е.А. Звягинцева с харьковскими эсерами¹.

Следует согласиться с Е.А. Гончаровой в том, что на данный момент вопрос взаимоотношения местных розыскных учреждений по делу перлюстрации недостаточно изучен. Однако по ее наблюдению эти деловые контакты проявлялась в самых неожиданных формах, например, «в пересылке писем, написанных на языке того или иного народа России. Начальник Саратовского розыскного отделения отправил 28 июня 1905 г. такое письмо на армянском языке начальнику Тифлисского отделения с просьбой “о переводе его на русский язык и о возвращении его мне вместе с переводом в самое непродолжительное время”»². Действительно, при перлюстрации писем возникала проблема перевода писем с иностранных языков, так революционные связи охватили на тот момент национальные окраины России и много зарубежных стран. Как правило, копии подозрительных писем из

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1905. Д. 4а. Л. 51.

² Гончарова Е.А. Указ. соч. С. 72.

местных охранных отделений пересылались в Департамент полиции, так как там имелись высококлассные специалисты-переводчики. За помощью к столичным полиглотам не раз обращались начальники Саратовского охранного отделения, например, перевести письмо с еврейского языка¹.

Можно сделать вывод о том, что перлюстрация являлась одним из ключевых, хотя и юридически неоднозначных и морально сомнительных методов получения информации. В исследуемый период её роль существенно возросла в связи с активизацией революционной пропаганды и ростом объёмов нелегальной литературы, пересылаемой по почте. Благодаря перлюстрации охранные отделения получали данные о территориальных масштабах распространения революционной литературы, её количестве и перечне. Ежемесячные отчёты с мест позволяли Департаменту полиции формировать общую картину революционной пропаганды по всей стране. Материалы Саратовского охранного отделения показывают активный обмен информацией между региональными розыскными учреждениями, что позволяло раскрывать межрегиональные подпольные связи, в том числе и с боевыми террористическими группами.

Таким образом, перлюстрация в Российской империи в начале XX века была не только широко применяемым, но и высокоэффективным методом политического сыска, направленным на превентивное выявление и наблюдение за оппозиционно настроенными лицами. Несмотря на правовую и моральную спорность, этот закрытый метод позволял жандармским органам решать важные оперативные задачи. Анализ делопроизводства Саратовского охранного отделения подтверждает активизацию перлюстрации в 1905 году, однако не подтверждает тезис о полной утрате самостоятельности наружного наблюдения, что свидетельствует о сложной иерархии и взаимодополнении различных методов политического сыска в региональной практике жандармских органов.

¹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. 1911. Д. 398. Л. 6.

Подводя итог исследования политического сыска в Саратовской губернии в нач. XX в., следует сформулировать ряд выводов. Во-первых, этот вид деятельности жандармских органов носил комплексный характер и базировался на сочетании нескольких основных методов: внутреннее (агентурное) наблюдение, наружное наблюдение (филерская служба), перлюстрация корреспонденции, а также оперативно-тактический прием провокации. Именно комплексное использование этих инструментов, каждый из которых имел собственную специфику и результативность, обеспечивало решение задач по выявлению и пресечению революционной деятельности.

Во-вторых, следует отметить приоритетный метод политического сыска – агентурную работу (внутреннее наблюдение). Именно секретная агентура признавалась основой политического розыска. В условиях революционного подъема 1905–1907 гг. агентурная работа достигла наивысшей результативности (особенно после циркуляров 1906 г. о вербовке агентов в войсках, среди крестьян, рабочих).

В-третьих, определенную эволюцию в рассматриваемый период прошла служба наружного наблюдения (филерства), испытывавшая при этом кадровые трудности. Филерская служба, сформировавшаяся раньше агентурной сети, играла важную вспомогательную роль: слежка, фиксация связей, перемещений, участие в обысках и задержаниях. Несмотря на кадровые проблемы, в Саратовском охранном отделении наблюдалась положительная динамика штатного и профессионального развития службы наружного наблюдения (с 1902 по 1914 г.). В то же время практиковавшаяся по всей стране межрегиональная ротация филеров (командировки, временные переводы) не решала системных проблем наружного наблюдения.

В-четвертых, в начале XX века, в связи с активизацией революционной пропаганды и пересылкой нелегальной литературы по почте, перлюстрация, как метод политического сыска, показала свою высокую эффективность. Ее главной целью было не столько изъятие запрещенных изданий, сколько выявление политически неблагонадежных лиц, анализ настроений, раскрытие

межгубернских и зарубежных связей революционных организаций. Ежемесячные отчеты с мест позволяли Департаменту полиции формировать общую картину революционной пропаганды по всей империи. При этом материалы Саратовского охранного отделения опровергают тезис об утрате самостоятельности и значимости наружного наблюдения в этот период: перлюстрация дополняла, но не заменяла филерскую работу.

На примере Саратовской губернии видно, что в работе жандармских органов не было жесткого замещения одного метода другим. Агентурная работа являлась фундаментальной, наружное наблюдение служило для проверки и дополнения агентурных данных, а перлюстрация предоставляла самостоятельный канал получения информации. Провокация, применялась как тактический прием, применялась выборочно и преимущественно в периоды наибольшего революционного напряжения. Эта сложная иерархия методов обеспечивала относительную эффективность политического сыска.

Таким образом, политический сыск в губернии в начале XX в. Представлял собой развитую, многоуровневую систему, в которой внутренняя агентура играла ключевую, но не единственную роль. Эффективность системы обеспечивалась взаимодополнением методов (агентура, филерство, перлюстрация), несмотря на постоянные кадровые, правовые и моральные проблемы. Провокация, оставаясь наиболее противоречивым явлением, была не методом, а тактическим приемом, границы которого размывались как в официальном толковании, так и в общественном восприятии.

2.3 Контроль за благонадежностью, гласный и негласный надзор за политически неблагонадежными лицами

В рамках жандармского контроля осуществлялся надзор за политически неблагонадежными лицами. Осуществление поднадзорной деятельности за преследовало главную цель – выявление лиц, чей образ мыслей и деятельность представляли опасность для государственного строя и его официальных

представителей. Для этого использовались как гласные, так негласные методы надзора.

Гласный полицейский надзор, устанавливался за лицами, совершившими государственное преступление, но в отношении которых власти считали возможным не применять более строгие меры наказания, а ограничиться предупредительными мерами. Эта форма надзора могла учреждаться как по постановлению административных властей, так и по приговору суда, и осуществлялась совместно с органами общей полиции¹. При гласном надзоре полиция имела право входить в помещение, где проживал поднадзорных в любое время суток, провести обыск, просмотреть его корреспонденцию (если поднадзорный был лишён права непосредственного её получения), а в некоторых случаях – дать разрешения на отлучку с места жительства. Также, согласно п. 1 § 29 «Положения о гласном полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г. вся почтовая корреспонденция поднадзорных лиц перлюстрировалась, а при необходимости изымалась, начальником жандармского управления².

Негласный (секретный) надзор определялся как превентивная мера по предупреждению преступлений против государственных интересов. В отличие от гласного, негласный полицейский надзор был направлен на отслеживание и пресечение действий лица, подозреваемого в антиправительственных намерениях. В связи с отсутствием строгой правовой регламентации негласного надзора В.М. Гессен определял его «как самую неопределенную особую форму полицейского надзора»³. При этом важно отметить, что МВД при организации деятельности политической полиции различало понятия «негласный надзор» и «негласное наблюдение». «Под последним понималась исключительно розыскная мера, учреждаемая Департаментом полиции или местными властями временно с целью про верки

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 24. Л. 7.

² Там же.

³ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 44.

полученных сведений о вредной деятельности определенного лица, его связей, а также обнаружения разыскиваемых лиц, которые по имеющимся указаниям могли войти с ним в контакт»¹, – уточняет Н.И. Биюшкина.

Особенность негласного надзора заключалась в том, что поднадзорный, как правило, не знал о том, что за ним установлено наблюдение, так как надзор проводился тайно, а с 1904 г. и без участия сотрудников общей полиции. При этом поднадзорные не подвергались ограничениям в личной свободе или гражданских правах, а сам надзор продолжался до снятия подозрений или до обнаружения фактов преступления. В отношении некоторых категорий (например, бывших студентов, исключённых из учебных заведений за неоплату обучения или неодобрительное поведение) надзор мог устанавливаться без разрешения министра внутренних дел по усмотрению местной полицейской власти². Однако на практике осуществление негласного надзора наталкивалось на объективные трудности, прежде всего, кадрового характера, а именно, недостатка агентов наружного наблюдения. «Если принять во внимание, что за каждым наблюдаемым лицом требовалось поставить «наряд» в два филера, а их было всего в отделении не более 20 человек, то ясно, что Саратовское охранное отделение могло вести так называемое «наружное наблюдение» не более как за 8–9 лицами ежедневно»³, – сетовал на эту ситуацию начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Мартынов, прекрасно понимая, что в реальности надо было установить наблюдение за десятками поднадзорных.

В начале XX века в Российской империи сложилась разветвленная и отлаженная система административного надзора за лицами, уличенными или подозреваемыми в политической неблагонадежности. Одной из ее форм был гласный надзор, предполагавший открытое наблюдение за перемещениями

¹ Биюшкина Н.И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XIX в. // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 80.

² Там же. С. 82.

³ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 198.

поднадзорных. Дело № 117 «Сведения о временно пребывающих в Саратов гласноподнадзорных за 1903 год»¹ (далее – Сведения) из фонда Саратовского губернского жандармского управления (далее – СГЖУ) является типичным образцом документооборота, связанного с учетом временно прибывающих в губернию поднадзорных, и служит ценным источником для изучения практик политического контроля. Документ представляет собой опись переписки по лицам, временно прибывающим в Саратов. Он содержит сведения о восьми поднадзорных, зафиксированных в период с марта по сентябрь 1903 г. Для каждого лица в соответствии с действовавшими правилами, указаны ФИО, социальное происхождение, место прибытия, цель и сроки пребывания.

Анализ дела позволяет выделить разнообразный социальный состав поднадзорных. Среди них были и представители разночинной интеллигенции: бывший студент Московского университета Александр Шугам, бывший студент Лесного института Илья Хмелевцев, слушательница фельдшерских курсов Антонина Борисова. Мещанин Александр Румянцев, крестьянин Василий Глебов, военнослужащий – канонир Василий Троицкий, и даже католический священник – ксендз Исидор Сляко². Данный список поднадзорных лиц свидетельствует о широком социальном диапазоне политической неблагонадежности.

Наряду с этим в «Сведениях» зафиксирована обширная география перемещений поднадзорных, отражающую масштабы имперской системы политического сыска. В частности, в документе указаны пункты отправления: Красноярск, Баку, Царицын, Самара, Енисейск, Архангельск, Тамбов. В качестве целей приезда в Саратов жандармы отмечали: кратковременное проживание (ксендз Сляко), транзит за границу (крестьянин Глебов), или место временного пребывания (студент Шугам)³. Особый интерес представляет дело Александра Шугама, который был сослан в Якутскую

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1903 г. Д. 117. Л. 59.

² Там же.

³ Там же.

область за организацию политической демонстрации в Москве в 1902 году, а в 1903 году уже находился в Нижнем Новгороде и Царицыне¹, что свидетельствует о практике досрочного освобождения и высокой мобильности политических ссыльных.

Делопроизводственная техника оформления «Сведений» демонстрирует отлаженную систему учета и контроля. Во-первых, устанавливалась строгая регистрация поднадзорных лиц – они были обязаны сообщать о своем прибытии и выбытии. Во-вторых, из материалов дела прослеживается межведомственное взаимодействие – Саратовское ГЖУ координировало действия с полицейскими управлениями других губерний, на территории которых находились пункты прибытия и выбытия. В-третьих, в деле содержатся материалы о поиске скрывшихся от надзора. Так, например, в деле зафиксированы сведения о лицах, которые не были обнаружены в Саратове – Румянцев и Хмелевцев². Этот факт указывает, с одной стороны на то, что имелись случаи уклонения гласноподнадзорных от полицейского контроля, а с другой, то, что жандармские органы никого из них не упускали из виду и настойчиво продолжали поиски скрывшихся революционеров.

Проведенный анализ практики и нормативно-правовой базы, регламентировавших контрольно-надзорную деятельность губернских властей и жандармских органов подтверждает вывод Н.И. Биюшкиной о том, что «своевременно предпринятый правительством комплекс административно-правовых мероприятий по установлению тайного (негласного) надзора за лицами, признанными неблагонадежными (т.е. своими действиями устного или иного характера представляли собой как потенциальную, так и фактическую опасность существующим политико-правовыми социально-экономическим отношениям, сложившимся в Российской империи в пореформенный период), представляется адекватным, оправданным и необходимым ответным действием организационно-правового

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1903 г. Д. 117. Л. 59об.

² Там же.

характера со стороны государства по защите, охране режима законности, правопорядка и общественного порядка»¹.

Таким образом, анализ «Сведений о временно пребывающих в Саратов гласноподнадзорных за 1903 год» СГЖУ, как типичного документа подобного вида ежегодного жандармского учета, позволяет сделать вывод о тотальном характере контроля за политически неблагонадежными элементами, который таким образом осуществлялся жандармскими управлениями на всей территории империи. Несмотря на бюрократическую отлаженность системы и отлаженные методы контроля, приведенные случаи уклонения от надзора указывают на пробелы в ее функционировании и наличие практик противодействия деятельности политической полиции со стороны поднадзорных – революционеров.

В начале XX века Российская империя обладала разветвленной системой жандармского наблюдения, центральное место в которой занимал институт негласного надзора. С 1882 г. в работе правоохранительных органов России применялось «Положение о негласном полицейском надзоре»², согласно которому негласное наблюдение осуществлялось в обеих столицах силами общей полиции, а в провинции совместно с жандармскими управлениями. Негласный надзор позволял совместными усилиями сотрудников политической и общей полиции контролировать передвижение и деятельность лиц, подозреваемых в политической неблагонадежности, без открытого вмешательства в личную жизнь поднадзорных и создания неудобств в их повседневной жизни.

Однако 10 января 1904 г. министр внутренних дел В.К. Плеве издал Циркуляр губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам об отмене положения о негласном надзоре 1882 г., вводивший новый порядок осуществления этой формы надзора. Мера эта была вызвана тем, что, как

¹ Биюшкина Н.И. Указ. соч. С. 82.

² Положение о негласном полицейском надзоре от 1 марта 1882 г. URL: <http://books.google.com> (дата обращения: 14.11.2024).

значилось в документе, «при возрастающем с каждым годом числе негласно-поднадзорных и развитии в течение последнего десятилетия организаций с преступными политическими целями, предупредительная борьба с ними путем негласного надзора, осуществляемого, на основании положения 1 марта 1882 года, через чинов общей полиции, являлась крайне недостаточной и потребовала со стороны правительства противопоставления лицам неблагонадежным в политическом отношении соответственной вооруженной опытом и знанием силы специально организованной политической полиции в лице чинов Жандармских Управлений и Охранных Отделений с их внутреннею агентурою и наружным наблюдением»¹.

После отмены Положения 1882 г. задача тайного надзора за политически неблагонадежными лицами была полностью возложена на губернские жандармские управления и охранные отделения. Поднадзорные лица вносились в алфавитные списки губернии, которые впоследствии включались в общий перечень политически неблагонадежных лиц по всей стране, составляемый в Департаменте полиции. В соответствии с территориальной подведомственностью этих двух жандармских органов негласный надзор за политически неблагонадежными лицами распределялся между ними следующим образом: СГЖУ проводило эту работу на всей территории губернии, а в зоне ответственности Саратовского охранного отделения (далее – СОО) находился, в первую очередь, город Саратов. Но так как политически неблагонадежные лица перемещались не только по территории губернии, но и стране, и даже за оказывались границей, то СОО вынуждено было отслеживать все эти траектории, и в этом случае их надзорная миссия пересекалась с аналогичной деятельностью других подразделений политической полиции империи.

¹ Циркуляр министра внутренних дел В.К. Плеве губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам об отмене положения о негласном надзоре от 10 января 1904 г. URL: <https://doc20vek.ru/node/216> (дата обращения: 15.11.2024).

Однако пересечение функций негласного надзора двух органов политической полиции – губернских жандармских управлений и охранных отделений приводило к внутриведомственной неразберихе и конфликтам, замешанным на соперничестве и неприязненных личных отношениях руководителей двух жандармских учреждений. «Служащие жандармских управлений должны были оказывать своим коллегам из охранных отделений всяческое содействие и подчиняться им в деле политического розыска, – отмечает В.В. Романов. – В реальности это приводило к соперничеству руководства этих органов и постоянным трениям между данными учреждениями»¹.

Это хорошо видно на примере, когда начальник Саратовского охранного отделения ротмистр А.П. Мартынов, сообщая по службе конфиденциальную информацию, полученную им от филеров, начальнику СГЖУ полковнику Д.С. Померанцеву, убедился в том, что последний, не обладая подобными сведениями от своих сотрудников, представлял ее губернатору С.С. Татищеву, как достижения его управления². Следует согласиться с мнением Ю.В. Варфоломеева, который считает, что «Менталитет и сложившийся стереотип служебного поведения сотрудников Отдельного корпуса жандармов настолько контрастировал с образом действий и поведением жандармов-розыскников, что очень часто приводил их к конфронтации с коллегами из охранных отделений»³.

Приведем несколько примеров из дел по негласному надзору за политически неблагонадежными лицами, которые являются типичными образцами подобной практики и позволяют реконструировать ее внутреннюю механику. Так, 21 октября 1903 г. губернским жандармским управлением

¹ Романов В.В. Политическая полиция – государственный институт Российской империи. Ульяновск, 1996. С. 30.

² Мартынов А.П. Указ. соч. С. 199.

³ Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192-202.

было заведено «Дело о состоящем под негласным надзором полиции дворянине Владимире Михайловиче Чернове»¹. В поле зрения политической полиции этот житель Саратова попал не только по причине того, что являлся старшим братом Виктора Михайловича Чернова – одного из основателей и лидеров Партии социалистов-революционеров (ПСР), но и потому, что и сам был замечен в связях с политически неблагонадежными лицами. Хотя уже само родство делало его фигуру потенциально значимой для охраны, даже если его собственная политическая активность не была столь очевидной.

24 января 1903 г. Начальник СГЖУ Померанцев направил Саратовскому Полицмейстеру письмо следующего содержания: «Из поступивших во вверенное мне управление сведений усматривается, что состоящий под негласным надзором полиции дворянин В.М. Чернов 16 января 1903 г. из Полтавской губернии выехал в Саратов <...> имею честь просить Вас по выяснению Саратовского адреса Чернова сделать распоряжение об учреждении за ним означенного надзора со стороны подведомственных Вам чинов полиции и своевременном доставлении мне о нем всех сведений, требуемых Положением 1 марта 1882 г.²»³.

Через несколько дней – 5 февраля – жандармы получили ответ от полицмейстера: «Состоящий под негласным надзором полиции сын чиновника В.М. Чернов, 42 лет, [старший брат Виктор Михайловича Чернова] прибыл в Саратов из Полтавы 19 января на Крапивную улицу в дом № 21 откуда 1 февраля переехал на Ильинскую улицу в дом № 28 Петровых, где и проживает»⁴. Однако поднадзорный часто менял место жительства, и уже через десять дней полиция установила его новый адрес: «Чернов из дома № 28 Петровых по Ильинской улице переехал 6 февраля в дом № 14 Жилкиной на

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189 (1903).

² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 1 марта 1882 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. II. № 834. Этот закон предоставлял губернаторам и ГЖУ широкие полномочия, включая право учреждать негласный надзор без судебного решения.

³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189 (1903). Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

Бахметьевской улице»¹, где проживал до конца весны, а 22 мая «выехал на дачу Кононова Саратовского уезда»². После трехмесячного дачного сезона подозреваемый вернулся в Саратов на прежнее место жительства.

Наряду с постоянным контролем за местом жительства негласно-поднадзорного и его перемещениями жандармов заинтересовало и место его работы. В ответ на соответствующий запрос полковника Д.С. Померанцева полицмейстер сообщил: «Чернов состоит статистиком при Саратовской губернской Земской Управе»³. При этом легальная служба в земстве, часто бывшем центром либеральной и оппозиционной интеллигенции, сама по себе могла вызывать подозрения.

Для полноты картины политической неблагонадежности В.М. Чернова СГЖУ запросило документы жандармского наблюдения у коллег из Полтавского и Вологодского губернских жандармских управлений, где в свое время пребывал поднадзорный. В октябре 1903 г. саратовские жандармы получили копии 62 документов из Полтавского ГЖУ, и 20 документов из Вологодского⁴, которые существенно расширили знания политической полиции о деятельности и связях Чернова.

Документы политической полиции по негласному надзору наглядно иллюстрируют отлаженный бюрократический механизм, включавший три основные стадии: 1). инициация дела (официальный запрос полицмейстеру); 2). Обмен информацией с органами общей полиции, которая в данном случае выполняла функцию низового звена, отслеживая и сообщая жандармам о передвижениях поднадзорных, их адресах и роде занятий. , как это и было принято, носила сухой, формальный характер с точной информацией: «прибыл... переехал... выбыл»; 3). Межгубернский обмен данными о поднадзорных, что свидетельствует о налаженной системе обмена сведениями

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189 (1903). Л. 4.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 19-24об.

между губернскими жандармскими управлениями в целях обладания наиболее полной информацией о поднадзорных. Основное внимание жандармских органов и общей полиции сосредоточилось на наблюдении и фиксации противоправной деятельности поднадзорных, и здесь можно выделить два основных аспекта: контроль за передвижением и родом занятий.

Таким образом дело негласно-поднадзорного В.М. Чернова демонстрирует, что политический сыск в России начала XX века был не только делом тайных агентов и провокаторов, но и рутинной бюрократической практикой. Каждое перемещение, каждая перемена адреса немедленно фиксировались и становились частью официального документа, создавая призрачный, но неусыпный контроль над жизнью поднадзорного. Это дело свидетельствует о том, как имперская власть пыталась противостоять революционным угрозам путем тотальной бюрократической регистрации и отслеживания неблагонадежных элементов.

Наряду с проведением гласного и негласного надзора жандармские органы вели постоянный контроль за благонадежностью всех сословий, выражавшийся в разных формах и по разным поводам. Например, жандармы проводили проверку лиц, желавших поступить на государственную службу, издавать газеты, журналы, читать публичные лекции и пр.¹.

Важным направлением работы СГЖУ, а с 1902 г. совместно с Саратовским охранным отделением являлась обязательная проверка политической благонадежности лиц, устраивавшихся на государственную или общественную службу. Во-первых, жандармы выясняли не числится ли проверяемое лицо в списках неблагонадежных лиц, а затем собирали информацию из разных источников (прежнего места работы, места жительства, учебы и т.п.). В 1906 г. начальнику Саратовского охранного отделения (далее – СОО) из канцелярии Саратовского губернатора постоянно перенаправлялись заявления уволенных за участие в революционных

¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 11.

беспорядках в 1905 г. железнодорожных служащих, и желавших восстановиться на прежнем месте работы, с просьбой жандармам установить их политическую благонадежность, прежде, чем дать положительный ответ просителям.

Так, например, в апреле 1906 г. Саратовский вице-губернатор Д.Н. Дубасов направил запрос начальнику СОО ротмистру Н.Д. Федорову с копией прошения бывшего конторщика Управления Рязано-Уральской железной дороги Михаила Истомина «об обратном приеме его на службу» и при этом просил сообщить ему, «какие сведения имеются у Вас о просителе о относительно участия его в железнодорожной забастовке»¹. Аналогичный запрос жандармам поступил и по поводу К.Ф. Абазеева, уволенного со службы в 1905 г. за участие в забастовке и также просившего восстановить его на прежнем месте работы. После проведенной проверки ротмистр Федоров сообщил и. д. губернатора Дубасову о политической неблагонадежности данных лиц.

В частности, он указал, что «о бывшем помощнике начальника станции «Саратов-2» Константине Федоровиче Абазееве имеются следующие сведения. Начиная с весны 1905 г. он принимал активное участие в организации железнодорожного союза служащих, в котором состоял членом, и в подготовке Октябрьской всеобщей политической забастовки. Во время забастовки этой состоял членом стачечного железнодорожного комитета. Во время декабрьской железнодорожной забастовки Абазеев по сведениям агентуры также состоял членом стачечного комитета и принимал деятельное участие в агитации за возможно долгие ее продолжение, за что был арестован и привлечен по этому делу при СГЖУ к дознанию в качестве обвиняемого»².

Данный случай свидетельствует о том, что Саратовское охранное отделение обладало достаточно полной информацией о лицах, принимавших

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 17. Л. 496.

² Там же. Л. 499-500.

участие в масштабных антиправительственных выступлениях в 1905 году. Все эти сведения были сгруппированы по соответствующим спискам: «Список лиц, арестованных в ночь с 4 на 5 января 1906 г.»¹ (26 человек), «Список лиц, принимавших активное участие в железнодорожной забастовке в октябре-декабре месяце 1905 г.»² (17 человек) и т.п. Регулярно жандармские органы обобщали имеющуюся у них информацию по проверке благонадежности разных лиц и подшивали эти материалы в соответствующие объемные дела, как, например, «Сведения о политической благонадежности разных лиц»³ (1903 г.), или многотомные «Запросы о политической благонадежности»⁴ (1904 г.).

Таким образом, жандармские органы располагали разветвленной системой сбора информации из различных источников и систематизировали полученную информацию. Решающим фактором при приеме или восстановлении на работе проверяемого лица служило заключение жандармерии о его политической благонадежности, причем отказ мотивировался документально подтвержденным участием в антиправительственной деятельности. Проверка благонадёжности разных лиц была трудоёмкой, но важной предупредительной мерой. При ее выполнении по запросам органов власти или по собственной инициативе жандармы, конечно, тратили очень много времени. Однако этот вид деятельности политической полиции можно считать важной предупредительной мерой, которая позволяла, с одной стороны, выявлять потенциальные угрозы государственной безопасности со стороны нелояльных к власти подданных, а, с другой, способствовала предотвращению преступлений политического характера.

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 17. Л. 429-439об.

² Там же. Л. 465-469.

³ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 7.

⁴ Там же. Д. 10, 10а, 10б, 10в.

2.4. Жандармское дознание по политическим преступлениям в начале XX века

Потребность в углубленном изучении специфики использования инструмента жандармского дознания в преследовании революционеров, как одного из важнейших, в арсенале политической полиции определяется, в значительной степени, малоизученностью этого вопроса.

Основной функциональной обязанностью жандармских управлений было производство дознаний по политическим преступлениям, включавшее комплекс следственных действий: допросов, обысков, осмотров, выемок. Дознание проводилось чинами губернских жандармских управлений согласно закону от 19 мая 1871 года. В круг полномочий жандармов при производстве дознаний входили: розыски, словесные расспросы, негласное наблюдение, сохранение следов преступления, принятие мер для предотвращения уклонения подозреваемого от следствия, осмотры, освидетельствования, обыски, высылки, предварительные допросы с составлением протоколов.

19 мая 1871 г. император Александр II утвердил закон, получивший название: «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений»¹, который регламентировал новшества касающиеся проведения первой стадии уголовного процесса (предварительного производства по делу) органами политической полиции. С этого момента к основным видам деятельности жандармерии добавилась еще и уголовно-процессуальная функция – дознание по государственным преступлениям. «Арсенал методов и средств жандармерии при производстве дознания с этого момента включал следующие уголовно-процессуальные действия: розыск, расспросы, негласное наблюдение, осмотры, освидетельствования, обыски и выемки, – констатирует Ю.В. Варфоломеев. – Таким образом, с 1871 г. главным в деятельности СГЖУ становится дознание,

¹ Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗРИ. Собрание второе. СПб., 1874. Т. 46. № 49615.

а также политическое следствие, переданное в ведение жандармерии от судебных следователей»¹.

Подчеркивая важность этого уголовно-процессуального нововведения в деятельности сотрудников политической полиции, К.П. Краковский отмечает: «В 1871–1904 гг. результаты дознания предопределяли судьбу дела: она решалась соглашением министров юстиции и внутренних дел с санкции царя. Лишь в исключительных случаях для гражданской юстиции и с 1878 г. – по закону, для военной юстиции жандармское дознание могло стать судебным актом². Однако, правовая регламентация этой дополнительной функции предоставленной политической полиции отставала от ее эффективной реализации в практической плоскости, так как большинство принимаемых в Корпус жандармов офицеров не имели юридического образования, а дополнительные курсы, которые они проходили, не решали проблему их подготовки, как дознавателей. Даже один из видных руководителей жандармерии А.И. Спиридович отмечал невысокий уровень преподавания на таких курсах³. Его коллега А.П. Мартынов также критично отзывался об уровне подготовки: «Что касается производства жандармских дознаний, этот курс, казалось бы, весьма существенный для будущей нашей службы, был организован из рук вон плохо»⁴.

Усложнялась работа жандармов в роли дознавателей также и спецификой политических преступлений, которые они должны были, в первую очередь пресечь или выявить на ранних стадиях приготовления противоправных действий. При проведении того или иного дознания они, как правило, имели дело не с событием преступления, а с преступными намерениями. Однако знанием уголовно-процессуальных формальностей

¹ Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века... С. 194.

² Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX–начале XX в. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 316.

³ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 37-38.

⁴ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 57.

жандармы до этого не обладали, а теперь должны были их в полной мере освоить. Очевидно, переживая за ошибки и процессуальные нарушения в ходе проведения дознания малоопытными жандармскими офицерами, директор Департамента полиции А.А. Лопухин сетовал: «Закон в отношении жандармов лишил прокуратуру той доли дисциплинарной власти, и тем обратил надзор прокуратуры за деятельностью жандармерии в бумажный контроль, вполне лишенный действительной силы»¹.

Тем временем, совершенствовались не только виды и направления работы политической полиции, но и методы революционной деятельности оппозиционных движений, включая конспиративную технику подпольщиков, призванную защитить их от изобличения и задержания жандармами. Особенно преуспели в этом социал-демократы, взявшие за образцы конспиративного дела опыт народовольцев.

Однако подпольщики и той, и другой организации доставляли жандармам большие трудности по их разоблачению и поимке. Так, например, революционеры выработали приемы мастерского ухода от слежки, вносили путаницу при опознании, используя псевдонимы, партийные клички и поддельные паспорта и мн. др. Особое место в подпольно-конспиративной тактике революционеров занимало обучение соратников правилам поведения на допросах и на суде. Социал-демократы даже подготовили серию пособий, которые знакомили подпольщиков с тактикой поведения на допросах, раскрывали особенности политического сыска и приемы ведения следствия жандармами². У эсеров в качестве основной контрмеры на допросах практиковался отказ от дачи показаний. В качестве кардинальной меры революционеры прибегали к физическому устранению наиболее эффективных, а потому и опасных для них сотрудников политической полиции.

¹ Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее Русской полиции. М., 1907. С. 15.

² Бахарев (Махновец) В.П. Как держать себя на допросах. Женева, 1900.

Таким образом, выработанная годами и постоянно совершенствовавшаяся революционными организациями система борьбы с политической полицией становилась серьезным антагонистом системы политического сыска, которая, в свою очередь, в кон. XIX – нач. XX в. переживала сложный и противоречивый этап реформирования сети охранных учреждений империи.

Между тем, роль и место дознания в деятельности политической полиции с годами приобретали все большее значение. Так, в циркуляре Департамента полиции от 13 августа 1902 г. эта функция определялась как закономерное продолжение розыскных мероприятий и имела значение, как считает А.И. Суворов, «вопроса первостепенной важности»¹. Следующим (после закона 19 мая 1871 г.), и как его называет К.П. Краковский, «судьбоносным моментом в судебно-правовой истории жандармского ведомства» стал закон 7 июня 1904 г., который «окончательно уравнивал юридическое значение жандармского дознания и предварительного следствия, открыв новый и последний этап в жизни жандармского ведомства»². С этого момента дознание в соответствии с принятым законом становится судебным актом, приобретая правовое значение, соответствовавшее стадии предварительного следствия.

Дознание по политическим делам проводилось в двух видах: уголовно-процессуальное (формальное) и дознание в административном порядке. Судя по материалам изученных дел, в Саратовской губернии в основном применялось формальное дознание, но в редких случаях встречалось и дознание в административном порядке. При формальном дознании проводились не только необходимые розыскные, но и следственные действия, в том числе осмотры, освидетельствования, обыски, выемки и допросы.

¹ Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века: (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002. С. 258.

² Краковский К.П. Указ. соч. С. 337.

Дознание в административном порядке применялось тогда, когда собирались конкретные доказательства вины подозреваемого, и следствию необходимо было выяснить, действительно ли виновен обвиняемый в том или ином преступлении. Прокурор при формальном дознании мог свободно вмешиваться в ход следствия¹. Жандармы, если судить по делам Саратовского губернского жандармского управления, всегда отчитывались перед прокурором Саратовского окружного суда о действиях, связанных с обысками, освобождением задержанных, изменении меры пресечения и т.д.

Исследовав и классифицировав материалы дознаний, проводившихся Саратовским губернским жандармским управлением и Саратовским охранным отделением накануне первой русской революции, Ю.В. Варфоломеев выделил семь наиболее распространенных направлений расследования: «1) дела о пересылке и распространении революционных воззваний и нелегальной литературы; 2) дела о революционной и террористической деятельности; 3) дела об устройстве в Саратове тайных вечеров и спектаклей; 4) дела о подготовке и проведении массовых забастовок и уличных демонстраций; 5) дела о деятельности в Саратовской губернии революционных организаций и кружков; 6) дела о состоящих под надзором полиции неблагонадежных лицах; 7) дела о революционной пропаганде и агитации»².

Придерживаясь этой классификации, можно проанализировать наиболее характерные жандармские дознания по каждой из групп. При этом следует заметить, что предварительным расследованием дел подобного рода в соответствии с возложенными на них функциями должны были заниматься губернские жандармские управления. Однако нередко охранные отделения сами проводили дознание, что приводило к дублированию этого вида

¹ Горбачев В.П. Прокурорский надзор и руководство дознанием по политическим преступлениям в Российской Империи (нормативные основы) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. С. 184-185.

² Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века... С. 198.

деятельности и несогласованности в действиях двух структурных подразделений тайной полиции империи.

На особом контроле у политической полиции было раскрытие каналов пересылки корреспонденции, в том числе транспортировки в Россию нелегальной литературы из заграницы, выявление подпольных типографий и печатных устройств революционеров, используемых ими для тиражирования запрещенной литературы, в частности, листовок и брошюр. Всего с 1901 по 1904 гг., по подсчету автора статьи, Саратовским губернским жандармским управлением было установлено 185 эпизодов, связанных с пересылкой и распространением революционных воззваний и нелегальной литературы, по которым впоследствии было проведено дознание¹. Одновременно с этим с 1902 г. подобные преступления расследовались, правда в меньшем количестве, и саратовской «охранкой», которая провела дознание по 6 выявленным случаям из этой группы революционной деятельности². Судя по материалам расследований, революционеры использовали для пересылки запрещенных изданий контору «Российского общества транспортирования кладей»³, а значительная часть подобных изданий поступала из-за границы⁴.

Непосредственно к данной группе преступлений антигосударственного характера, попадавших в поле зрения жандармерии и расследуемых правоохранителями примыкают дела о революционной пропаганде и агитации, которые были выявлены накануне первой русской революции на территории Саратовской губернии. Подобные преступления квалифицировались по ст. 252 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных «за составление и распространение сочинений, а также произнесение речей, порицавших образ правления и порядок наследования

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22.

⁴ Там же. Д. 53.

престола»¹. Всего за четыре года Саратовское губернское жандармское управление, по нашим подсчетам, провело дознание по 58 делам этой категории, а охранное отделение – по одиннадцати. Причем наибольшее количество таких дел (более половины) приходится на 1902 год.

Целевая аудитория революционной пропаганды и агитации была широкой и разнообразной. Это и учащиеся саратовских учебных заведений – гимназисты², семинаристы³, ученики технического железнодорожного училища⁴, а также рабочие, крестьяне и военнослужащие. Особую опасность представляла собой агитация и распространение прокламаций среди военнослужащих, которые временно пребывали (проездом по железной дороге) или были дислоцированы на территории губернии.

Изучив характер и особенности пропаганды на территории Саратовской области среди военнослужащих, исследователи приходят к ряду выводов: «Во-первых, антиправительственная агитация революционных партий среди различных сословий Российской империи, а также в среде военнослужащих русской армии и флота активизировалась накануне и особенно в годы Первой российской революции. Во-вторых, в качестве основных путей трансляции революционных идей среди солдат и нижних воинских чинов революционерами использовались устные и «печатные» (распространение печатных изданий) формы агитации. В-третьих, наиболее излюбленными и часто используемыми местами агитации у революционеров были поезда, в которых следовали военнослужащие, а также железнодорожные станции и места дислокации воинских частей...»⁵.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. В 16 томах. Т. 15. СПб., 1916. С. 309.

² ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 21

³ Там же. Д. 30.

⁴ Там же. Д. 31.

⁵ Авличев А.С., Варфоломеев Ю.В. Антиправительственная пропаганда и агитация среди военнослужащих в годы первой русской революции (по материалам Саратовской губернии) // Базис. № 1(15). С. 93.

Особое внимание политической полиции было сосредоточено на деятельности в Саратовской губернии революционных организаций и кружков. В поле зрения правоохранителей из года в год попадали различные оппозиционные деятели, организации и кружки. Только за четыре года, предшествовавших Первой русской революции, саратовские жандармы провели дознание по 42 раскрытым ими революционным организациям, в основном эсеровским и эсдековским. Так, например, 1902 г. проводилось дознание о деятельности Саратовского комитета партии эсеров и их подпольной типографии¹, о деятельности членов Саратовского комитета РСДРП А. Архангельском, А. Рыкове (в советское время – председатель Совета народных комиссаров РСФСР), Н. Соловьеве и И. Борисове².

В то же время самая масштабная и разветвленная работа жандармских органов сосредотачивалась на контроле и дознаниях за состоящими под надзором полиции политически неблагонадежными лицами. Всего за 4 года, предшествовавших первой русской революции, Саратовским губернским жандармским управлением и Саратовским охранным отделением, по нашим подсчетам, было проведено дознание по 246 делам, касавшимся революционеров, находящихся под надзором правоохранительных органов. В основном это были представители местных подпольных организаций, однако, примерно 25% дознаний, велось в отношении политических эмигрантов, ведущих переписку с соратниками из Саратовской губернии, или административно высланным из других регионов страны революционерам, находящимся под гласным или негласным надзором. Причем 147 жандармских дознаний по делам неблагонадежных лиц (это более половины от общего числа дознаний по этой группе за рассматриваемый период) приходилось на 1902 и 1903 гг. Все это свидетельствовало об активизации антиправительственной деятельности в этот период и оживленных коммуникациях в революционной среде.

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 24.

² Там же. Д. 50.

Проанализировав характер и особенности жандармского дознания по политическим преступлениям по материалам Саратовской губернии в начале XX века можно сделать ряд выводов.

Во-первых, материалы жандармских дознаний являются важным источником изучения революционного движения в России в позднеимперский период. Материалы Саратовского губернского жандармского управления и Саратовского охранного отделения представляют собой уникальный источниковый ресурс для изучения механизмов функционирования имперской политической полиции, эволюции революционного движения и социально-психологических настроений различных слоёв населения накануне и в годы Первой русской революции.

Во-вторых, анализ документов предварительного следствия, проводимого органами тайной полиции, позволяет выявить количественные и качественные характеристики различных форм революционной деятельности рассматриваемого периода. В частности, в изученные материалы позволили сделать вывод о том, что на территории Саратовской губернии накануне первой русской революции больше всего дознаний проводилось жандармами по делам о пересылке и распространении революционных воззваний и нелегальной литературы, а также по делам о состоящих под надзором полиции политически неблагонадежных лицах. Причем пик дознаний по этим формам революционной деятельности приходился на 1902 и 1903 гг. (232 и 209 дел соответственно)¹.

В-третьих, жандармское дознание являлось важным инструментом противоборства политической полиции с антиправительственными выступлениями. Однако дублирование функций губернских жандармских управлений и охранных отделений в сфере проведения дознаний, а также недостаточный уровень взаимодействия снижали оперативность и

¹ По подсчетам автора диссертации.

эффективность противодействия жандармерии нараставшему с начала XX в. революционному движению.

Следует констатировать, что регламентация правового статуса жандармского дознания прошла эволюцию от закон от 19 мая 1871 г., который закрепил за жандармерией уголовно-процессуальную функцию производства дознания по политическим преступлениям, до закона от 7 июня 1904 года, который окончательно уравнил юридическое значение жандармского дознания с предварительным следствием, превратив его в полноценную уголовно-процессуальную функцию. Вместе с тем, несмотря на расширение полномочий в сфере дознания, подготовка офицеров жандармерии для подобной работы оставалась недостаточной. Большинство не имели юридического образования, а краткосрочные курсы не давали желаемого результата.

Таким образом, материалы жандармских дознаний позволяют оценить масштабы и формы революционного движения в позднеимперский период в количественно и качественном выражении. Накануне первой русской революции жандармерия Саратовской губернии демонстрировала высокую активность, однако недостатки в координации и юридической подготовке служащих снижали эффективность её противодействия нараставшей волне антиправительственных выступлений в годы первой русской революции.

ГЛАВА 3. РАССЛЕДОВАНИЕ ЖАНДАРМСКИМИ ОРГАНАМИ ДЕЛ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

3.1. Дела о массовых антиправительственных выступлениях, беспорядках и забастовках

Массовые антиправительственные акции, представлявшие серьезную опасность для безопасности государства, всегда являлись приоритетом в работе политической полиции. К этой группе государственных преступлений относятся несанкционированные антиправительственные митинги, уличные демонстрации, публичные акции, забастовки, массовые беспорядки, восстания, поджоги, разгромы и т.п.

1903 год ознаменовал собой начальный этап нарастания социально-политической напряженности в Российской империи. В этих условиях даже такие частные события, как похороны известных личностей, могли приобрести ярко выраженную политическую окраску, становясь актами солидарности и открытого вызова власти, как это и произошло на похоронах В.А. Балмашова – отца эсера-террориста С.В. Балмашова, убившего министра внутренних дел Д.С. Сипягина, и этот факт, несомненно, усиливал революционный капитал отца в глазах оппозиции.

Личность самого Валериана Балмашова представляет собой типичный, для того времени, образ «народного учителя» масс и пропагандиста народнических, революционных идей. К тому времени он, как известный народник, уже несколько лет находился под негласным надзором полиции. Он скончался 27 октября 1903 г., и жандармы понимали, что его похороны могут быть использованы оппозиционными силами для мобилизации своих сторонников и публичной декларации революционных идей. Действительно, прощание с ним, состоявшееся 29 октября, превратилось в массовую антиправительственную акцию. «Похороны Валериана Александровича превратились в многотысячную демонстрацию, – отмечал Н.А. Троицкий, – по

свидетельствам очевидцев, гроб с его телом провожали на кладбище массы горожан: все улицы, тротуары, все было заполнено на большое расстояние, на каждом углу народу все прибавлялось»¹.

Сама траурная процессия, судя по всему, была тщательно спланирована организаторами и насыщена символическими знаками, в частности, наличием красных бантов на груди у некоторых участников. «В процессии, между прочим, обращали на себя внимание бывший студент СПб университета, особо поднадзорный, потомственный почетный гражданин Владимир Михайлович Соколов и бывший с ним неизвестный, имевшие на груди красные банты»², – отмечалось в деле Саратовского охранного отделения. Очевидно, символика в красных цветах (банты и платки) служили вызывающе-открытой демонстрацией революционных убеждений участников похорон.

Политический характер похорон был обозначен уже на стадии возложения венков на гроб В.А. Балмашова. Всего, по подсчетам филеров, было возложено 7 венков частью из красных цветов, на лентах которых были следующие надписи: «1) «от курсисток-фельдшерниц»; 2) «От благодарных учеников-учителю»; 3) «От молодежи – В.А. Балмашову»; 4) «От Общества Книгопечатников – члену-учредителю В.А. Балмашову»; 5) «От земских служащих – дорогому В.А. Балмашову»; 6) «Неутомимому борцу за идею – от юных товарищей; 7). «Не говорите нам – он умер – он живет, лучшему из людей»³. Причем последняя надпись по заложенному в ней смыслу, трансформировала человеческую утрату в политический лозунг, утверждавший бессмертие и самого народника, и революционного дела, которому он посвятил жизнь.

¹ *Троицкий Н.А.* Дело Степана Балмашева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. № 4. С. 16-21. С. 17.

² ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

³ Там же. Л. 12.

Организация похорон В.А. Балмашова свидетельствует также и о высоком уровне самоорганизации и конспирации ее участников. Однако с самого начала похороны находились под бдительным оком жандармских филеров, от которых не исчезали даже самые мелкие детали. В первую очередь сотрудники политической полиции определили, что «На отпевание явилось и похоронную процессию сопровождало значительно большее число лиц исключительно поднадзорных и заведомо известных Отделению по своей политической неблагонадежности»¹. Похоронная процессия собрала значительную толпу, в которой преобладала учащаяся молодежь: курсистки, гимназистки, студенты, ученики технического училища, а также много поднадзорных лиц.

С самого начала траурной церемонии стала очевидна тактика задержки процессии ее организаторами с тем, чтобы прибыть на кладбище в сумерках и иметь возможность произносить прощальные, но с революционным подтекстом, речи под покровом темноты, а это позволило бы избежать последующего преследования со стороны полиции. Эту уловку сразу распознали жандармы и в деле было отмечено: «Рассчитывая на возможность столкновения с полицией при произнесении на могиле резких речей имелось намерение достигнуть кладбища лишь с наступлением темноты, чтобы легче избежать возможного преследования, а потому процессия неоднократно останавливалась для служения литии»².

Отдельного внимания заслуживает акция у Губернской тюрьмы, мимо которой от Покровского храма, где отпевали Балмашова, двигалась похоронная процессия. Именно под окнами тюрьмы была сделана очередная остановка, под предлогом совершения литии. Во время этой церковной службы у часовни Губернской тюрьмы, по свидетельству жандармов, «некоторые из находившихся в процессии лиц махали платками перед камерами политических арестантов, а одна из фельдшериц забежала в

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23. Л. 12об.

² Там же. Л. 12об.

тюремную ограду и громко возвестила о похоронах Балмашова, после чего из окна одной камеры был вывешен красный флаг»¹, чем политические арестанты недвусмысленно выразили солидарность с участниками траурной процессии, и, как бы, стерли границу между манифестантами и заключенными.

Происходившие на похоронах В.А. Балмашова события свидетельствовали о том, что из траурной церемонии она все явственнее превращается в публичную антиправительственную акцию. Окончательным подтверждением этого и кульминацией по сути политического действия стали события на кладбище. По подсчетам жандармов число, присутствовавших на кладбище достигло приблизительно 400 человек, «причем, когда гроб был уже засыпан землею, толпа сомкнулась, несколько оттеснила полицию и по призыву одной фельдшерицы начались речи»².

Вслед за говорившими тремя неизвестными жандармам лицами, характеризовавшими Балмашова как «человека-героя», речи которых были кратки и прерывались шумом и криками «ура», слово взяли «особо поднадзорные» В.М. Соколов и А.М. Прокофьев. Первым из них выступил, состоящий под особым надзором полиции, потомственный почетный гражданин Прокофьев, который сказал следующее: «Господа, покойный Валериан Александрович всегда служил революционному делу. Я пробыл с ним два года в ссылке в Вятской губернии, где он, как всегда, не взирая на грубый полицейский надзор, являлся борцом за идею, ни на одну минуту, не забывая той цели, которую он преследовал. Находясь в ссылке, Валериан Александрович старался составлять кружки из молодежи и внушать ей цели революционного движения. Он всегда старался собирать вокруг себя, главным образом, учащуюся молодежь, и подготавливал ее к пониманию существующего теперь строя. Нам необходимо быть такими же борцами за революционную

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23. Л. 12об.

² Там же.

идею, каким был покойный Валериан Александрович, и я полагаю, что найдутся еще люди, которые пойдут по его стопам»¹.

Затем В.М. Соколов, подхватив революционный пафос речи своего соратника, произнес следующее: «Господа, погибший Степан Валерианович Балмашов был моим хорошим товарищем, а отец его, ныне умерший В.А. был моим учителем. Я чту его память, как славного борца за свободу, и, хотя он умер, но дела и память о нем не умерли, так как он положил много трудов на образование революционного духа среди молодежи»². Дальнейшие речи были прекращены мерами полиции, которая арестовала Прокофьева, а Соколов успел скрыться в толпе. Задержанный Прокофьев был подвергнут обыску, в результате которого была обнаружена компрометирующая его переписка и революционная брошюра «Ткачи»³.

Выступления на кладбище, скрупулезно зафиксированные филерами, и прерванные полицией, выполняли ключевую функцию – они легитимизировали и пропагандировали революционную борьбу. Выступивший революционный активист А.М. Прокофьев, ссылаясь на совместную ссылку, представил образ В.А. Балмашова как нестигаемого борца, который «всегда служил революционному делу» и целенаправленно готовил молодежь к борьбе «с существующим строем». Его речь завершалась прямым призывом к наследованию его пути, т.е. являлась открытым революционным призывом.

В.М. Соколов, связывая фигуру отца с казненным сыном (своим товарищем), выстраивал нарратив о преемственности революционной жертвенности, и не случайно, в своей речи он сказал не «умер», а «погиб» В.А. Балмашов, ставя в один ряд смерть отца с казнью – гибелью сына. Упоминание о том, что Балмашов-старший был его «учителем», а его труды

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

² Там же. Л. 13-13об.

³ Там же. Л. 13об.

по «образованию революционного духа» не пропали даром, работало на создание образа «славного борца за свободу», чье дело продолжается.

Действия полиции при этом были сдержанными: они допустили саму процессию и лишь на кладбище, после начала антиправительственных речей, попытались пресечь митинг, арестовав Прокофьева. Последующий обыск и обнаружение компрометирующей переписки и брошюры «Ткачи» подтвердили опасения властей и сделали обвинения против него доказательными. Действия Прокофьева были квалифицированы по ст. 252 ч. П. 1 и п. 4 Уложения о наказаниях (преступления против государственного порядка). В дальнейшем на следствии А.М. Прокофьев пытался смягчить содержание своей речи, отрицая ее явно революционный характер, однако показания свидетелей-полицейских подтвердили первоначальную версию, зафиксированную агентами наружного наблюдения. Мерой пресечения избрано содержание под стражей, а с 1 марта – особый надзор полиции по месту проживания в Саратове. По данным политической полиции, тридцатилетний Прокофьев был опытным революционером: привлекался Киевским ГЖУ по делу «Народовольцев», отбывал ссылку в Вятской губернии под гласным надзором, а в 1902 г. вновь привлекался по делу «Киевского комитета Партии социалистов-революционеров»¹.

Несмотря на большое скопление народа на похоронах, жандармам удалось собрать максимум информации и об участниках, и об их противоправных действиях. Приложенный к делу список лиц, присутствовавших на похоронах (24 человека, в том числе 18 женщин), показывает значительную роль в движении фельдшерниц и учащейся молодежи. Упоминания о финансировании похорон через служащих Губернского Земства, таких как Н.И. Россов, С.Т. Крачинская, а также «известных революционных организаций» указывают на наличие отлаженных

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 199. Л. 57.

каналов материальной поддержки антиправительственных сил, через легальные общественные институты.

Таким образом, похороны В.А. Балмашова в Саратове осенью 1903 г. стали знаковым событием, вышедшим далеко за рамки частного траура. Они продемонстрировали высокий уровень самоорганизации и политической грамотности местного революционного подполья. Тщательно продуманная церемония, использующая как традиционные православные ритуалы (литии), так и новую политическую митинговую символику (красный цвет, речи), стала мощным инструментом агитации, консолидации и публичным вызовом власти. Название дела, которое было заведено СГЖУ по факту похорон В.А. Балмашова, точно передает суть произошедших событий «Дело об антиправительственном митинге во время погребения 29 октября 1903 г. дворянина Валериана Балмашова – отца государственного преступника Степана Балмашова»¹.

Документы жандармских органов фиксируют не только факт подмены траурной церемонии политической демонстрацией, но и раскрывают социальные сети, идеологические нарративы и тактические приемы, характерные для революционного движения в России накануне Первой русской революции. Органам политической полиции удалось выявить, что похороны Валериана Балмашова стали ярким примером использования ритуального мероприятия в качестве революционной акции в условиях невозможности легальной оппозиционной деятельности. Это событие продемонстрировало с одной стороны, тактику работы подпольных организаций в полулегальных условиях, а с другой – эффективность системы политического сыска, фиксировавшей и пресекавшей подобные акции.

Первая российская революция, начавшись в столице, очень быстро распространялась по отдельным регионам страны. Заметной остротой и масштабностью антиправительственных выступлений в 1905-1906 гг.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 199. Л. 57.

отличалось Поволжье, и, в частности, Саратовская губерния. В этот период донесения и обзоры политической полиции (ГЖУ и охранного отделения), основанные на тщательно собранных и подробных агентурных сведениях, материалах слежки за неблагонадежными лицами и перлюстрации корреспонденции подпольщиков, представляют собой важный блок документов, характеризующих революционную деятельность.

Трагические события 9 января 1905 г. нашли бурный отклик на периферии, в частности, в Саратове рабочие отреагировали на эти события массовыми забастовками с ярко выраженным антиправительственным характером. Об обострении общественно-политической обстановке в городе оперативно докладывал в Департамент полиции начальник Саратовского губернского жандармского управления Д.М. Померанцев. Сразу же после начала стачечного движения он направил руководству телеграмму, а через несколько дней представил в своем донесении полный и детальный отчет об этих событиях. В частности, на основе собранной информации, он определил, что инициатором в организации забастовок стал «политически неблагонадежный элемент саратовского общества. Лица этой категории, как ближайшим толчком, воспользовались правительственным сообщением о несчастном событии, имевшем место 9-го сего января в С.-Петербурге»¹, – отмечал полковник Померанцев.

Начальник СГЖУ, на основе полученной информации от секретных агентов и филеров, проследил всю цепочку эскалации революционных настроений, приведших к массовым забастовкам в Саратове: от телеграммы о событиях 9 января в столице, полученной местными газетами и ее тиражировании в печати 10 января 1905 г., оглашение ее содержания на собрании, состоявшемся в коммерческом собрании, на котором прозвучали призывы «немедленно же приступить к забастовке»². При этом полковник Померанцев особо отметил, что на этом собрании некоторыми «ораторами

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 31. Л. 115.

² Там же. Л. 115об.

были произнесены речи, имевшие политически преступный характер, по поводу чего производится дознание»¹.

Характеризуя развернувшееся стачечное движение, Д.М. Померанцев в донесении отмечал, что «более упорными забастовщиками оказались железнодорожные рабочие». Причину этого он видел в том, что они оказались под сильным влиянием начальника службы эксплуатации инженера Добровольского, и в результате самоустранения от наведения порядка среди рабочих начальника 9-й дистанции инженера Лоренца, который «без всякой причины сдал должность своему помощнику, что рабочими также было истолковано в свою пользу»².

Более подробная и детальная информация о забастовке железнодорожников Саратова содержалась в донесении начальника Саратовского отделения Тамбово-Уральского жандармского полицейского управления Г.П. Бертгольда. По мнению ротмистра Бертгольда забастовка на железной дороге явилась «отголоском общего настроения в г. Саратове, где земские и городские учреждения, а также некоторые промышленные и торговые заведения, еще ранее подстрекаемые имеющимся в г. Саратове преступным сообществом, именующим себя партией социалистов-революционеров, заявили свой протест, в форме забастовок, против политического и экономического строя России»³. В то же время, выявляя причины, способствовавшие окончанию забастовки, начальник СГЖУ выделял, во-первых, уступки со стороны предпринимателей в пользу рабочих, и во-вторых, «проявившееся в среде рабочих сознание, что они были вовлечены в это дело злонамеренными лицами, мало думающими о их материальном благосостоянии, а желающими вызвать только смуту»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 31. Л. 116.

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 117.

По материалам Саратовского охранного отделения хорошо прослеживается противоправная, деструктивная деятельность саратовских революционных организаций – эсеров и эсдеков. Донесения и обзоры политической полиции, основанные на тщательно выверенных и детальных разведывательных данных, собранных через агентурную сеть, слежку и перлюстрацию, представляют собой важный источник, характеризующий революционную деятельность, в частности, в период апогея первой российской революции. «Активной борьбе, прежде всего, с революционным движением, – отмечает Е.А. Гончарова, – были подчинены методы тайной слежки: внешней – филеры и внутренней – секретная агентура»¹.

Начиная со второй декады января 1905 г. массовые беспорядки, носившие ярко выраженный антисамодержавный характер, захлестнули Саратовскую губернию. Начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Н.Д. Федоров на основе большого массива самых разнообразных сведений, собранных его подчиненными, пришел к выводу о том, что революционные события в 1905 г. достигли своего апогея в период с 1 августа – 1905 г. по 1 апреля 1906 года². В своем донесении директору Департамента полиции от 26 мая 1905 г. за № 1167 он акцентировал внимание на нескольких наиболее важных событиях, серьезно влиявших на дестабилизацию политической ситуации в регионе – это октябрьская всеобщая политическая стачка, еврейский погром в Саратове и декабрьская стачка³.

Но, прежде всего, он особо охарактеризовал деятельность местной группы социал-демократической рабочей партии, которая благодаря деятельному участию видных и опытных функционеров партии, таких как, И.П. Гольденберг, В.К. Сережников, Д.А. Топуридзе, И.М. Ляховецкий и др. смогла к сентябрю текущего года существенно улучшить свою

¹ Гончарова Е.А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904-1914 годах: На материалах Саратовской губернии. Саратов, 2006. С. 86.

² ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

³ Там же. Л. 1об.

организационно-управленческую структуру – был создан местный комитет, а весь город для повышения эффективности работы был разделен на три района: «береговой», «горный» и «вокзальный», причем во главе каждого из районов стоял свой комитет из 5-10 лиц каждый¹.

Наряду с этим ротмистр Федоров обращал внимание на то, что социал-демократы направили все свои усилия на организацию легальных профсоюзных организаций в Саратове. С августа по октябрь 1905 года они смогли создать несколько таких профсоюзов: «союз типографов», «союз служащих Рязанско-Уральской железной дороги», «союз приказчиков» и «союз механических рабочих». «Деятельность новых организаций выразилась исключительно в сборах денег на революционные цели и в выпуске гектографированных денежных отчетов и воззваний»², – подчеркивал Федоров в донесении.

К этапу высшего подъема первой российской революции относятся два крупнейших антиправительственных выступления 1905 г. – Всероссийская октябрьская политическая стачка и декабрьское вооруженное восстание в Москве. Эти грандиозные революционные события получили свой отклик не только в центре, но и на периферии Российской империи, в частности в одном из самых беспокойных регионов Поволжья – Саратовской губернии. Осень и начало зимы 1905 г. для органов политической полиции – Саратовского губернского жандармского управления и Саратовского охранного отделения были самыми напряженными и тяжелыми в противостоянии с активизировавшимся революционным движением.

Первоочередное внимание в своем донесении начальник саратовской охраны Н.Д. Федоров уделил характеристике событий октябрьской всеобщей политической стачки в Саратове, отмечая, что «с первых чисел октября месяца начались почти ежедневные митинги, устраиваемые социал-демократической организацией, на которых велась усиленная агитация за всеобщую

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

политическую забастовку, причем трактовалось о совместном действии социал-демократов с членами профессиональных союзов <...> конечной целью забастовки выставлялся неперенный созыв Учредительного собрания»¹. В своем донесении ротмистр Федоров детально воспроизводил хронологию протестных выступлений с указанием предприятий и количества участников, а также руководителей забастовочного движения – т.н. «Центрального стачечного комитета» (пофамильно с указанием их сословного статуса)².

Затем Н.Д. Федоров подробно изложил и проанализировал события, связанные с еврейским погромом в Саратове 19 и 20 октября 1905 г. Здесь он, в первую очередь, обозначил провоцирующий фактор будущего погрома, в качестве которого он назвал митинг 18 октября на Театральной площади, на который собралось около 5 тысяч человек, «причем была масса простого люда, явившегося туда из любопытства»³, – уточнял Федоров. Революционные ораторы произносили речи ярко выраженного антиправительственного содержания, «ругая площадною бранью государя-императора и всю царскую семью, требуя уничтожения самодержавия и учреждения республики, а также закрытия церквей и изгнания священнослужителей»⁴, – отмечал начальник саратовской охранки.

По его мнению, простой люд истолковывал все эти выступления, в том смысле, что «евреи-де хотят уничтожить царя и веру христианскую, и “жида” посадить, вместо государя»⁵. В этот же день к вечеру среди простого народа стали обсуждать речи революционеров и высказывать свое недовольство по этому поводу. Еще более усилилось негодование среди торгового люда и простонародья по поводу антицаристских высказываний, когда некоторые из них побывали в этот же день вечером на митинге в городском театре. Эти

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 3об.

² Там же. Л. 4-7.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 8об.

⁵ Там же. Л. 9.

настроения безусловно способствовали нагнетанию взаимной враждебности между революционно настроенными массами и законопослушно настроенной частью населения Саратова, что неизбежно вело к социальному взрыву в городе.

Трагическая развязка наступила 19 октября 1905 г., когда на Театральной площади с 11 часов утра опять собралась пятитысячная толпа народа и начался очередной антиправительственный митинг. Но на этот раз события развивались не по замыслу революционеров. Около часа дня толпа рабочих и мелких торговцев, а также и публика, возмущенная дерзкими преступными речами ораторов, начала бросать камнями в ораторов и интеллигенцию. В свою очередь часть революционно-настроенной толпы ответила им револьверными выстрелами и камнями. Завязалась обоюдная ожесточенная драка. Побоище продолжалось с небольшими промежутками до прибытия войск и казаков, что, в конечном итоге, приостановило перестрелку и обе толпы с Театральной площади рассеялись по прилегающим улицам. Однако после разгона враждующих сторон одновременно в разных частях города отдельные группы простого народа стали громить еврейские магазины и квартиры, а затем подожгли еврейский молитвенный дом и дом раввина Болоневского, убив последнего¹.

На следующий день толпа народа заметно увеличилась и с утра сразу по всему городу продолжился еврейский погром. Характеризуя состав и настрой погромщиков, полковник Федоров отмечал: «Толпа состояла из мелких торговцев, рабочих, приказчиков, извозчиков и даже людей интеллигентных, причем все были возмущены речами ораторов на Театральной площади 18 и 19 сего октября и приписывали произнесение речей исключительно евреям»². Только к концу дня силами войск, полиции и казаков удалось подавить беспорядки, жертвами которых стали 10 человек, было разгромлено 168

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 9-9об.

² Там же. Л. 9об.

магазинов и квартир, а также задержано с награбленными вещами 52 погромщика¹.

Судя по информации, которой обладали жандармы, саратовские революционеры довольно быстро синхронизировали свою деятельность с центральными районами страны – Петербургом и Москвой. «Саратовский пролетариат чутко прислушивался к голосу пролетариата России»², – констатировал это взаимодействие социал-демократ Г. Саар. Например, 19 сентября 1905 года в Москве началась забастовка типографских рабочих, а спустя 10 дней – 29 сентября забастовали типографские рабочие Саратова и только 2 октября – типографщики Петербурга. Октябрьская железнодорожная забастовка началась с брожения в мастерских Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог, и буквально через неделю – 9 октября, когда было принято решение о всеобщей забастовке, немедленно приостановили работы рабочие и служащие Рязано-Уральской железной дороги, а на следующий день забастовали и все крупные заводы в Саратове.

Подобная ситуация свидетельствовала о большом объеме работы и высокой ответственности, которая ложилась на органы политической полиции Саратовской губернии. Проведя классификацию и количественный анализ дел, расследованных в годы первой российской революции Саратовской охранкой, Ю.В. Варфоломеев приходит к выводу: «...подавляющее большинство дознаний производилось по делам о деятельности революционных организаций и кружков, а также по делам о состоящих под надзором полиции неблагонадежных лицах»³. В течении 8 месяцев высшего подъема революционных выступлений в Саратове в поле зрения жандармов попали три самых значительных массовых революционных эксцесса,

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 10.

² Саар Г. Охранное отделение о деятельности Саратовской организации РСДРП // Коммунистический путь. 1923. № 9(34). С. 200.

³ Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 198.

напрямую связанные с аналогичными общероссийскими антиправительственными акциями: октябрьская стачка, еврейский погром и попытка организации декабрьского вооруженного восстания.

С первых чисел октября 1905 г. охранным отделением фиксировались почти ежедневные митинги, устраиваемые социал-демократической организацией, на которых велась усиленная агитация за всеобщую политическую забастовку, причем трактовалось о совместном действии социал-демократов с членами профессиональных союзов. Конечной целью забастовки объявлялся неременный созыв Учредительного собрания. Первыми забастовали 29 сентября 1905 года типографские рабочие печатни С.П. Яковлева, а за ними все остальные наборщики и типографы г. Саратова, причем забастовкой руководил местный комитет РСДРП. Социал-демократический комитет. Эта забастовка продолжалась до 6 октября включительно.

По оперативным данным охраны 9 октября 1905 г. служащими Управления Рязанско-Уральской железной дороги (далее – РУЖД) была получена из Москвы телеграмма о начавшейся на шести дорогах страны политической забастовке. Немедленно все служащие, входящие в железнодорожный союз, числом до 70 человек, оставили занятия и в Управлении же собрались на сходку, причем пригласили туда и представителей местных революционных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров¹. Инициатором этого мероприятия стала саратовская организация железнодорожного союза и представители местных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров

На этом собрании было принято решение начать забастовку и на РУЖД. Главным политическим условием забастовщиков явилось требование допустить к участию в выборах в Государственную думу всего населения России без всяких ограничений. В связи с этим забастовку решено было

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 11.

продолжать до тех пор, пока закон о Государственной Думе не будет переиздан в требуемой революционерам редакции. Наряду с этим участники собрания приняли постановление о том, чтобы немедленно отправить депутатов- агитаторов на все фабрики, заводы и в мелкие мастерские, а также к приказчикам, в аптеки, в губернскую, уездную земские и городские управы с предложением присоединиться к забастовке и сделать ее всеобщей. Закончилось собрание выборами «стачечного комитета» Рязанско-Уральской железной дороги, все члены которого были внесены в документы охранного отделения¹.

Агитация активистов стачечного комитета возымела свое действие и уже следующий день – 10 октября с утра забастовали мастерские депо, Управление дороги, заводы О. Беринга, Б. Гантке и др. Несмотря на ряд докладов руководству губернии начальника Саратовского охранного отделения Н.Д. Федорова, в которых он указывал на недопущении в эти дни незаконных собраний, временно управляющий губернией Г. Кноль решил допустить эти революционные сходки в помещении Управления дороги и в роще Парусинова, расположенной за городом, и «тем самым дал возможность революционным организациям взять ведение забастовки в свои руки»², – сетовал на это опрометчивое решение вице-губернатора Кноля ротмистр Федоров. Причем антиправительственные мероприятия были весьма массовыми: в здании Управления РУЖД состоялась сходка численностью до 800 человек, а в сходке в роще Парусинова, по данным полиции, приняло участие до 3-х тысяч человек³. В последующие дни антиправительственные акции продолжались, и по данным охраны настроение и поведение забастовщиков становилось все более агрессивным. Очень важно, что сотрудники политической полиции сумели выявить опасные тенденции этого периода: во-первых, рост числа забастовщиков, а, во-вторых – возрастающую

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 4об.

агрессивность участников оппозиционных акций.

Так, например, активисты партии социал-демократов и социалистов-революционеров, как утверждал начальник СОО, «произносили самые возмутительные речи, призывая толпу вооружаться и с оружием в руках добиваться государственного переворота, причем успокоиться только тогда, когда будет установлена в России демократическая республика»¹. Кроме того, начальник саратовской охраны особо выделял и очень опасную тенденцию, набравшую обороты в этот период времени – десакрализацию царской власти, отметив, что революционные «ораторы оскорбляли самими непристойными словами особу государя- императора и семью его величества, а Другов и Рачинский предлагали немедленно же принять меры к уничтожению всей царской семьи»². Исследовав феномен десакрализации царской власти на примере Саратовской губернии по материалам судебных процессов Ю.В. Варфоломеев приходит к выводу о том, что «общественные волнения и протесты, дерзостное неуважение к верховной власти, оскорбления императора и представителей царствующей династии вели к серьёзным последствиям»³ для царского режима, которые через несколько лет привели к падению Российской империи.

Четко отслеживая рост антиправительственных выступлений в эти дни в Саратове, жандармы вместе с тем отмечали заметную эскалацию противоправных, деструктивных заявлений революционных активистов, которые своими речами возбуждали толпы собравшихся, требуя уничтожения самодержавия, организации «боевых дружин» для разгрома правительственных учреждений и банков, а также разграбления оружейных магазинов. Революционные ораторы призывали митингующих к разгрому общественных учреждений, уничтожению полиции и образованию

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 5.

² Там же. Л. 5.

³ *Варфоломеев Ю.В.* Характер государственных преступлений в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Саратовской судебной палаты) // Базис 2024. № 2(16). С. 44.

«временного правительства» на время, пока в Петербурге не произойдет государственный переворот. Причем от слов забастовщики стали переходить к реальным шагам – на этих собраниях производились сборы на оружие и нужды революционных комитетов, и распространялась революционная литература¹.

12 октября 1905 г. массовые беспорядки, подстрекаемые эсерами и социал-демократами, приняли особо опасный характер. Толпа митингующих (примерно 3 тысячи человек), под влиянием речи агрессивно настроенного оратора, попыталась с Дегтярной площади прорваться в центр города по Большой Сергиевской улице. Однако силами полиции, казаков и солдатами Хвалынского полка рассеяли толпу, задержали 185 человек и доставили их в полицейский участок. Но, несмотря на крайне опасные действия бунтовщиков, применявших против сил правопорядка огнестрельное оружие, власти поступили с ними очень гуманно – после допросов большая часть злостных нарушителей порядка была освобождена, а задержаны были только 33 человека, хорошо известных охранному отделению, как политически неблагонадежные постоянные участники всех антиправительственных выступлений. Ввиду революционного направления всех происходивших, начиная с 10 октября, собраний, Саратовским губернатором П.А. Столыпиным было отдано приказание полицмейстеру не допускать нигде никаких собраний и везде в местах, предположенных к сходкам, поставить усиленные наряды полиции и войск².

В этот же день вечером в городской управе, при огромном стечении публики, состоялась революционная сходка под видом думского заседания. Как всегда, в подобных случаях, произносились, призывающие горожан к решительным действиям революционные речи. «Особенно противоправительственной окраской, – отмечал ротмистр Н.Д. Федоров, – и даже более того, чем-то человеконенавистническим веяло от речей четырех

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 6.

² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7068. Л. 7-7об.

ораторов»: Г.М. Гальперина, В.Ф. Авриха, А.П. Иосифова и А. Шукайло¹. На этом собрании решено было создать местное «временное революционное правительство» в лице «Центрального стачечного комитета». Начать свою деятельность комитет должен был с 18 октября 1905 г., а его основные задачи состояли в том, чтобы как можно более успешно продолжать начатую политическую забастовку, совершенно игнорировать официальные власти – губернатора, администрацию и полицию, самостоятельно разрешать все экономические и административные вопросы по управлению городом и забастовкой а также агитировать население к вооруженному восстанию².

Ввиду того, что ход стачки и призывы партийных лидеров приобретали все более и более угрожающий общественной и государственной безопасности оборот, губернатор Столыпин предложил жандармам арестовать в ночь с 13 на 14 октября ораторов преступных собраний и весь стачечный комитет. С 4 часов 30 минут утра 14 октября было арестовано 33 наиболее видных активиста и партийных функционера. «Аресты, следовавшие один за другим, нанесли в конце 1905 года тяжелый удар организации»³, – подтверждал один из участников тех событий Г. Саар. Благодаря тому, что жандармы произвели аресты руководителей забастовки и не допускали противоправительственных собраний, дни 14, 15, 16 и 17 октября в городе прошли спокойно. Таким образом, в первый момент после нейтрализации верхушки революционных партий накал революционных страстей пошел на убыль, и, казалось, обстановка в городе стала постепенно стабилизироваться.

Однако, оставшиеся на свободе эсеровские и эсдековские активисты продолжили будировать массы населения, настойчиво проводя революционную пропаганду и антиправительственную агитацию, особенно в среде рабочих и железнодорожных служащих. Их деструктивная деятельность привела к провоцированию еврейского погрома и массовым беспорядкам в

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 7.

² Там же.

³ Саар Г. Указ. соч. С. 202.

Саратове 18 и 19 октября 1905 г., а в начале декабря революционеры предприняли попытку организации декабрьского вооруженного восстания по примеру аналогичных событий в Москве.

Новый этап эскалации антиправительственных выступлений в Саратове начался 9 декабря 1905 г. после того, как в Москве вспыхнуло вооруженное восстание. Московский Совет Рабочих Депутатов призвал присоединиться к политической стачке и все другие регионы страны. В Саратове стачка началась 9 декабря, а закончилась 21 декабря, одновременно с окончательным подавлением Московского восстания. Было очевидно, что выступление саратовских революционеров явилось своеобразной поддержкой декабрьского вооруженного восстания в Москве.

В течении всего этого времени политическая полиция Саратовской губернии вела напряженное и тяжелое противоборство с вновь активизировавшимся революционным движением. Начальник саратовского охранного отделения в своем донесении прослеживая антиправительственные выступления, обращал внимание на то, что в течении ноября Саратове постоянно проходили митинги, устраиваемые местными организациями социалистов-революционеров и социал-демократов. «На этих собраниях велась массовая противоправительственная агитация и слушателям ораторами внушались мысль о близости вооруженного восстания и о необходимости поголовного вооружения»¹, – подчеркивал он.

В качестве примеров нагнетания революционерами криминальной обстановки в городе он приводил следующие факты: в оружейных магазинах совершенно открыто производилась продажа разного оружия, а среди служащих железной дороги распространялись слухи о близости третьей всеобщей забастовки. Эскалация антиправительственных действий пришлась на 9 декабря 1905 г. На основании собранных жандармами сведений все речи ораторов на участвовавших с этого времени митингах и собраниях «сводились

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 9об.

к необходимости немедленно же начать политическую забастовку и бастовать до тех пор, пока не будет созвано учредительное собрание <...> всем служащим РУЖД присоединиться к вооруженной борьбе с правительством за созыв учредительного собрания»¹.

До 9-го декабря ничего определенного среди революционных организаций и железнодорожного союза о дне начала забастовки известно не было. Однако, по сведениям жандармских органов утром 9 декабря из Москвы с железнодорожного съезда приехали делегаты служащих дороги, среди которых особенно выделялись антиправительственным настроем Александр Бровцын, Анатолий Шукайло, дантист Нахим Луцкий, Гавриил Сушкин, Павел Молчанов, слесарь железнодорожных мастерских Алексей Алексеевич Петров, мещанин Мелитополя Александр Бродский, Андрей Фортинский, Василий Козлов, Петр Николаевич Казанцев и доктор Дмитрий Гордон. В этот же день прошла сходка, на которой выступили делегаты съезда Алексей Петров, Павел Молчанов, Федор Воронков, Петр Клочков, Александр Кузнецов и Александр Клещевников и призвали к забастовке, которая и началась с мастерских и депо железной дороги. По агентурным сведениям политической полиции речи ораторов сводились к агитации за немедленное устройство политической забастовки и ее совместное проведение с Саратовским советом рабочих депутатов, а также к подготовке всех рабочих к вооруженному восстанию².

С этого времени в городе повсеместно стали проходить антиправительственные митинги и собрания, на которых звучали стандартные призывы – к забастовке, вооруженному восстанию, выборам в Учредительное собрание. Жандармские органы внимательно отслеживали эти антиправительственные акции и фиксировали наиболее активных революционеров. Так, были взяты в разработку члены избранного забастовочного комитета: В. Добротворский, Е. Романенко, И. Другов,

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 10.

² Там же. Л. 8.

А. Игнатов и В. Мизерский. Также в руки политической полиции попал и список членов, избранных в Москве на съезде в исполнительный комитет железных дорог, в который от Рязанско-Уральской железной дороги вошли: А. Бровцын, А. Бродский, П. Казанцев, Т. Гребенников, В. Козлов, Н. Луцкий, А. Шукайло, Г. Сушкин, Е. Романенко, А. Игнатов, И. Другов, А. Петров и П. Молчанов. Все данные о городской верхушке революционеров позволили жандармам обезвредить ядро антиправительственного движения в Саратове¹.

В ночь с 9-го на 10-е декабря 1905 г. Саратовским охранным отделением при поддержке чинов общей полиции были арестованы лица, агитировавшие за забастовку и вошедшие в число членов исполнительного комитета всех железных дорог и забастовочного комитета РУЖД в числе 44 человек. Правда, задержать удалось в эту ночь не всех, а только 25 человек, так как остальные лица на своих квартирах уже не проживали с первых чисел декабря, предусмотрительно опасаясь ареста и поэтому успели скрыться².

В то же время оставшиеся на свободе активисты продолжали антиправительственную агитацию и организовывать массовые беспорядки. В связи с этим в ночь с 12 на 13-е декабря 1905 г. по указанию начальника Саратовского губернского жандармского управления было произведено 43 обыска у лиц, состоящих членами комитетов социалистов-революционеров и социал-демократов, а также и у видных пропагандистов-агитаторов. На этот раз было арестовано 19 человек из 28, подлежавших аресту. 13-го декабря 1905 г. на Институтской площади Саратова должен был состояться митинг рабочих, но, благодаря мерам, предпринятым полицией, он был предотвращен, а вечером в конторе механического завода Коробова были задержаны члены совета рабочих депутатов, пришедшие туда на собрание: Д.М. Борисов, В.В. Гвоздюков, В. Живов, В.М. Гордеев и К. Гейнрих³.

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 9.

² Там же. Л. 9об.

³ Там же. Л. 10.

Но даже после ареста массовые беспорядки в городе продолжались. Так, 14 и 15 декабря забастовщиками были предприняты попытки к закрытию силой магазинов и устройству митингов на Театральной и Институтской площадях. Но и на этот раз мерами, заранее принятыми полицией, эти противоправные акции были сорваны, а собравшаяся толпа разогнана казаками. Вечером 15-го декабря 1905 г. на собрании совета рабочих депутатов было решено устроить грандиозный революционный митинг, который должна была охранять от нападения казаков и полиции специально созданная для этого «боевая дружина». Для подъема духа забастовщиков, оставшиеся на свободе агитаторы распространяли лживые, подстрекательские слухи о том, что в Москве войска перешли на сторону народа, на колокольне Ивана Великого развивается красный флаг, правительственные власти арестованы и в городе действует «временное правительство»¹.

Эти сведения, полученные политической полицией, позволили властям заблаговременно предпринять меры, чтобы не допустить крупного митинга на окраине города. Однако, собравшаяся за городом толпа численностью более трех тысяч человек попыталась всем скопищем идти в город, и силой прекратить там движение и торговлю. Революционерами была даже выдвинута «боевая дружина» для сопротивления полиции и войскам. После того как участники беспорядков отказались выполнять распоряжения полиции «разойтись», губернатором было отдано приказание нарядам войск разогнать митинг. В итоге протестующие были разогнаны, а часть из них – арестована². Политической полиции удалось заблаговременно выявить организаторов антиправительственных выступлений, а также их цели по эскалации революционных акций в Саратове. 16 декабря 1905 г. полицией с привлечением войск была пресечена попытка вооруженного восстания, а все наиболее активные участники задержаны³.

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 11.

² Там же. Л. 10об-11.

³ Там же. Л. 13.

Завершающей фазой наведения порядка в городе было проведение политической полицией вечером 18 декабря 1905 г. задержания всех, бывших на тот момент на свободе, членов совета рабочих депутатов, которые уже планировали применение единоличного и массового террора с 20 декабря 1905г. по отношению к войскам и чинам полиции¹. Однако своевременные и оперативные действия жандармов и полиции предотвратили этап революционного террора в Саратове и 21 декабря 1905 г. декабрьские беспорядки были полностью ликвидированы. Это стало возможным, как считает Ю.В. Варфоломеев, благодаря эффективной деятельности «саратовского охранного отделения, выявлявшего серьезное количество преступлений и цепко отслеживавшего попавших в поле зрения политического сыска оппозиционеров»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что работа органов политической полиции Саратовской губернии в самый напряженный период первой российской революции позволяла своевременно раскрывать и пресекать деятельность саратовских революционных организаций – эсеров и РСДРП, которая по сути своей была экстремистской и направлена на подрыв общественной и государственной безопасности. Сотрудники политической полиции оперативно выявляли и задерживали наиболее активных деятелей революционных партий, предотвращая дальнейшую эскалацию антиправительственного движения как в самом Саратове, так и в губернии в целом.

3.2. Расследование дел о распространении нелегальных изданий и агитационно-пропагандистской деятельности революционных организаций

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Л. 11.

² *Варфоломеев Ю.В.* Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 198.

Канун Первой русской революции стал важным этапом в развитии революционного движения в России. Партия социалистов-революционеров (далее – ПСР), созданная в 1902 году, активно расширяла своё влияние в регионах, включая Саратов – один из традиционных центров политической активности. В то же время власти усиливали меры по борьбе с «неблагонадёжными элементами», используя методы агентурной работы, наружного наблюдения и перлюстрации.

Исследование материалов дела «О производстве дознания о деятельности саратовского комитета ПСР (А. Жирове, Н. Самсонове и П. Ежове) и о подпольной типографии»¹ 1903 г. позволяет реконструировать как структуру местной революционной организации, особенности создания подпольной типографии, так и методы работы политической полиции. По своему характеру, собранные в этом деле документы разнообразны: дневники наблюдения, сводки филёров, отчёты о производстве дознания, показания свидетелей, копии агитационных материалов, в частности, «Листка Саратовского комитета ПСР № 1 от 25 марта 1903 г.»² – агитационного издания, которое стало вещественным доказательством антиправительственной деятельности организации.

Судя по собранным органами политической полиции материалам, местный комитет партии эсеров четко координировал свою пропагандистскую работу, распространял нелегальную литературу и вёл агитацию среди рабочих и крестьян. Наблюдение за его активными членами – А. Жировым, Н. Самсоновым, П. Ежовым, Г.Н. Надежиным, П.Н. Кресловым и П.Р. Беляевым – позволило жандармами выявить контакты эсеровских функционеров с местными жителями, фиксировать их частые перемещения по городу, а также участие в собраниях³. Например, в дневниках наблюдения за

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 24.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 24-176.

Жировым отмечаются его встречи с «подозрительными лицами» на частных квартирах, что свидетельствует о серьезной организации эсерами конспиративной работы¹.

Как выяснили жандармы, одной из главных задач комитета было издание агитационных материалов. Периодическое издание местной организации эсеров – «Листок Саратовского комитета ПСР» стал важным инструментом пропаганды, призывавшим из номера в номер к борьбе с самодержавием. Полиция, отслеживая перемещения Креслова и Беляева, пыталась определить местонахождение типографии. Сводки наблюдения указывали на их посещения тех домов, где, вероятно, хранились печатные станки или литература².

Документы охранного отделения демонстрируют чёткую систему слежки и дотошное ведение документации, среди которой важнейшее место занимали дневники наблюдения (подробные ежедневные записи о передвижениях и контактах подозреваемых), сводки (аналитические отчёты, обобщающие информацию за определённый период).

Безусловно решающую роль в раскрытии революционной эсеровской организации сыграла агентурная работа – привлечение осведомителей для проникновения в среду революционеров. Например, в сводке за Жировым с 16 по 27 апреля подробно описаны его встречи, маршруты и подозрительные действия³. Это, в свою очередь, позволяло охранному отделению не только собирать доказательства, но и прогнозировать дальнейшие шаги комитета.

Попутно с изобличением преступной деятельности саратовской группы ПСР жандармы составил «социальный портрет» поднадзорных, среди которых были представители разных социальных групп: крестьянин П.Н. Креслов, представитель интеллигенция Г.Н. Надежин, рабочие П. Ежов и А. Жиров. Это, на региональном примере, отражает социальную базу партии эсеров,

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

² Там же. Л. 81.

³ Там же. Л. 48-52.

которая стремилась объединить различные слои общества в борьбе против самодержавия.

Таким образом, в результате анализа этого дела можно сделать выводы о высокой степени организации Саратовского комитета ПСР и его роли в революционном движении региона. В то же время документы показывают высокую организацию системы политического сыска, которая, однако, по целому ряду причин не смогла предотвратить рост антиправительственных настроений.

Еще одно дело «О производстве дознания о распространении в ночь на 26 мая и 4 июня 1902 г. в Аткарске прокламаций “Демонстрация 5 мая” и др.»¹, помогает раскрыть механизмы борьбы царской охраны с революционной агитацией на местах. Дознание по этому делу проводилось Саратовским губернским жандармским управлением (СГЖУ) по фактам неоднократного появления прокламаций в городе Аткарске и на одноимённой железнодорожной станции весной – летом 1902 года.

Согласно рапорту помощника начальника СГЖУ в Балашовском и Камышинском уездах, в ночь на 26 мая, а также 4 июня 1902 г. неизвестными лицами были разбросаны листовки в разных частях Аткарска. Часть изданий обнаружили жители ранним утром 5 мая на железнодорожной станции и в садике при ней. Другая часть находили в городском саду и возле прилегающих домов 26–27 мая и 4–5 июня. Среди изъятых материалов фигурировали революционные прокламации: «Ко всему русскому народному» (очевидно, вариант воззвания к крестьянству и городским низам); «1 мая. Ко всем рабочим и работницам» (традиционный первомайский листок); «Казнь Сипягина» (отклик на убийство эсером Степаном Балмашёвым министра внутренних дел Д.С. Сипягина в апреле 1902 года); «Демонстрация 5 мая» (15 экземпляров) – вероятно, посвящённая годовщине ареста «рабочего знамени» или памяти Карла Маркса»².

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 151.

² Там же. Л. 33-33об.

Опрошенные свидетели, за исключением городского П.В. Парамонова, не смогли указать на конкретных виновных. Парамонов же высказал предположение, что распространением листовок могли заниматься трое железнодорожных служащих: конторщик начальника службы движения В.П. Сергеев, телеграфист станции Аткарск М.Д. Самгин и запасной помощник начальника станции Ф.А. Мрахоловский, которые были у него под подозрением¹.

Поводом для подозрения послужило знакомство этих лиц с лицами, находящимися под негласным надзором полиции: мещанином В.А. Лисовским, ветеринарным врачом И.Н. Котковым и крестьянином М.З. Семеновым. По мнению Парамонова, все они составляли «один кружок», периодически собиравшийся у Коткова и бывшего учителя Комарова. Однако сам городской признал, что в момент наблюдения (в 9 часов вечера 4 мая в беседке у станции) ни у кого из подозреваемых листовок не видел².

Жандармский ротмистр Куприянов, который проводил дознание по этому делу, констатировал: «Подозрение это ничем кроме изложенного не подтвердилось»³. Поэтому в соответствии со статьёй 277 Устава Уголовного Судопроизводства (УСС), позволявшей приостанавливать дело при невозможности найти обвиняемых, дознание было приостановлено. Официально начатое 17 декабря 1902 года, оно завершилось лишь 28 февраля 1905 года – спустя более чем два года, фактически безрезультатно для следствия.

Данное дело – типичный пример полицейского розыска в провинции периода подъёма революционного движения начала XX века. Оно демонстрирует: во-первых, слабость агентурной сети на местах. Единственный осведомитель – городской, чьи подозрения не были подкреплены доказательствами. Во-вторых, высокую степень конспирации

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 151. Л. 33об.

² Там же.

³ Там же.

революционеров-агитаторов, действовавших в Аткарске. В-третьих, формальный характер многих «дознаний» заканчивался отсылкой к ст. 277 УСС – приостановление дела в случае невозможности найти обвиняемых.

В то же время документ позволяет увидеть реальных действующих лиц по этому делу – железнодорожных служащих, интеллигенцию (ветеринар и учитель), крестьянин и мещанин, которые составляли среду распространения революционных идей даже в таком небольшом провинциальном городе Саратовской губернии, как Аткарск.

Железнодорожная магистраль и станции вдоль нее являлись одним из самых распространенных каналов распространения революционной пропаганды. Большое количество дел, расследуемых жандармскими органами, были связаны именно с этими объектами, как и в предыдущем случае. Приведем еще один характерный пример противодействия политической полиции распространению нелегальных изданий на железных дорогах. Это расследование дела о найденных 30 мая 1902 г. на 293, 300 и 302 верстах Тамбово-Камышинской линии РУЖД на переезде Матышево-Елань запрещенных изданий¹.

Это дело о подброшенных прокламациях является еще одним эпизодом революционной агитации на Тамбово-Камышинской линии в 1902 году. В конце мая 1902 г. на 293-й версте Тамбово-Камышинской линии Рязано-Уральской железной дороги произошёл инцидент, привлёкший внимание жандармерии и ставший объектом дознания, длившегося более двух лет. Рабочий-ремонтник 14-й дистанции 16-го околотка, крестьянин слободы Елань Аткарского уезда А.Ф. Паничкин, около 12 часов дня 30 мая заметил необычное поведение одного из пассажиров проходившего пассажирского поезда № 5, следовавшего из Камышина в Тамбов².

По описанию Паничкина, неизвестный мужчина примерно 30 лет, темно-русый, с коротко остриженными волосами, небольшими усами и

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 152.

² Там же. Л. 14.

бородой, без фуражки, одетый в белый штатский пиджак (китель), выбросил из окна вагона второго класса брошюру и листок, после чего выглянул в сторону рабочих. Лица его Паничкин разглядеть не смог. Сразу после прохода поезда он подобрал с полотна гектографированную брошюру эсеровского содержания в зелёной обложке «Крестьянское дело. Откуда и как шло крестьянское разорение», а также печатный лист прокламации «Ко всему рабочему народу русскому от ПСР»¹.

Дорожный мастер М.С. Масликов, которому Паничкин показал находки, сообщил, что и сам поднял на пути какие-то книжку и листок. Он попросил Паничкина сохранить находку до утра 31 мая, после чего отобрал её для передачи жандарму станции «Матышево»².

При дальнейшем осмотре пути Масликов вместе с рабочим Е.Т. Бабушкиным обнаружили на 300-й версте ещё одну гектографированную брошюру «Крестьянское дело» – на этот раз в розовой обложке. Бабушкин унёс её в свою полуказарму³. Затем Масликов, следуя один, нашёл на 299-й версте еще две печатные брошюры «Беседа о земле» (с подложными подписями о дозволении цензурой) и гектографированную брошюру «Саратовский комитет объединенной группы» под заглавием «Казнь Сипягина», а также ещё один экземпляр прокламации «Ко всему рабочему народу русскому от ПСР»⁴.

Все найденные материалы были доставлены на станцию «Матышево», однако не застал жандарма Подгускова, так как он к тому моменту уже уехал в Камышин. Вечером 31 мая старший дорожный рабочий П.Ф. Рябов взял у Масликова розовую брошюру и прокламацию для чтения. Поздно вечером к

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 151. Л. 14об.

² Там же.

³ Полуказарма предназначалась для работников, связанных непосредственно с содержанием железнодорожного пути и живущих прямо на обслуживаемом ими участке железной дороги – путевых обходчиков, ремонтных бригад во главе с путевым мастером и т.д. Название объяснялось тем, что эти здания были с неполным набором необходимых для полноценного быта помещений.

⁴ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 152. Л. 14об.

Масликову явились волостной старшина Т.Э. Хлюстов и писарь В.И. Брагин, получившие сведения о том, что железнодорожные рабочие на перегоне «Матышево-Елань» читают запрещённые книжки. Под расписку у Масликова были изъяты брошюры «Казнь Сипягина» и «Беседа о земле», а Рябов добровольно передал «Крестьянское дело» и прокламацию. Далее материалы через земского начальника К. Лециуса поступили к следователю лишь 29 декабря 1902 года¹.

Утром 1 июня жандарм Подгусков отобрал у Бабушкина найденную им розовую брошюру, а также дополнительно изъял брошюру «Из-за чего студенты бунтуют – посвящается памяти эсера В.С. Арефьева», обнаруженную путёвым сторожем А.П. Шаталиным и рабочим Я.И. Коршуновым².

Проводник Е.Х. Кобяков и главный кондуктор В.С. Коломенский того самого поезда, из которого были выброшены на полотно дороги брошюры, показали, что в Камышине или со станции «Красный Яр» в поезд сел молодой человек в чесучевой рубашке, приметы которого совпадали с описанием, данными Паничкиным. Этот молодой человек вышел на станции «Балашов». Однако никто из кондукторов не видел, чтобы он выбрасывал брошюры, а установить личность пассажира не удалось³.

Дознание, начатое Саратовским губернским жандармским управлением, завершилось только в ноябре 1904 г. Постановлением от 24 июня 1904 г., утверждённому 22 ноября на заседании Саратовского губернского совещания, дело было прекращено «за необнаружением виновных»⁴.

Этот эпизод – характерный пример практики распространения нелегальной литературы путем железнодорожных сообщений накануне и в годы революционного подъема. Использование железнодорожного

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 152. Л. 15.

² Там же. Л. 15об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 19.

транспорта для «подбрасывания» агитационных материалов – брошюр антиправительственного содержания, маскировка их под легальные издания, – всё это демонстрирует методы подпольной работы революционных организаций начала XX в. Несмотря на активное участие жандармерии и волостных властей и, личность таинственного подозрительного пассажира на протяжении двух лет, так и осталась неустановленной, а само дело было закрыто за отсутствием виновных, что, с одной стороны указывает на сложности борьбы с анонимной агитацией, а с другой, свидетельствует о строгом, даже каком-то щепетильном соблюдении жандармами законодательных актов имперской России при расследовании революционных эпизодов и беспечное прекращение следственных действий по формальным основаниям.

В начале XX века Российская империя находилась в состоянии нарастающего социального напряжения. Крестьянское малоземелье, голодные годы и ощущение несправедливости толкали деревенских жителей на поиск справедливости. Одним из тех, кто оказался в центре внимания политического сыска за «противоправительственные речи», стал крестьянин М.С. Арефьев. Документы СГЖУ позволяют реконструировать историю его антиправительственной деятельности – от ареста до высылки под надзор полиции в далёкую Архангельскую губернию.

Арефьев происходил из крестьян села Александровка Свищевской волости Чембарского уезда Пензенской губернии, и на момент задержания ему было 40 лет. Судя по материалам дознания, он был не просто грамотным человеком, но и занимался обучением детей в школе, и порой представлялся «бывшим учителем», но сведений о его принадлежности к какой-либо партии не имелось¹. Получалось так, что антиправительственная пропаганда, которую он вел в селах Пензенской и Саратовской губернии проводилась по его собственной инициативе.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Л. 10.

В 1902 г. М.С. Арефьев попал в поле зрения жандармского управления. Основанием для его привлечения к жандармскому дознанию стали показания нескольких крестьян – Кормилицына, Новичкова, Сенина, Бабуркина и Никитина. Согласно их свидетельствам, 8 и 9 июля 1902 г. в деревне Николаевка Аткарского уезда Саратовской губернии Арефьев распространял «ложные слухи» о грядущем переделе земли. Он, например, утверждал, что крестьяне якобы уже начали бунт в сёлах Макарове Балашовского уезда и Борках Сердобского уезда. Кроме того, он говорил, что «в одно число по всей России приступят студенты и крестьяне ко всем городским учреждениям и Палатам и Казначействам, всех чиновников заберут в тюрьму, а книги отберут от них и по ним будут проверять нам интересно знать, куда деваются у нас капиталы, которые собираются с нас, сынов России»¹.

Особую остроту этим действиям придавало то, что Арефьев не ограничивался только распространением слухов. Как выяснилось в ходе жандармского следствия, ранее, в деревне Сумароковка Чембарского уезда Пензенской губернии он перед двадцатью собравшимися крестьянами произнёс развёрнутую речь, в которой критиковал церковно-приходские школы за то, что «священники в школах учат крестьянских детей признавать только Бога, да земских начальников, прочих властей, священников и господ, но ничему хорошему не учат»². Далее, по показаниям свидетелей, Арефьев заявил: «Господа очень счастливы, имеют по несколько тысяч десятин, а крестьяне вокруг них бедствуют и умирают с голода, но так недолго ещё будет. Если не в нынешнем году, то в следующем вся земля будет оторвана от господ и поделена между крестьянами. Мы постараемся об этом – конечно, быть может, не обойдётся без жертв с нашей стороны, но мы всё-таки достигнем цели»³.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Л. 13.

² Там же. Л. 29.

³ Там же.

Кроме того, он призывал крестьян самоуправно пахать помещичью землю, сеять на ней и увозить урожай домой, а в случае судебных исков со стороны господ – искать помощи у иностранных держав, включая Турцию и Германию. Последнее предложение Арефьева уже явно выходило за рамки антиправительственной пропаганды¹. Сама идея обратиться за помощью к правительствам Турции или Германии за помощью в борьбе с российскими властями являлось не только радикальным, но и открыто враждебным, предательским по отношению к своей стране.

После задержания, находясь под стражей, М.С. Арефьев изменил свое поведение и стал искать себе оправдания, стараясь выглядеть жертвой оговора и полицейского произвола. 11 сентября 1902 г. он подал прошение начальнику Саратовского губернского жандармского управления, в котором решительно отвергал все обвинения в его адрес: «Задержан полицейским урядником... произведён обыск – при обыске ничего не найдено. Не знаю, на чём основывался урядник, арестовывая меня. Не с кем никаких переписок не делал, а также был занят своею деятельностью – углублён с детьми в школу грамотности, а против Царя и Отечества я никогда и нигде никаких слухов не распространял»².

Он просил освободить его из-под стражи и предлагал проверить его поведение по месту жительства: «Можете спросить те общества, в которых я проживал... которые знают меня более, чем урядник».

Дознание велось по 1035 статье Устава уголовного судопроизводства, а квалифицировались действия Арефьева по 132 статье Уложения о наказаниях за распространение ложных слухов, возбуждающих народные волнения. Дело было расследовано совместно двумя губернскими жандармскими управлениями – Саратовским и Пензенским. Однако, несмотря на очевидную опасность для государственной безопасности пропагандистской работы М.С. Арефьева, он отделался относительно мягким наказанием – крестьянин

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Л. 29об.

² Там же. Л. 14.

был признан политически неблагонадёжным и отправлен в ссылку сроком на 3 года под надзор полиции в Архангельскую губернию¹.

Дело Михаила Арефьева – не уникальный эпизод. На рубеже XIX–XX веков российская деревня буквально кипела слухами о скором «чёрном переделе» земли. Революционные партии (эсеры, социал-демократы) активно работали в деревне, хотя сам Арефьев в документах не назван членом какой-либо организации. Характерно, что он упоминает студентов как союзников крестьян – это отражает реальное сближение радикальной интеллигенции и аграрного населения в преддверии революции 1905 года. Жандармское дознание по делу Арефьева показывает, как власть реагировала на любые, даже одиночные призывы к захвату земельной собственности и подрыву государственного порядка. Административная высылка на три года в Архангельскую губернию была не столь суровой мерой для крестьянина, систематически занимавшегося явной антиправительственной агитацией. Сам факт, что крестьянин мог открыто говорить о переделе земли и аресте чиновников, свидетельствует о глубине назревавшего социального взрыва.

Вместе с тем, подобная агитация была не столь безобидной. Напротив, нередко она имела тяжелые последствия. Примером этого может служить жандармское расследование по делу о распространении антиправительственной литературы и поджогах в Петровском уезде Саратовской губернии в 1903 г. В материалах дела речь шла о крестьянском сообществе в Петровском уезде, обвиняемом в распространении запрещенной литературы, подстрекательстве к неповиновению властям, разжигании вражды между крестьянами и помещиками и организации поджогов².

Дознание органами политической полиции было инициировано после серии поджогов в имении помещика Ермолаева в Петровском уезде,

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Л. 53.

² Там же. Д. 217. Л. 138-144 об.

воспринятых как акт устрашения с целью вынудить его покинуть имение и передать землю местным крестьянам¹.

В результате проведенных следственных действий, включавших опрос свидетелей Ермолаева, В. Калинина, И. Колиганова, Е. Гришина, П. Потолокова, Е. Крылова и др., к ответственности были привлечены восемь человек: братья И. и Я. Гришины, их однофамилец из деревни Малыгино В. Гришин, З. Захаров из деревни Манцеровки, братья И. и Я. Кагины, Ф. Абрамов и В. Гаврилин. Им инкриминировалось чтение и распространение запрещенных книг, а также организация «шайки» для поджогов с целью запугивания помещика Ермолаева². Однако на допросах все обвиняемые категорически отрицали свою причастность как к поджогам, так и к противоправной литературной деятельности. При этом помощник начальника СГЖУ в Петровском и Сердобском уездах обратил внимание на согласованность их показаний, объясняя это тем, что они содержались под стражей, по постановлению Судебного следователя, все вместе в одной камере, и таким образом имели возможность сговориться³.

Дальнейший ход расследования, основанный на показаниях свидетелей, выявил ключевую фигуру в распространении литературы – И.Е. Кагина, проживавшего в Саратове и посещавшего село Спасско-Александровку на Пасху 1902 г. Обыск на квартире И.Е. Кагина в Саратове, однако, не выявил компрометирующих материалов⁴. В качестве меры пресечения к нему был применен особый надзор полиции, а сам он был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого, отрицая свою вину в распространении нелегальных изданий и указывая лишь на общение с тестем Д. Першиным и переписку с родственниками Иваном и Яковом Кагиными⁵.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 217. Л. 138.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 138об.

⁵ Там же.

Значимым эпизодом в расследовании этого дела стало обнаружение факта получения И. и Я. Кагиными, содержащимися в Вольской тюрьме, денежного перевода на 9 рублей от отправителя по фамилии Чиркин. Допрос Чиркина и его жены (тетки Кагиных) подтвердил передачу ими лишь 2 рублей И.Е. Кагину для отправки арестованным. Происхождение остальных 7 рублей, которые И.Е. Кагин утверждал, что послал из собственных средств, осталось невыясненным и вызвало серьезные сомнения у следователя ввиду скромного материального положения отправителя¹.

Важнейшие свидетельские показания, непосредственно указывающие на антиправительственную деятельность И.Е. Кагина и содержание запрещенной литературы, были получены от карусельщика Лужанского. Последний сообщил о разговоре с крестьянином Филиппом Абрамовым (обвиняемым по делу) в селе Урлейка, в ходе которого Абрамов упоминал о коллективном чтении запрещенных книг в поле и о сокрытии сундука с такими книгами во время визита исправника. Встретив затем за селом пастухов Михаила Суркова, его сына Семена и подпаса Никифора Гришина (крестьян села Спасско-Александровки), Лужанский услышал от М. Суркова заявление о том, что поджоги заставили помещика Ермолаева «помалкивать», а также о наличии книг, утверждающих, что «вся земля должна от помещиков отойти» к крестьянам².

Сурков прямо указал, что эти книги – пять штук, привез из Саратова И.Е. Кагин, служивший там «каким-то начальником» (на самом деле сторожем в Земской управе), и назвал получателей: Ивана Голодяева, сына ямщика, управляющего Бекетовой при с. Урлейки Баранова и Ивана Анохина из села Урлейки. Сурков утверждал, что книги читались на крестьянских сходах, в том числе у гармонного мастера Якова Абрамова, и что Кагин по пути из Саратова расклеивал в Петровске афиши. Сурков также заявил, что Кагин лично читал крестьянам эти книги, уверяя их в скором переходе земли к ним, и о будущем

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 217. Л. 139.

² Там же. Л. 140.

чтении таких книг на сходах. Подпасок Н. Гришин подтвердил Лужанскому наличие таких книг и факт их прочтения им самим¹.

Показания Лужанского о разговоре с Абрамовым в мастерской гармонного мастера частично подтвердил гармонист Городничевский, присутствовавший там же, однако он заявил, что не слышал разговора, будучи занят гармонью и в нетрезвом состоянии. Это утверждение противоречило показаниям свидетеля Егора Крылова, который рассказал, что Лужанский и Городничевский посетили его 8 июля 1902 г. (на Казанскую) сразу после мастерской. Лужанский сообщил тогда Крылову о противоправительственных высказываниях Абрамова. Крылов советовал Лужанскому заявить об этом уряднику, но Городничевский активно отговаривал его, опасаясь судебной волокиты, и заявил, что в случае допроса он ничего не покажет².

При последующем допросе пастухи М. и С. Сурковы отрицали разговор с Лужанским о поджогах, разделе земли и запрещенных книгах, привезенных Кагиным на Пасху 1902 г., утверждая, что не помнят содержания беседы с неизвестным человеком у колодца. Их показания частично расходились с показаниями подпаса Н. Гришина, который подтвердил, что разговор с карусельщиком (Лужанским) вел М. Сурков, упоминал запрещенные книжки, привезенные Кагиным, и что Лужанский просил Гришина достать у Кагина такую книжку, но тот отказался³.

Допросы гармонных мастеров села Спасско-Александровки – Якова Абрамова, Федора и Григория Новиковых дали противоречивые результаты. Я. Абрамов отрицал починку гармонии карусельщику и наличие в своем доме противоправительственных чтений или разговоров со стороны своего двоюродного брата Ф. Абрамова. Новиковы же подтвердили факт починки гармонии карусельщику и гармонисту на Казанскую 1902 г., присутствие в их избе Федора Абрамова и его долгий разговор с карусельщиком, содержание

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 217. Л. 140об.

² Там же. Л. 141.

³ Там же. Л. 141об.

которого они не слышали¹. Тесть И.Е. Кагина Д. Першин подтвердил получение от зятя через И.П. Гришина двух писем (одно для него, другое для И.П. Кагина) и визит Кагина на Пасху 1902 г. без книг. Сам И.П. Гришин подтвердил доставку писем от Кагина Першину². Лица, названные М. Сурковым получателями книг от Кагина – И. Голодяев, С. Баранов, И. Анохин, сыновья ямщика М., Я. и В. Гришины, на допросах категорически отрицали получение каких-либо книг от И.Е. Кагина³.

Важные для жандармов показания дал учитель села Троицко-Вырыпаево Федор Поздняков. Он сообщил о слухах, связывающих поджоги у Ермолаева с «шайкой» в составе братьев И. и Я. Гришиных, В. Гришина, а также З. Захарова. Поздняков отмечал частые ночные сборища с выпивкой около лавочки Гришиных, где бывали и его племянники И. и Я. Кагины, которые, по его сведениям, полученным от других лиц, читали запрещенные книги, полученные от И.Е. Кагина, ранее замешанного, как говорили в селе, в «политической истории»⁴.

Наиболее существенным является личное наблюдение Позднякова. Он рассказал жандармам, что на Троицу 1902 г. в помещении Гришиных один из братьев передал для чтения Ивану Тиханову книгу, которую затем взял и сам Поздняков. Он прочитал вслух около страницы, идентифицировал заглавие как «Беседы о земле», понял ее запрещенный характер, вернул книгу Гришину и предостерег присутствующих от ее чтения⁵.

Крестьянин Потолоков сообщил жандармам о противоправительственных высказываниях и упоминании книг «Вторая Воля» и «Беседы о земле» со стороны С. Маслова и И. Голодяева в июне 1902 г., однако сами Маслов и Голодяев, допрошенные как свидетели, объяснили это чтением газеты «Родина» и клеветой на них Потолокова из-за

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 217. Л. 142.

² Там же. Л. 142об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 143.

⁵ Там же.

личной вражды¹. Крестьянин Семен Семенов, арестованный по подозрению в принадлежности к «шайке поджигателей», отрицал свою причастность к этому преступлению².

Представленный документ иллюстрирует сложность расследования дел о распространении революционной литературы и антиправительственной агитации в крестьянской среде, так как подозреваемые и свидетели давали противоречивые показания, и к тому же могли от них отказаться. Несмотря на обилие свидетельских показаний, но часто противоречивых (Лужанский против Сурковых, Городничевский против Крылова) и косвенных улик (денежные переводы, слухи, сборища), прямых доказательств вины, особенно в поджогах, следствию получить не удалось.

Показательно то, что жандармское расследование вполне обоснованно сосредоточило фокус своего внимания на фигуре И.Е. Кагина, как возможном организаторе и связующем звене между городом – Саратовом, являвшемся центром антиправительственной агитации и сельской местностью. Жандармы также пытались разобраться в значении родственных и земляческих связей (Гришины, Кагины, Абрамовы) в распространении революционных идей и антиправительственной литературы – брошюр «Беседы о земле», «Вторая Воля».

Материалы представленного дела также демонстрирует методы жандармского дознания: опрос многочисленных свидетелей и обвиняемых, проведение обысков, применение мер пресечения (арест, особый надзор), попытки отследить денежные потоки и переписку, а также трудности в получении достоверных показаний, обусловленные как солидарностью обвиняемых, так и, возможно, страхом или личными мотивами свидетелей. В целом документы этого дела отражают нарастание социальной напряженности в деревне на фоне аграрного кризиса начала XX века, выразившейся в

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 217. Л. 143об.

² Там же. Л. 144.

распространении антипомещичьих идей и конкретных акциях устрашения землевладельцев, таких как поджоги.

В начале XX века Российская империя стояла на пороге потрясений. Росло недовольство существующим строем, и одним из очагов брожения стали учебные заведения – гимназии, училища, высшие учебные заведения. Молодые люди не только читали запрещённую литературу, но и создавали кружки, обсуждали социалистические идеи, а порой и открыто бросали вызов власти. Уникальные свидетельства этой скрытой борьбы сохранились в агентурных записках, препровождённых в жандармские управления. На примере дела Саратовского охранного отделения о пропаганде среди учеников Саратовского среднего механико-технического училища можно выяснить как жандармы фиксировали буквально каждый шаг, и каждую антиправительственную акцию молодых бунтарей.

В процессе перлюстрации жандармы обратили внимание на письмо, которое некий Ленка Гурьянов из Саратова отправил 27 ноября 1902 г. в Казань Василию Сидельникову – воспитаннику II класса Учительского института. Послание, перехваченное агентами, раскрывает детали организации подпольного кружка: «Со старцем своим мы образовали новый кружок, более тесный, с целью ознакомления с характером различных социалистических групп, с их прокладкой, их различными путями и конечной целью. <...> он имеет целью посредством знакомства с закулисной стороной настоящего общественного строя направить нас на правильный, более прочный путь, показать нам то поприще, на которое мы должны подвизаться, если желаем принести посильную пользу тому, кто в ней нуждается»¹.

Особого внимания в тексте письма заслуживает слово «старец». В революционном лексиконе тех лет так могли называть идейного наставника – опытного подпольщика, или просто старшего товарища, взявшего на себя риск знакомить молодёжь с социалистической теорией. Программа чтений, о

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.

которой пишет Гурьянов, предполагала не просто изучение текстов, но и анализ «закулисной стороны» общественного устройства – то есть критику самодержавия, полицейского произвола, социального неравенства. Показательно, что юноша просит адресата пока писать на училище, видимо, опасаясь слежки.

Следующий документ, взятый охранным отделением на заметку – это выписка из письма ученика технического училища П. Клокова от 6 сентября 1903 года. Адресат – фельдшер военного госпиталя Александр Борисов также из Казани. Ему Клоков сообщает: «Получил ли ты книжки, которые я послал тебе с Потаповым? Получил ли ты книжки, которые я послал тебе с Потаповым? Я иногда могу доставать нелегальную литературу. Небезопасно ли посылать тебе и хочешь ли этого? В этой литературе прочёл я о значении мощей Серафима Саровского, но послать тебе её сейчас не могу. Я в эту пыль ни капли не верю»¹.

Этот фрагмент примечателен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, Клоков уже имеет доступ к подпольным изданиям и готов их распространять. Во-вторых, его раздражённое «я в эту пыль ни капли не верю» – прямой вызов официальной церковной пропаганде. Летом 1903 года прошли торжества прославления Серафима Саровского, которые власть использовала для укрепления монархического духа и отвлечения народа от революционной агитации. Радикальная литература, напротив, разоблачала культ мощей как обман и «поповщину». Клоков эту позицию не только разделяет, но и готов делиться своим мнением с товарищами, несмотря на риск.

Кульминацией истории с политической неблагонадежностью учащихся стал инцидент в городском театре после спектакля «Забава без любви и секрет полишинеля». Согласно донесению пристава 3-й части Саратова от 18 ноября 1904 года в ложе бельэтажа №11 собрались ученики технического училища, всего – 15 человек. В тот момент, когда публика вызывала на «бис» артиста

¹ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

Вадимова, кто-то громко выкрикнул из ложи бельэтажа: «Долой самодержавие!». Пристав, незамедлительно прибывший на это место, застал в ложе лишь четверых. Они поначалу назвались вымышленными фамилиями, но в участке были установлены их настоящие имена и сословная принадлежность. Среди задержанных оказались: Борис Михайлович Алопеус – дворянин Тамбовской губернии; Аркадий Иванович Лебедевский – потомственный почётный гражданин; Владимир Яковлевич Шмуттер – аткарский мещанин и Александр Ильич Поляков – крестьянин Кузнецкого уезда Саратовской губернии.

Однако в списке скрывшихся, или успевших покинуть ложу до прихода полиции, значатся ещё десять фамилий: Владимир и Константин Крупенниковы, Николай Самохвалов, Василий Будников, Фёдор Дряблов, Константин Чукмасов, Александр Мочалов, Александр Лысяков, Александр Должиков, Иван Козлов и ученик 4 класса Андрей Ананьев.

Кто именно выкрикнул крамольную фразу жандармам так и не удалось выяснить. Однако сам факт такого вызывающего антиправительственного выступления молодежи в казённом театре, в присутствии публики представлял собой серьёзный вызов правопорядку. То, что учащиеся среднего технического училища осмелились на публичный антигосударственный поступок, явилось основанием для того, чтобы этим инцидентом занялось Саратовское губернское жандармское управление.

Обращает на себя внимание социальный состав «смутьянов». Здесь и потомственные дворяне, и дети крестьян, и мещане, но в будущем они – представители российской интеллигенции, что свидетельствовало о том, что новое поколение образованного класса уже не хотело мириться с самодержавным порядком. Техническое училище, конечно, давало не только профессиональные знания, но и представляло собой удобную площадку для дискуссий на злободневные темы, широкого и разностороннего общения, обмена книгами и т.п. По данным жандармской агентуры, в училище уже

действовали и т.н. «старцы» – опытные революционеры, наставлявшие молодёжь в антиправительственном духе.

Все три эпизода политической неблагонадежности молодежи были объединены в одно дел охранного отделения, и жандармы тщательно собирали все улики, чтобы распутать эту криминальную сеть. Письма Гурьянова и Клокова доказывали существование систематической работы местных революционных кружков с учащимися. Для этого подпольщиками использовались самые разные формы пропагандистской работы: совместные чтения запрещенных изданий, обсуждение антиправительственных программ, распространение нелегальной литературы. А отчаянный революционный выкрик в театре одного из «воспитанников» показывает, что усвоенные им идеи переходили в открытое действие, пусть на этот раз и спонтанное.

1904 год – канун первой русской революции. Уже через несколько месяцев по всей стране прокатятся стачки, демонстрации, восстания на броненосце «Потёмкин» и многие другие революционные потрясения. Политически неблагонадежные учащиеся Саратовского технического училища, многие из которых не были выявлены жандармскими органами, вероятно, стали участниками тех событий. Их имена, сохранившиеся на пожелтевших листах жандармских документов – живая история революционного движения, которое начиналось с кружков и книг, а закончилось сменой эпох.

Русско-японская война 1904-1905 гг. стала тяжелым испытанием для Российской империи не только на полях Маньчжурии, но и внутри страны. Война, воспринимавшаяся значительной частью общества как бессмысленная и проигрышная, стала мощным катализатором революционных настроений. В этом контексте перед органами политического сыска встала задача подавления антивоенной агитации, которая грозила подрвать мобилизационные усилия государства. Саратовская губерния, будучи крупным аграрным и торговым центром Поволжья с сильными традициями разночинного радикализма, оказалась в эпицентре этой незримой войны. Именно поэтому органам

политической полиции Саратовской губернии – СГЖУ и СОО пришлось приложить значительные усилия по противодействию революционной и антивоенной пропаганде в период Русско-японской войны.

Специфика губернии заключалась в высокой концентрации ссыльных и поднадзорных, активной работе земств, которые нередко служили легальным прикрытием для либеральной оппозиции, а также в наличии крупных железнодорожных узлов Рязано-Уральской железной дороги, через которые шла переброска войск.

Основными формами антивоенной агитации, с которыми сталкивались жандармы, были: 1). Печатная пропаганда: нелегальные листовки РСДРП и эсеров, отпечатанные в местных подпольных типографиях или ввезенные из-за границы; 2). Устная агитация: так называемые «летучие собрания» в трактирах, на пристанях и в железнодорожных мастерских; 3). Агитация среди новобранцев и запасных военных чинов.

Один из наиболее опасных каналов проведения антиправительственной агитации революционеров – это среди военнослужащих царской армии, что обоснованно вызывало у властей наибольшую тревогу, так как способствовало подрыву боеспособности Российской армии в период ведения боевых действий на Дальнем Востоке. Агитацию среди солдат и нижних чинов армии эсеры, как правило, поручали проводить крестьянам, так как большинство мобилизованных были из крестьянской среды. Так, например, в конце 1904 г. жандармами был задержан крестьянин деревни Дубасовки Петровского уезда В. Шитов, который вел революционную агитацию среди нижних чинов Аткарска¹, а в начале 1905 г. были задержаны крестьяне села Белое Озеро Симбирской губернии П.П. Гаврилин и И.Ф. Скрыбин, которые вели революционную агитацию среди солдат в одной из частей, дислоцированных в Саратовском уезде. Аналогичный пример приводится и в исследовании Ю.В. Варфоломеева: «крестьянин Сердобского уезда Ф. Т. Щегольков 15

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 53.

января 1905 г. на станции Ртищево говорил рядовому Богомолу: “Зачем ты служишь и за чего, ни тебе, ни нам ведь нет ничего. Царь нам не нужен, и его все равно весной убьют. Вот мы устраиваем забастовки, а вы нас, своих братьев, бьете вместо того, чтобы вам быть за нас, вы стоите за царя. Он ведь пользы никому никакой не дает”. В подобной агитации явно просматривались штампы социал-демократической и социал-революционной пропаганды, которые на фоне военных неудач и озлобленности народа неудержимо раскручивали маховик первой русской революции»¹.

На основании Циркуляров Департамента полиции, жандармским управлениям предписывалось усилить наблюдение за «неблагонадежным элементом» и пресекать любые попытки дискредитации войны². В Саратове работа строилась по нескольким направлениям.

Во-первых, выявление антиправительственных и антивоенных настроений посредством перлюстрации корреспонденции. В этот период Саратовский «черный кабинет» работал с огромной нагрузкой. Жандармы искали в письмах фронтовиков и их родственников признаки упаднических настроений. Особое внимание уделялось письмам, приходящим из действующей армии, которые содержали тяжелую правду о поражениях русской армии. Распространение слухов о неудачах под Ляояном или Мукденом приравнивалось к антиправительственной агитации.

Вторым направлением работы жандармов было внедрение секретной агентуры в наиболее рискогенные, с точки зрения политической благонадежности, группы населения – рабочих, студентов, местной интеллигенции и земских служащих по найму. Жандармами активно внедрялась секретная агентура, в первую очередь, в среду железнодорожных

¹ Варфоломеев Ю. В. Саратовская «Молодая адвокатура» на политических процессах в годы войн начала XX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2004 г.). Саратов: Архитектор, 2006. С. 15.

² ГАСО. Ф. 53. Оп. 3. Д. 17а. Л. 2.

рабочих, студентов и учителей. Задачей агентов было не только выявление распространителей прокламаций, но и изучение настроений масс. В донесениях часто фигурируют фразы: «настроение приподнятое, ожидают скорого мира», или наоборот: «в народе глухое недовольство рекрутскими наборами»¹.

Третьим направлением работы политической полиции по пресечению антивоенной агитации было выявление и ликвидация подпольных типографий. Одной из самых громких операций саратовских жандармов стал разгром подпольной типографии местного комитета РСДРП в 1904 г. В ходе обысков были изъяты шрифты и готовые к распространению листовки с призывами к солдатам «повернуть штыки против самодержавия»². Борьба с технической базой революционеров считалась приоритетной, так как позволяла перекрыть канал массовой пропаганды.

В то же время, саратовские жандармы понимали, что одними арестами и изъятием запрещенной литературы остановить рост недовольства невозможно. В отчетах часто встречаются сетования на то, что «народ глух к увещаниям властей, но жадно внимает злоумышленникам»³. В ответ на распространение листовок, органы политической полиции координировали свои действия с православным духовенством. Священникам рекомендовалось произносить проповеди в поддержку войны и императора⁴. Однако эффективность этих мер была низкой, так как антивоенная агитация падала на благодатную почву: крестьянство страдало от мобилизаций, так как забирали глав крестьянских хозяйств, кормильцев, а городские низы были недовольны ростом цен на продукты первой необходимости. Донесения помощников начальника СГЖУ за 1904 год полны сообщений о «дерзких речах» крестьян, отказывавшихся идти на призывные пункты⁵.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 8. Л. 120.

² ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

³ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 8а. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Д. 136. Л. 14-21.

Особый размах антивоенных и даже пораженческих настроений жандармы фиксировали среди интеллигенции. Особую сложность для политического сыска представляла агитация в среде интеллигенции и земских служащих, так как юристы, врачи, учителя часто выражали антивоенную позицию в завуалированной форме, ссылаясь на гуманизм. Борьба с этим видом агитации требовала доказывания состава преступления, что было трудно. В Саратове большой резонанс вызвало дело о сборе средств не «на нужды войны», а «на помощь раненым и больным воинам», которые затем частично переправлялись революционным кружкам через подставных лиц. Жандармам потребовались месяцы кропотливой работы, чтобы вскрыть эту схему¹.

Можно констатировать, что борьба саратовских жандармов с антивоенной агитацией в 1904-1905 гг. завершилась тактическими успехами, но в итоге привела к стратегическому поражению. Политической полиции удавалось ликвидировать отдельные кружки, задерживать революционных агитаторов и изымать тиражи листовок, однако остановить рост антивоенных и в целом антиправительственных настроений в обществе, переломить эту опасную тенденцию оказалось им не под силу. Усилиями жандармских органов властям удалось лишь временно загнать революционный протест в подполье, в то время, как недовольство войной стало одним из катализаторов антиправительственных настроений в обществе на начальном этапе Первой русской революции, в событиях которых жители Саратовской губернии принимали активное участие. Опыт борьбы с антивоенной агитацией показал ограниченность и малую эффективность полицейских методов в условиях, когда против власти выступают не одиночки-заговорщики, а широкие социальные слои, уставшие от военных тягот.

Материалы жандармских дознаний позволяют оценить масштабы и формы революционного движения в количественном и качественном

¹ ГАСО. Ф. 65. Оп. 4. Д. 92.

выражении. На основании закона Российской империи от 19 мая 1871 г. дознания по государственным преступлениям проводили чины губернских жандармских управлений¹. По подсчетам автора, за период с 1902 г. по первую половину 1907 г. СГЖУ расследовало 1319 дел политического антиправительственного характера. Из них на годы Первой российской революции приходится больше половины из них – 743 дознания, и как свидетельствует статистика большинство этих дознаний проводилось по делам, связанным с распространением и хранением запрещенных изданий, раскрытием тайных типографий, а также агитационно-пропагандистской деятельностью революционных организаций. В 1905 – это 104 дознания (52% от общего количества расследований), в 1906 г. – 212 (64%), а за первую половину 1907 г. – 108 (55%). Высокий процент дознаний по делам, касающихся распространения нелегальной литературы, подпольной печати и агитации свидетельствует о том, что представители революционных партий – эсеры и социал-демократы делали ставку на массовую агитацию как основной инструмент идеологической обработки масс и мобилизации рабочих и крестьян на активные противоправительственные действия. Другими словами, в революционной деятельности заметное место занимала пропаганда и агитация, и борьба тогда шла за «сердце и разум» крестьянства и рабочего класса.

В 1905 г. жандармы провели 104 дознания по делам о пересылке, распространении и хранении нелегальных изданий, а также случаев публичного выступления с речами революционного характера. Правда, здесь следует отметить, что некоторые из возбужденных дознаний в январе 1905 г. расследовались по эпизодам революционной деятельности, выявленным в предыдущем году. Однако уже в самом начале революционного 1905 года офицеры СГЖУ проводили дознания, что называется, «по горячим следам».

¹ Высочайше утвержденные правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVI. № 4961510.

Среди этих первых расследований следует назвать дела о производстве дознания об антиправительственных речах в здании Коммерческого собрания 4, 8 и 10 января 1905 г.¹, а также о подобных выступлениях в Саратовской фельдшерской школе 9 января этого же года².

Объектами распространения запрещенных революционных изданий, как правило, становились промышленные предприятия (Волжский сталелитейный завод, Саратовский гвоздильный завод, завод Гантке и др.)³, станции и железнодорожные мастерские⁴, учебные заведения и воинские части. Пытаясь пресечь распространение революционной литературы среди рабочих сотрудники политической полиции проводили внезапные проверки на фабриках и заводах, получив агентурные сведения. Аналогичные операции проводились ими и в рабочих поселках при заводах Беринг и Гантке, где литература распространялась непосредственно среди рабочих цехов⁵. Жандармы использовали тактику «внедрения» или вербовки свидетелей из числа рабочих, несогласных с методами боевиков или недовольных партийными поборами.

Революционные партии с началом Первой российской революции, наряду с традиционной агитацией в рабочей и крестьянской среде, все больше стали распространять свое идеологическое воздействие на учащуюся молодежь и военнослужащих. Примером этого могут служить следующие жандармские дознания: по обвинению ученика Хвалынского четырехклассного городского училища И.В. Солдатова в распространении революционных изданий среди своих товарищей⁶, по обвинению бывшего ученика Мариинского земледельческого училища крестьянина деревни Успенки Царицынского уезда в распространении революционных изданий

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15, 18, 19.

² Там же.

³ Там же.. Д. 20, 28.

⁴ Там же.. Д. 37.

⁵ Там же. Д. 281.

⁶ Там же. Д. 40.

среди бывших однокурсников¹. В 1905 г. жандармы обнаружили в Саратове на квартире эсера В.П. Аргунова гектограф, на котором он тиражировал листовки и прокламации, а затем распространял их среди учащейся молодежи². Также по обвинению в гектографировании сочинений революционного содержания жандармами были задержаны и привлечены к ответственности учащиеся Саратовского средне-технического училища А. Лебедевский, Г. Малашин и В. Корсаков³.

Накануне и в годы Первой российской революции активизировалось идеологическое воздействие РСДРП и партии социалистов-революционеров на военнослужащих российской армии и флота, и в первую очередь, адресатами революционной агитации становились солдаты, матросы и нижние чины. Следует согласиться с выводом В.К. Азаревича, который подчеркивает, что «Революционная агитация и пропаганда среди военных стала для них (эсеров – Д.Х.) первостепенным приоритетом, обойдя по востребованности такую же среди крестьян и тем более рабочих»⁴. Эту тенденцию отчетливо подтверждают материалы жандармских дознаний за 1905-1907 гг. В начале 1905 г. был задержан и подвергнут жандармскому дознанию за революционную пропаганду среди солдат Ливенский мещанин Ф.Ф. Попов⁵. В этом же году жандармы задержали крестьянина деревни Дубасовки Петровского уезда В. Шитова за революционную пропаганду среди нижних чинов воинской части, дислоцированной в Аткарске⁶.

В 1906 г. жандармы провели большую работу (материалы дознания составили 2 тома) по выявлению и пресечению распространения антиправительственной литературы среди нижних чинов 227 пехотного

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 88.

² Там же. Д. 174.

³ Там же. Д. 29.

⁴ Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 83–93.

⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 45.

⁶ Там же. Д. 53.

резервного Балашовского полка)¹. В этом же году было проведено жандармское дознание по обвинению крестьянина села Новые Выселки Аткарского уезда К.К. Беднова в распространении среди расквартированных в селе Баланда Аткарского уезда нижних чинов воинской части революционных сочинений².

В 1907 г. в ходе перлюстрации чинам политической полиции удалось выявить письмо Царицынского мещанина П. Веретенникова, адресованное его брату – Е. Веретенникову, рядовому 158 пехотного Кутаисского полка, в котором он призывал солдат к неповиновению властям³. В этом году жандармы также обнаружили и пресекли распространение запрещенной литературы и революционной агитации в казарме 15-й роты 128-го Старооскольского полка⁴.

Однако агитаторы выступали не только на собраниях, предприятиях, в учебных заведениях, перед крестьянами и военнослужащими, но и на стихийных митингах на улицах городов, базарных площадях и вокзалах. Так, 13 января 1905 г. на улице Саратова крестьянин И.М. Пресняков из села Новые Бурасы Саратовского уезда, которое, кстати, находится на расстоянии более 70 километров от губернского центра, зачитал толпе собравшегося народа революционное воззвание, за что и был задержан полицией, а затем передан чинам СГЖУ, которые начали расследование этого происшествия⁵. Подобный случай произошел в 1906 г. в Аткарске, где был задержан на базарной площади крестьянин В.С. Зотов за чтение революционной прокламации⁶.

Серьезным успехом для политического сыска было обнаружение подпольной типографии. Материалы СГЖУ свидетельствуют о нескольких громких ликвидациих подпольных типографий в Саратове в 1905–1907 гг. В

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 44, 44а

² Там же. Д. 62.

³ Там же. Д. 14.

⁴ Там же. Д. 216.

⁵ Там же. Д. 27.

⁶ Там же. Д. 59.

результате розыскной работы жандармам удалось раскрыть 14 января 1905 г. в Саратове в квартире домашней учительницы А.Н. Пановой тайную типографию¹. В этом же году сотрудники политической полиции обнаружили еще две типографии, в которых печатались запрещенные издания Саратовского комитета партии социалистов-революционеров². Еще одна тайная эсеровская типография была обнаружена в Саратове 7 января 1906 г., где при обыске жандармам удалось изъять и большое количество распечатанной запрещенной литературы³. А в октябре этого же года в доме на Царицынской улице была обнаружена типография Саратовского комитета РСДРП. Жандармам удалось изъять печатный станок и большое количество готовых листовок с призывами к вооруженному восстанию⁴. В этом же году тайную типографию жандармы обнаружили на квартире поселянина А.Ф. Ретлинг⁵.

Специфика Саратова, как перевалочного узла в распространении нелегальных изданий заключалась в его географическом и транспортном положении. Река Волга и железная дорога были главными артериями, по которым революционная литература поступала из Самары, Нижнего Новгорода и Москвы. В фондах СГЖУ отложились дела о досмотре багажа пассажиров пароходов общества «Самолет» и вагонов Рязано-Уральской железной дороги. Типичный случай выявления нелегальных изданий произошел в начале 1906 г. на станции Саратов-2, когда при проверке груза, отправленного на имя вымышленного лица, жандармы обнаружили ящики с «Библиотекой для рабочих», внутри которых находились запрещенные издания: несколько номеров газеты «Искра» и брошюры социал-демократического содержания. Дальнейшее дознание велось в направлении установления отправителя через железнодорожные накладные, но ни

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 137.

² Там же. Д. 33, 35.

³ Там же. Д. 32.

⁴ Там же. Д. 194.

⁵ Там же. Д. 259.

отправитель, ни получатель этого груза так и не были выявлены, так как все оформлялось по подложным документам¹. Еще одна крупная партия нелегальной литературы, на этот раз эсеровской, была задержана также в 1906 г. Но в данном случае жандармам удалось установить получателя груза – штабс-капитана А.И. Шилов. На самом деле Шилов не был профессиональным военным, хотя получил это звание во время службы в армии, а затем уволился со службы и занялся земской деятельностью. В ходе дознания жандармы нашли подтверждение его связей с партией эсеров².

Вместе с тем, революционеры использовали для отправки своей корреспонденции официальные каналы, рассчитывая на то, что жандармы не выявят среди служебных отправок запрещенную литературу. Так, например, сотрудниками политической полиции в почтовом пакете Балаховского уездного управления на имя учителя Игнатовича были обнаружены 10 экземпляров листовок антиправительственного содержания «Письмо очевидца» и 9 экземпляров «Письмо священника Гапона на имя министра внутренних дел»³. Обнаружение этих материалов вывело жандармов на след местной ячейки партии социалистов-революционеров.

Однако, как показывают материалы деловой переписки СГЖУ и СОО, физическое изъятие литературы было лишь верхушкой айсберга. Главная задача в последующем для жандармов заключалась в выявлении авторов, наборщиков, перевозчиков и распространителей. Но неразвитая сеть агентурного аппарата в начале Первой российской революции вынуждала руководство Саратовского ГЖУ действовать преимущественно методом наружного наблюдения и внезапных облав. В документах жандармских органов сохранились донесения филеров, описывающие конспиративные

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1.. Д. 179.

² Там же. Д. 156.

³ Там же. Д. 41.

явки, где передавались тюки с прокламациями, часто замаскированные под торговые грузы¹.

Отдельным направлением являлась борьба политической полиции с агитацией эсеров среди крестьянства Саратовской губернии. Аграрные беспорядки подогревались массовым распространением прокламаций «К земле и воле», призывавших к захвату помещичьих угодий. Для противодействия этому ГЖУ практиковало командирование унтер-офицеров в сельскую местность. Их задачей было не только выявление агитаторов, но и создание сети осведомителей из числа крестьян, которым выплачивалось небольшое вознаграждение из специальных сумм Департамента полиции.

В большинстве случаев агитационно-пропагандистскую работу в сельской местности проводили члены партии социалистов-революционеров. В материалах жандармского дознания за 1905 г. отложилось дело по обвинению учителя Сосновской земской школы Аткарского уезда, и как выяснилось, эсера М.И. Просянкина, который вел революционную пропаганду среди крестьян². Революционной агитацией в годы Первой российской революции среди крестьян занимались и приезжие, как, например, воспитанник Саратовской духовной семинарии В.В. Соловьев (в селе Большой Глушице Николаевского уезда)³, крестьянин села Алексеевки Второго Елецкого уезда Орловской губернии Е.И. Ларионов⁴, вольноопределяющийся 225 пехотного полка Ф.И. Иванова (на хуторе Муравьи Новоузенского уезда)⁵, заведующий столярной мастерской губернского земства, находившейся в Саратове, К.П. Сутягин (в селе Шаховском Хвалынского уезда)⁶, крестьянин Петербургской губернии И.Г. Чихачев (в Саратовском уезде)⁷.

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15.

² Там же. Д. 49.

³ Там же. Д. 46.

⁴ Там же. Д. 80.

⁵ Там же. Д. 95.

⁶ Там же. Д. 83.

⁷ Там же. Д. 150.

Нередко в качестве агитаторов среди односельчан выступали и сами местные крестьяне. Так, только за первую половину 1905 г. жандармами были задержаны и привлечены к дознанию за распространение революционных изданий: крестьянин села Падовки Николаевского уезда П.К. Умнов, крестьянин деревни Протопоповка Аткарского уезда Н.А. Пашкин, крестьянин села Барановка Вольского уезда П.П. Николаев, крестьянина Пригородной слободы Сластухинской волости Аткарского уезда П.В. Пузанков, крестьянин села Мачкаса Петровского уезда П.В. Кольдин, крестьянин деревни Ваулина Камышинского уезда М. Бочкарев, и др.¹. Однако среди революционеров-агитаторов были не только крестьяне, но даже землевладельцы, о чем свидетельствуют материалы жандармского дознания о распространении среди крестьян Трескинской волости Сердобского уезда местным землевладельцем С.А. Малышевым «политических рассуждений против особы императора»². Также среди распространителей антиправительственных идей среди крестьян встречались лица, не имевшие отношения к сельским труженикам: повивальная бабка при Лопуховской больнице Камышинского уезда Ф. Янклевич, лесокulturный смотритель удельного ведомства В.С. Серапинин (агитировал в Аткарском уезде), заведующая столовой в селе Ключи Саратовского уезда Т. Чеботарева, земский начальник А.П. Штейнфельд³ (агитировал в Рудне, Красном Яре, Терсинка и других селениях Камышинского уезда), управляющий Вольской сельскохозяйственной школы⁴ Д.Ф. Троицкий⁵. Последний в период руководства школой активно занимался просветительской работой среди крестьян. Он организовывал для них бесплатные спектакли, а в деревне

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 48, 57, 58, 61, 78.

² Там же. Д. 76.

³ До перевода в Камышинский уезд А.П. Штейнфельд служил земским начальником в Балашовском уезде, но за участие в июле 1905 г. в оппозиционном съезде врачей и председателей земских управ в Балашове он был переведен в Камышинский уезд. Однако и там, судя по документам жандармского дознания, он продолжил антиправительственную деятельность.

⁴ В 1907 г. школу преобразовали в Вольское низшее сельскохозяйственное училище.

⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 93, 47, 60, 132, 205.

Шмитовка Озерской волости Вольского уезда при его непосредственном участии открыли чайную. В частности, через такие мероприятия в крестьянскую среду проникали революционные идеи. В 1909 г. после окончания жандармского расследования и суда Дмитрий Троицкий был арестован.

Сложность борьбы политической полиции с антиправительственной пропагандой заключалась в тактической гибкости революционных организаций. Особенно, когда после Манифеста 17 октября 1905 г. поток нелегальной литературы частично перетек в легальное русло. Саратовские газеты «Приволжский край» и «Голос» регулярно публиковали материалы, которые жандармы считали «вредными». Документы жандармских дознаний фиксируют практику наложения арестов на номера легальных газет и возбуждение дел против редакторов. В донесениях начальника ГЖУ губернатору прослеживается недовольство невозможностью полностью пресечь влияние прессы: «Если нелегальный листок можно изъять, то мысль, высказанную в подцензурной газете, изъять труднее»¹. Всего за 1906-1907 гг. в Саратове было органами политической полиции возбуждено и расследовано 49 дел по различным изданиям².

Статистика жандармских дознаний недвусмысленно демонстрирует, что в период 1905 – 1907 гг. политический сыск был нацелен прежде всего на пресечение распространения запрещенной антиправительственной информации, считая печатное слово главным оружием революции. Пик таких дел в 1906 году – 212 дознаний (в 1905 г. – 104, за первую половину 1907 г. – 108) указывает на максимальное обострение борьбы за умы общества, а последующее снижение к лету 1907 года – на постепенный перелом в пользу власти в информационном противостоянии. Относительный спад в этот период по сравнению с пиком 1906 года коррелируется с общим затуханием революционной волны, разгромом боевых дружин и ужесточением цензуры

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

² Там же. Д. 6833, 2750, 2771, 2772, 2777, 2778, 2765, 2788.

после роспуска II Государственной думы. Эти цифры являются количественным выражением того, что противостояние революционеров и жандармов происходило не только на уровне массовых антиправительственных акций, но и на уровне подпольных типографий, распространения прокламаций и митингов.

Саратовскому ГЖУ удалось нанести ряд чувствительных ударов по инфраструктуре революционных партий: тиражи листовок сокращались, склады ликвидировались, агитаторы отправлялись в ссылку. Однако стратегически жандармерия проигрывала информационную войну. Спрос на запрещенную литературу был столь велик, что на место каждого арестованного пропагандиста вставляли новые, а техническая оснащенность подпольных типографий росла. Документы СГЖУ и СОО показывают, что борьба с литературой была изнурительной «гонкой на выносливость». К 1907 г., с наступлением реакции, жандармам удалось переломить ситуацию, но лишь ценой чрезвычайных полномочий и тотальной слежки. Таким образом, материалы органов политической полиции Саратовской губернии по расследованию дел о нелегальной литературе и агитационно-пропагандистской работе революционных партий иллюстрируют драматичную картину столкновения государственной машины с новой оппозиционной силой Российской империи – печатным словом революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование деятельности жандармских органов Саратовской губернии накануне и в годы Первой российской революции позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как научно-теоретическое, так и практическое значение для понимания эволюции системы политического сыска в позднеимперской России.

Прежде всего, следует отметить институциональную эволюцию и совершенствование нормативно-правового регулирования жандармских органов. К началу XX века в Саратовской губернии сложилась разветвленная структура органов политической полиции, включавшая Саратовское губернское жандармское управление (СГЖУ), Саратовское охранное отделение (СОО, с 1902 г.), Поволжское районное охранное отделение (с 1907 г.), а также жандармские полицейские управления железных дорог. Делопроизводство и документооборот представляли собой строго регламентированную закрытую систему с четким разделением на строевую, секретную и хозяйственную части, использованием унифицированных форм документов, грифов секретности и таких инновационных для того времени видов фиксации информации, как фотографирование.

Ежегодные политические обзоры (до 1905 г.) и последующие донесения позволяли не только оперативно реагировать на революционные выступления, но и выстраивать систему профилактики политических рисков. Однако эти документы, при всей их информационной насыщенности, требуют критического осмысления в силу охранительной функции жандармерии, что проявлялось в тенденциозности интерпретаций и использовании специфической лексики.

Система гласного и негласного надзора была направлена на предупреждение политических преступлений. Негласный надзор, полностью возложенный с 1904 г. на ГЖУ и охранные отделения, предполагал тайное наблюдение за подозреваемыми без ограничения их личной свободы. Анализ

конкретных дел, рассмотренных в диссертации, демонстрирует отлаженный бюрократический механизм, включавший инициацию дела, обмен информацией с органами общей полиции и межгубернскую координацию. Проверка политической благонадежности при приеме на государственную службу, восстановлении после участия в забастовках, издании газет, проведении лекций и даже размещении частных объявлений свидетельствует о тотальном характере контроля. Решающим фактором при принятии решений служило заключение жандармерии, документировавшее участие лица в антиправительственной деятельности.

Производство дознаний по политическим преступлениям являлось основной функцией губернских жандармских управлений. С 1871 г. жандармы получили право проводить розыски, обыски, выемки, осмотры, допросы. Классификация материалов дознаний, проведенная по семи наиболее распространенным направлениям (дела о распространении нелегальной литературы, о революционной пропаганде, о деятельности организаций и кружков, о массовых беспорядках и забастовках, о неблагонадежных лицах и др.), позволяет оценить масштабы и формы революционного движения в количественном и качественном выражении. Накануне Первой российской революции в Саратовской губернии пик дознаний приходился на 1902–1903 гг., что свидетельствовало об активизации антиправительственной деятельности.

Саратовская губерния в 1905–1906 гг. стала одним из очагов наиболее острых и массовых антиправительственных выступлений. Жандармские органы при этом фиксировали проявления опасной тенденции – десакрализацию царской власти: ораторы на митингах и агитаторы позволяли себе оскорбления в адрес императора и членов его семьи.

Распространение революционных изданий являлось одной из наиболее активных форм антиправительственной деятельности. Анализ конкретных дел, проведенный в работе, показывает, что революционеры использовали разветвленные каналы доставки нелегальной литературы, включая

железнодорожный транспорт и почту, а также расширяли сеть подпольных типографий. Политическая полиция, в свою очередь, применяла комплекс мер противодействия революционным организациям: филерское наблюдение, перлюстрацию, агентурное проникновение. Особую тревогу властей вызывала агитация среди военнослужащих, учащихся и крестьян.

Наряду с определенными успехами, система политического сыска Саратовской губернии испытывала серьезные внутренние проблемы. Во-первых, соперничество и конфликты между начальниками ГЖУ и охранных отделений снижали эффективность взаимодействия. Во-вторых, кадровая проблема: нехватка опытных филеров, сложности с вербовкой секретной агентуры, недостаточный уровень юридической подготовки офицеров. В-третьих, отставание правовой регламентации от практических потребностей: негласный надзор до 1904 г. не имел четкой правовой основы, а после его реформы возникла путаница в разграничении понятий «негласный надзор» и «негласное наблюдение». В-четвертых, делопроизводственная перегруженность и формализм: многие дознания приостанавливались по формальным основаниям, а отчетность иногда подменяла реальную оперативную работу. В-пятых, после отставки в 1903 г. жандармского полковника С.В. Зубатова сеть охранных отделений начала развиваться без стратегического плана, подвергаясь постоянным, не всегда адекватным изменениям.

Манифест 17 октября 1905 г. оказался рубежом для служащих политической полиции, и с точки зрения восприятия ими общественно-политической проблематики и с точки зрения корректировки работы жандармов в новых реалиях. Этот документ повлиял на трансформацию делопроизводственного дискурса – от понятий «либералы», «оппозиция» к дихотомии «правые – левые». Таким образом, Манифест 17 октября 1905 г. изменив правила политической «игры», по сути, легализовал публичную оппозиционную деятельность, что потребовало от политической полиции

адаптации к новым условиям и перехода от преимущественно репрессивных методов к более тонким формам контроля и противодействия.

Проведенное исследование подтверждает, что Первая российская революция стала серьезным испытанием для системы политической полиции. С одной стороны, жандармские органы Саратовской губернии продемонстрировали способность к оперативному выявлению и пресечению наиболее опасных форм антиправительственной деятельности. С другой стороны, комплекс внутренних проблем органов политической полиции – кадровых, правовых, межведомственных – не позволял полностью нейтрализовать нараставшее революционное движение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники:

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции. Особый отдел. Оп. 253. Д. 16; Оп. 260. Д. 259; Оп. 265. Д. 977; Оп. 267. Д. 36;

2. Ф. 110. Отдельный Корпус жандармов. Оп. 3. Д. 2778, 2848

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

3. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора. 1781-1917. Оп. 1. Д. 7068.

4. Ф. 7. Саратовская судебная палата. 1871-1918. Оп. 1. Д. 107, 2747, 2750, 2765, 2771, 2772, 2776, 2777, 2778, 2788.

5. Ф. 51. Поволжское районное охранное отделение. 1907-1914. Оп. 1. Д. 97.

6. Ф. 52. Тамбово-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог. 1884-1917. Оп. 1. Д. 2; Оп. 2. Д. 5.

7. Ф. 53. Саратовское губернское жандармское управление. 1838-1917. Оп. 1. Д. 2, 5, 7, 9, 10, 10а, 10б, 10в, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 40, 41, 44, 44а, 45, 46, 48, 49, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 80, 83, 88, 95, 115, 117, 132, 137, 150, 151, 152, 156, 157, 174, 179, 189, 194, 199, 205, 216, 217, 239, 259, 281; Оп. 4. Д. 1, 2, 6, 235; Оп. 8. Д. 19; Оп. 9. Д. 24, 160, 375, 376; Оп. 15. Д. 14.

8. Ф. 54. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Саратовском и Аткарском уездах. Оп. 2. Д. 58, 77.

9. Ф. 55. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах. Оп. 1. Д. 188, 398.

10. Ф. 56. Помощник начальника Самарского губернского жандармского управления в Новоузенском уезде. Оп. 1. Д. 187, 192, 195, 202, 206, 207, 212.

11. Ф. 57. Саратовское охранное отделение. 1902-1913. Оп. 1. Д. 2, 2а, 4а, 10, 11, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 30, 31, 36, 40, 42, 44, 45, 50, 53, 59, 132; Оп. 3. Д. 10.

12. Ф. 1281. Документальные материалы по ликвидации дел Саратовского губернского жандармского управления при Саратовском губернском общественном комитете. Оп. 1. Д. 7.

**Государственный архив новейшей истории Саратовской области
(ГАНИСО)**

13. Ф. 199. Саратовская областная комиссия по сбору и изучению материалов по истории партии большевиков. Оп. 2. Д. 65, 74, 92, 93, 95, 108, 160, 167.

**Пугачевский филиал Государственного архива Саратовской
области (ПФ ГАСО)**

14. Ф. 7. Николаевская уездная почтово-телеграфная контора. Документы общего делопроизводства. Оп. 1. Д. 1, 3.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО)

15. Ф. 18. Канцелярия Вологодского губернатора. Город Вологда Вологодской губернии. 1797-1917. Оп. 2. Д. 464.

Официальные документы

16. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917. Сост. Е.И. Щербакова. Серия «АИРО - Первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: «АИРО-XXI». – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.

17. Высочайше утвержденное «Положение о Корпусе Жандармов» от 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб., 1871. Т. 42. Отд. II. № 44956. – С. 73-80.

18. Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание

законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. От № 1-585 и Дополнения. – СПб., 1885. № 350. – С. 261-266.

19. Департамент полиции. Инструкция № 245 по организации наружного (филерского) наблюдения. – Б.м., [190-?]. – 17 с.

20. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения / публикация Лурье Ф.М., Перегудовой З.И. // Из глубины времен. 1992. № 1. – С. 71-83.

21. Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1910. – 849 с.

22. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В. П. Сальникова – СПб.: Фонд «Университет»: МВД России, Санкт-Петербургский университет, 2001. – 607 с.

23. Падение царского режима: стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под ред. П. Е. Щеголева – Л.: Государственное издательство, 1925. Т. 3. – 506 с.

24. Политическая полиция и политический терроризм в России: (Вторая половина XIX-нач. XX вв.): Сб. док. / [Сост.: Е. И. Щербакова (отв. сост.)]. – М.: АИРО-XX, 2001. – 520 с.

25. Положение о начальниках розыскных отделений: утверждено 12 августа 1902 г. / Министерство внутренних дел, Департамент полиции по Особому отделу. – Б.м., 1902. – 5 с.

26. Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений: мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 19 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. Т. 46. № 49615. – 890 с.

27. Савицкий С.В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к

обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний. – СПб.: тип. Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1908. – 308 с.

28. Свод законов Российской Империи. Продолжение 1906 года. Часть 3 / [сост.: по поручению Государя Императора Государственной канцелярией]. – СПб.: [б. и.], 1906. – 1172 с.

29. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета. – СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, Гос. тип., 1904. – 1122 с.

30. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 15. – СПб.: Гос. тип., 1916. – 521 с.

Источники личного происхождения

31. Бобровская-Зеликсон Ц.С. Записки подпольщика. 1894–1917 гг. – М.: Госполитиздат, 1957. – 127 с.

32. Буренин Н.Е. Транспорт литературы через Финляндию в 1905 г. (воспоминания) // Красная летопись. 1931. № 4 (43). – С. 87-100.

33. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. – М.: Товарищество рус. художников, 1991. – 204 с.

34. Гершуни Г. Из недавнего прошлого. – СПб.: Земля и воля, 1907. – 96 с.

35. Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 685 с.

36. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: воспоминания. – Париж: Изд. автора, 1930. – 255 с.

37. Заварзин П.П. Работа тайной полиции: В 2 ч. – Париж: Тип. Франко-русская печать, 1924. – 174 с.

38. Залежский В.Н. В годы реакции (воспоминания профессионала) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). – С. 326-385.
39. Киселев М.С. Из революционного прошлого (1883–1920 гг.). Записки старого большевика. – М.: Старый большевик, 1934 – 168 с.
40. Курлов П.Г. Гибель императорской России. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
41. Лепешинский П.Н. На повороте (От конца 80-х годов к 1905 г.): попутные впечатления участника революционной борьбы. – Петербург : Гос. изд-во, 1922. – 237 с.
42. Лопухин А.А. Настоящее и будущее Русской полиции (Из итогов служебного опыта). – М.: Изд. В.М. Саблина, 1907. – 69 с.
43. Лядов М.Н. Из жизни партии в 1903-1907 годах: воспоминания. – М.: Госполитиздат, 1956. – 224 с.
44. Майский С. Черный кабинет: Из воспоминаний бывшего цензора. – Пг.: Былое, 1922. – 23 с.
45. Махновец В.П. (Бахарев В.). Как держать себя на допросах – Женева: Союз русских социал-демократов, 1900 (Типография Союза [русских социал-демократов]). – 47 с.
46. Медников Н.М. Письмо А.И. Спиридовичу, 30 января 1903 г. // Красный архив. Т. 4(17). С. 196-197, 199-200, 217.
47. Мызгин И.М. Со взведенным курком. – М.: Молодая гвардия, 1964. – 191 с.
48. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 249 с.
49. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска / вступит. ст. З.И. Перегудова. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. 2004. – 599 с.
50. Петров А.К. Рабочий-большевик в подполье. – М.: Политиздат, 1969. – 80 с.
51. Письмо полицейского чиновника о службе. 1903 г. // Отечественные

архивы. 1993. № 1. – С. 100-104.

52. Рейн Г.Е. Из пережитого, 1907–1918: врачебно-санитарная реформа и учреждение Министерства Народного Здравия в России. Очерк главнейших политических течений в России за последние годы Царствования Императора Николая II. Т. 2. – Берлин: Парабола, 1935 – 311 с.

53. Розеноер С.М. Нелегальный транспорт. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – 101 с.

54. Розеноер С.М. Что мы делали. 1901–1906 гг.: воспоминания. – М.: Изд-во политкаторжан, 1933. – 180 с.

55. Саар Г. Охранное отделение о деятельности Саратовской организации РСДРП // Коммунистический путь. 1923. № 9(34). – С. 199-214.

56. Савинков В. Воспоминания террориста. – Л., 1990 – 445 с.

57. Спиридович А.И. Записки жандарма. – М.: Художественная литература: Фонд творческих инициатив, 1991. – 263 с.

58. Теодорович И.А. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1934. № 5-6. – С. 127-132.

59. Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1993. – 406 с.

Периодические издания

60. Братский листок. 1905-1907.

61. Волга. 1904-1907.

62. Волжанин. 1906-1907.

63. Волна. 1906.

64. Голос деревни. 1906.

65. Железнодорожная Заря. 1907.

66. Жизнь и школа. 1907.

67. Заря. 1906.

68. Искра 1904-1906.

69. Народный листок. 1906.

70. Наш Край. 1906.
71. Приволжский край. 1906-1907.
72. Простор. 1907.
73. Революционная Россия. 1903-1907
74. Саратовская газета. 1906-1907.
75. Саратовский дневник. 1902-1905.
76. Саратовский извозчик. 1906.
77. Саратовский листок. 1904-1905.
78. Хвалынские отголоски. 1906.

Исследования

79. Аврех А.Я. Царизм и Третьеиюньская система. – М.: Наука, 1966. – 188 с.
80. Агафонов В.К. Заграничная охранка: (Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции). С прилож. очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. – Пг.: Книга, 1918. – 388 с.
81. Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним // Известия Восточного института. 2023. № 3. – С. 83-93.
82. Алексеев И.В. История одного провокатора. Обвинительное заключение и материалы к процессу А.Е. Серебряковой. – М.: Моск. губсуд, 1925. – 76 с.
83. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1984. – 664 с.
84. Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической полиции самодержавия. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 150 с.
85. Ансимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. – С. 119-125.

86. Аракелян М.А. Наружное наблюдение и его роль в системе методов политического сыска Российской империи (1881–1905 гг.) // Философия. История. Культура. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2004. Вып. 5. – С. 85-91.

87. Аракелян М.А. Революционное подполье против политической полиции: конспиративная техника революционеров в конце XIX – начале XX вв. // Мир русской провинции: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных статей. – Балашов, 2006. – С. 15-36.

88. Аракелян М.А. Арсенал политического сыска Российской империи в 1881-1905 гг.: специальные методы и средства // Молодые ученые – агропромышленному комплексу поволжского региона. Сборник научных работ. – Саратов, 2006. Вып. 2. – С. 10-28.

89. Аракелян М.А. Секретная агентура политической полиции Российской империи в 1881–1905 гг. (из истории российских политических спецслужб) // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. 2007. № 1. Вып. 2. – С. 94-98.

90. Аракелян М.А. Перлюстрация как метод политического сыска в конце XIX–начале XX веков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 5 (19). – С. 127-130.

91. Аракелян М.А. Профессионалы сыска: Петр Иванович Рачковский // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2008. Вып. 6. – С. 87-103.

92. Ананьев С.В. Правоохранительные структуры Российской империи в борьбе с революционным движением 2-й пол. XIX – нач. XX вв. // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 3. – С. 49–56.

93. Ананьев С.В. Жандармерия Северо-Западного края Российской империи (1866-1890-е гг.): обеспечение внутренней безопасности // Вестник Марийского государственного университета Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2024. Т. 10. № 1(37). – С. 9-16.

94. Ананьев С.В., Климов А.А. Деятельность корпуса жандармов по

обеспечению общественной безопасности в царстве Польском (1860-е гг.) // Право и образование. 2024. № 9. – С. 93-99.

95. Ананьев С.В. Жандармерия западных губерний Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. – С. 60–70.

96. Ананьев С.В. Деятельность местных жандармских органов по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи (1870–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. – С. 426-431.

97. Ананьев С.В. Деятельность жандармских органов в западных окраинах Российской империи (1906-1907 гг.) // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. – С. 38-44.

98. Ананьев С.В. Реформирование местной полиции западных губерний Российской империи и ее деятельность в обеспечении общественной безопасности (вторая половина 60-х – 80-е гг. XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 52. – С. 7-18.

99. Арефа Н.И. Инструкция полицейским урядникам, с приведением разъясняющих ее узаконений и распоряжений, а также извлечений из сенатских решений и министерских циркуляров, и с приложением вопросов, которые могут быть предложены при испытании кандидатов на должности полицейских урядников. – СПб.: В. Березовский, 1914. – 258 с.

100. Белявский Н.Н. Полицейское право: Конспект лекций Н.Н. Белявского, проф. Юрьев. ун-та. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1904. – 334 с.

101. Бибииков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. – С. 34-57.

102. Бикташева А.Н. Казанские губернаторы в донесениях жандармских штаб-офицеров 1826–1832 гг. // Ученые записки Казанского государственного

университета. Т. 150, Кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. – С. 83-92.

103. Биюшкина Н.И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XIX в. // Социум и власть. 2011. № 3 (31). – С. 79-82.

104. Бойко С.И. Противостояние Казанского губернского жандармского управления и учащейся молодежи в конце XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. – С. 10-14.

105. Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. – СПб.: Нестор, 1998. – 109 с.

106. Бродникова М.Н. Методы деятельности политической полиции в России в конце XIX – начале XX вв. Наружное наблюдение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 3 (42). – С. 120-124.

107. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, практика, вторая половина XIX–начало XX в. – М.: РОССПЭН, 2016. – 383 с.

108. Варфоломеев Ю. В. Саратовская «Молодая адвокатура» на политических процессах в годы войн начала XX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2004 г.). – Саратов: Архитектор, 2006. – С. 6-17.

109. Варфоломеев Ю.В. «Хартия вольностей Департамента полиции...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. Серия История. Международные отношения. Т. 9. Вып. 2. – С. 16-24.

110. Варфоломеев Ю.В. Февраль 1917 года глазами начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-

летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. В 2 т. Т. II. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2017. – С. 285-288.

111. Варфоломеев Ю.В., Шумилова Л.Н. Революционная пропаганда и агитация в крестьянской среде накануне и в годы первой русской революции (по материалам Саратовской судебной палаты) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). – С. 161-169.

112. Варфоломеев Ю.В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. – С. 192-202.

113. Варфоломеев Ю.В. Характер государственных преступлений в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Саратовской судебной палаты) // Базис 2024. № 2(16). – С. 41-44.

114. Варфоломеев Ю.В., Авличев А.С. Распространение антиправительственной литературы в армейской среде в 1907–1917 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 3 (96). – С. 68-75.

115. Васькин В.В. Февральская буржуазно-демократическая революция в Саратовской губернии // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. – С. 3-17.

116. Вахрушев И.С. Русские революционеры и заграничная агентура царизма в 70–80 -х гг. XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 8. – С. 53-70.

117. Возный А.Ф. К вопросу об ответственности за провокацию преступления // Сборник статей адъюнктов и соискателей. – М.: ВШ МВД СССР, 1967. – С. 94-102.

118. Волков А. Петроградское охранное отделение. – Пг.: Знание–сила, 1917. – 16 с.

119. Воскобойникова Н.В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890 – 1917 гг.). – Н. Новгород: изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2006. – 122 с.
120. Воскобойникова Н.В. Делопроизводство охранного отделения Нижегородской губернии (1903–1913 гг.) // Отечественные архивы. 2011. № 3. – С. 20-25.
121. Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М.: Совершенно секретно, 2001. – 190 с.
122. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 445 с.
123. Гессен В.М. Исключительное положение. – СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1908. – 410 с.
124. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с.
125. Головков Г.З., Бурин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. – М.: Манускрипт, 1994. – 384 с.
126. Гончарова Е.А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904-1914 годах: На материалах Саратовской губернии. – Саратов: Научная книга, 2006. – 96 с.
127. Горбачев В.П. Прокурорский надзор и руководство дознанием по политическим преступлениям в Российской Империи (нормативные основы) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. – С. 184-185.
128. Горбачева И.М. Перлюстрация как метод борьбы политической полиции с революционным движением во второй половине XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования 2015. № 1(5). – С. 105-109.
129. Гредескул Н.А. Террор и охрана. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912. – 35 с.

130. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 209 с.
131. Григорьев, Б., Колоколов Б. Повседневная жизнь российских жандармов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 897 с.
132. Гуларян А.Б. Жандармы и полиция в российской провинции. На материалах Орловской губернии. 1894–1914 гг. – Орел: Орел-ГАУ, 2011. – 165 с.
133. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. – СПб.: Сенат. тип., 1903. – 499 с.
134. Джанибекия В.Г. Провокаторы: Воспоминания, мысли и выводы. М.: Гея итэрум, 2000. – 399 с.
135. Джунджузов С.В. Политический сыск на Южном Урале в период революции 1905–1907 гг.: совершенствование организации и методов работы // Правопорядок: история, теория, практика 2017. № 4(15). – С. 34-45.
136. Ерошкин Н.П. «Россия под надзором». (Организация и деятельность органов политического сыска в царской России) // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. – С. 85-97.
137. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
138. Жандармы России / сост. В.С. Измозик. – СПб.: Нева; М.: Омка-Пресс, 2002. – 640 с.
139. Жаров С.Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 5 (238). – С. 189-200.
140. Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. – М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1918. – 63 с.
141. Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестник Московского университета, 1996. № 2. Серия 8. – С. 30-37.
142. Жухрай В.М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокатор.

– М.: Политиздат, 1991. – 333 с.

143. Жухрай В.М. Террор. Гении и жертвы. – М.: АСТ- ПРЕСС: Книга, 2002, – 435 с.

144. Звягинцев Е.А. Провокаторы и подстрекатели. – М.: Задруга, 1917. – 30 с.

145. Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: к истории «Черных кабинетов» в России, конец XIX-начало XX в. // Из глубины времен. 1999. № 9. – С. 59-65.

146. Измозик В.С. «Чёрные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVII – начало XX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 693 с.

147. Ирецкий В.Я. Охранка: Страница русской истории. – Пг.: Новая Россия, 1917. – 28 с.

148. Кабытова Н.Н. Власть и общество Российской провинции: 1917 год в Поволжье. – Самара: Самар. ун- т. 1999. – 257 с.

149. Кантор Р.К. Провокатор Степан Белов // Каторга и ссылка. 1924. № 3. – С. 141-152.

150. Кантор Р. К. К истории черных кабинетов // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). – С. 90-99.

151. Карнишин В. Ю. Политическая полиция в условиях новых вызовов начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. – С. 165.

152. Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX–начало XX вв.). – Воронеж: ВГЛУ, 2022. – 308 с.

153. Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции, 1907–1910 // Вопросы истории КПСС. 1986. №. 12. – С. 66-70.

154. Кознов А.П. Большевики против царской охранки // Факел: Историко-революционный альманах 1989. – С. 158-168.

155. Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. – М.; Л.: Гос. Изд-во, 1928. – 144 с.

156. Кравцев И.Н. Тайные службы империи. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 192 с.
157. Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. – С. 315-344.
158. Красный А. Тайны охранки. – М.: Б.и., 1917. – 15 с.
159. Лаврёнова А.М. Чины отдельного корпуса жандармов в восприятии Российских революционеров // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). – С. 21-32.
160. Лаврёнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). – С. 99-116.
161. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. – М.: Прометей, 1924. – 214 с.
162. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1880-1917 г. – М.: Терра, 1998. – 432 с.
163. Макаревич Э.Ф. Политический сыск. Истории, судьбы, версии. – М.: Алгоритм, 2002 – 429 с.
164. Медведев С.В. Политическая полиция, революционеры и железные дороги в начале XX столетия. – М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. – 220 с.
165. Меньщиков Л.П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций существовавших во времена самодержавия. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. – 431 с.
166. Минаков А.С. Социокультурные особенности облика провинциального жандарма в России второй половины XIX века (по материалам ОГЖУ) // Проблемы исторической психологии и взаимодействия мировоззрений в истории. Материалы Всероссийской научной конференции, Орел, 2000. – С. 106–108.
167. Министерство внутренних дел: Исторический очерк: 1802–1902. –

СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1902. – 225 с.

168. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX – начало XX века). – Н. Новгород, Б.и., 1993. – 212 с.

169. Николаевский Б.И. Конец Азефа. – Л.: Гос. изд-во, 1926. – 78 с.

170. Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. – М.: Высшая школа, 1991. – 367 с.

171. Новиков В.Н. Ответственность провокатора по уголовному уложению // Право. 1909. № 18. – Стб. 1124-1134.

172. Новоселов М. Ю. Губернские жандармские управления: история создания и структура // Молодой ученый. 2014. № 11. – С. 286-288.

173. Новоселов П.А. Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. – С. 111-117.

174. Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. – М.: ИНСОФТ, 2010. – 232 с.

175. Опилкин А.С. Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX века глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов // Государственное управление. Электронный вестник. № 31. 2012. – С. 1-16.

176. Осоргин М.А. Охранные отделения и его секреты. – М.: Грядущее, 1917. – 32 с.

177. Очерки истории Саратовского Поволжья 1894–1917 гг. В 2 т. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та: Заволжье, 1993, 1999. Т. 2. Ч. 2. – 429 с.

178. Пащенко А.П. Губернское жандармское управление, как основа структуры отдельного корпуса жандармов (на примере самарского губернского жандармского управления) // Пробелы в Российском законодательстве. 2009. № 2. – С. 251-253.

179. Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением (кадры, курсы, программы) // Факел: Историко-

революционный альманах. 1990. – С. 197-205.

180. Перегудова, З.И. Политический сыск в России (1880–1917). – М.: РОССПЭН, 2013. – 519 с.

181. Пильский П.М. Охрана и провокация. – Пг.: тип. «Виктория», 1917. – 48 с.

182. Позойская В.Н. Саратовская партийная организация в годы царской реакции, 1907–1910 гг. // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 4. – С. 39-62.

183. Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 429 с.

184. Реент Ю.А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. – Рязань: Акад. права и упр. Минюста России, 2002. – 206 с.

185. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов: Издательство «Слово», 1995. – 400 с.

186. Розенталь И.С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. – М.: РОССПЭН, 1996. – 254 с.

187. Романов В.В. На страже Российской монархии: Политическая полиция Поволжья в 1905–1907 гг. – Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 1999. – 189 с.

188. Романов В.В. Закат политической полиции Российской империи: ликвидация подразделений Отдельного корпуса жандармов в Симбирской губернии в 1917-конце 20-х гг. XX в. – Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2000. – 224 с.

189. Романов В.В. Политическая полиция – государственный институт Российской империи. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2007. – 559 с.

190. Руднев П.И. Начальник московской сыскной полиции А.Ф. Кошко // Вопросы истории. 1999. № 4. – С. 136-143.

191. Русский политический сыск за границей: [Сб. / Авт. вступ. ст. и примеч. Л. Меньшиков]. – Париж: Menstschikoff, 1914. Ч. 1. 1914. – 249 с.

192. Рууд. Ч., Степанов. С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993. – 432 с.

193. Рыжаков Д.Г. Рыцари монархии: провинциальная жандармерия во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2008. № 2. – С. 26-33.
194. Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. – Ростов н/Д.: Ростово-Нахичеванский ком. труд. н.-с. партии, 1918. – 75 с.
195. Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 382 с.
196. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 510 с.
197. Соловьева М.Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-й Государственной думы // Вопросы истории. 1966. № 8. – С. 124-129.
198. Соломонов В.А. Революционное студенческое движение в Саратове 1910-1917 гг. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 63 с.
199. Суворов А.И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социс. 2000. № 12. – С. 100-108.
200. Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX - начале XX века (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). – М., Б.и. 2002. – 313 с.
201. Сысоев Н.Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. – М.: Вече, 2005 – 510 с.
202. Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. – М., 1887. – 702 с.
203. Тимофеев Л.Н. Обязанности жандармской железнодорожной полиции: по жандармско-полицейской части. – СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1912. – 1195 с.
204. Троицкий Н.А. Дело Степана Балмашева // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. № 4. – С. 16-21.

205. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880-1905. – СПб.: «Алетейя», 2020. – 353 с.
206. Урысон И.С. Агент-провокатор по действующему уголовному праву // Право. 1907. № 32. – Стб. 2121-2129.
207. Черняев Ю.В. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. – М.; Л., 1976. Ч. 1. – С. 134-156.
208. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. С приложением списков сотрудников, опубликованных Комиссией. – М.: Отдел печати Московского совета Р. и К. Д, 1919. – 93 с.
209. Чукарев А.Г. Методы и средства политического розыска в царской России // Вопросы истории, философии, географии, экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1968. – С. 193-201.
210. Чурсина М. В. Деятельность Отдельного корпуса жандармов по обеспечению государственной безопасности Российской империи во второй половине XIX века // Современное право. 2012. № 5. – С. 164-167.
211. Чурсина М.В. Методы политического сыска, применяемые офицерами Отдельного корпуса жандармов по защите государственного строя Российской империи в XIX веке // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13. № 4 (45). – С. 35-51.
212. Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск: [б. и.], 1973. – 67 с.
213. Щеголев П.Е. К истории полицейской агентуры в России // Былое. 1906. № 3. – С. 10-22.
214. Щеголев П.Е. Тайны охраны из ужасов секретных застенков). – М.: Акционер, 1917. – 45 с.
215. Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. – М.: Изд-во политкаторжан, 1930. – 160 с.

216. Эренфельд Б.К. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12. – С. 84-94.
217. Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт: из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. – М.: Политиздат, 1983. – 142 с.
218. Янжул И.И. Полицейское право: Курс орд. проф. И.И. Янжула – М.: лит. Зеленкова, 1886. – 295 с.
219. Abbott R. Police reform in the Russian Province of Iaroslavl (1856-1876) // Slavic Review. 1973. Vol. 32. №. 2. – P. 292-305.
220. Daly J. Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905. – DeKalb: Northern Illinois University Press. 1998. – 260 p.
221. Lauchlan I. Russian hide-and-seek. The tsarist secret police in St. Petersburg, 1906-1914. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2002. – 405 p.
222. Kazynska E., Drewniak D. Ochrana, carska policja polityczna. – Warsaw: Bellona, 1993. – 192 p.
223. Raleigh D. Experiencing Russia's Civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917-1922. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 438 p.
224. Ruud Ch. Crosscurrents of French, Austrian, and Russian security policing, 1750-1900 / The Cultural gradient: the transmission of ideas in Europe, 1789-1991 / Edited by Catherine Evtuhov and Stephen Kotkin. – Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 2003. – P. 131-144.
225. Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. – New York: NYU Press, 1976.
226. Schleifman N. Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914. – New York: NYU Press, 1988.
227. The Okhrana: The Russian Department of Police. A Bibliography by Edward Ellis Smith with the collaboration of Rudolf Lednicky. – Stanford (California): The Hoover institute on War, Revolution and Peace of Stanford University, 1967. – 280 p.

228. Turston R. Police and People in Moscow 1906 – 1914 // The Russian Review. 1980. Vol. 39. – P. 320-338.

229. Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russia Society. 1880-1917. – New York: NYU Press, 1996. – 345 p.

Диссертационные исследования

230. Алексеева М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867- 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. – Великий Новгород, 2007. – 170 с.

231. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2008. – 457 с.

232. Ансимов Н.Н. Тайная политическая полиция Самодержавия и российская социал-демократия, 1903–февраль 1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1992. – 420 с.

233. Аракелян М.А. Политическая полиция Российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 282 с.

234. Бакшт Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2015. – 261 с.

235. Белова А.В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры (1867-1917): автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.

236. Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902–1917 года (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006. – 22 с.

237. Гончарова Е.А. Местные органы политической полиции России в 1902 – 1914 гг.: (на материалах Саратовской и Самарской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 32 с.
238. Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 239 с.
239. Горбунов К.Е. Административная власть Симбирской губернии в 1796 – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 297 с.
240. Горяинов В.М. Исторические аспекты деятельности Корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX вв.: дис. . канд. ист. наук. – Курск, 2001. – 173 с.
241. Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 177 с.
242. Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2005. – 195 с.
243. Дремков Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2010. – 210 с.
244. Ершов Ю.А. Полиция России в пореформенный период: комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность, историко-правовой аспект: дис. ... канд. юр. наук. – СПб., 1998. – 238 с.
245. Ильин С.А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2002. – 178 с.
246. Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX - начала XX вв. автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 21 с.
247. Лаврёнова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – М., 2018. – 25 с.
248. Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России 1880–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 26 с.

249. Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX начале XX века: (По материалам Нижегородской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003. – 258 с.

250. Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – 153 с.

251. Минаков А.С. Губернское ведомство МВД: состав, функции, взаимодействие с центром: (По материалам Орловской губернии второй половины XIX начала XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Орел, 2003. – 282 с.

252. Миролубов А.А. Политический сыск в России, 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 214 с.

253. Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880-1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 28 с.

254. Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880-1917 гг.: автореф. дис. ... доктора ист. наук. – М., 2013. – 63 с.

255. Опилкин А.С. Центральное (Московское) районное охранное отделение в системе органов политической полиции Российской Империи: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 214 с.

256. Палин А.В. Томское губернское управление в 1895-1917 гг.: (Структура, компетенция, администрация): дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2002. – 279 с.

257. Перегудова, З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением: годы реакции и нового революционного подъема: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 262 с.

258. Плужников С.Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.

259. Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 521 с.

260. Рыжаков Д.Г. Органы политического сыска в борьбе с РСДРП и партией эсеров в 1902-1917 гг.: на материалах Нижегородской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2009. – 34 с.

261. Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 195 с.

262. Сенина Н.В. Отдельный корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Тула, 2007. – 303 с.

263. Скрипилев А.Е. Отдельный корпус жандармов в системе Министерства внутренних дел дореволюционной России (1880–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984. – 21 с.

264. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX-XX веков (1880–1904 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 294 с.

265. Чудакова М.С. Политический сыск России в конце XIX – нач. XX вв. (в региональном аспекте): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1997. – 268 с.